К. Д. НАБОКОВЪ

ИСПЫТАНІЯ ДИПЛОМАТА

СТОКХОЛЬМЪ
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
1921

К. Д. НАБОКОВЪ. ИСПЫТАНІЯ ДИПЛОМАТА

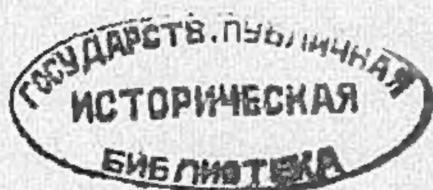
К. Д. НАБОКОВЪ

ИСПЫТАНІЯ ДИПЛОМАТА

СТОКХОЛЬМЪ
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
1921

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ
И. А. ЛУНДЕЛЯ и Е. А. ЛЯЦКАГО

Типо-литографія
Акц. О-ва Хассе В. Тульбергъ
1921

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ настоящее время, когда всякое уважающее себя издательство должно чувствовать особую отвѣтственность за печатаемыя книги, мы желали бы сказать нѣсколько словъ о нашемъ взглядѣ на записки К. Д. Набокова.

Онѣ интересны не однимъ живымъ изложеніемъ того, что было пережито авторомъ во время его разнообразной дипломатической карьеры, не однимъ отраженіемъ опредѣленнаго міровоззрѣнія и яснаго, отчетливаго взгляда на вещи. Эти свойства авторскаго разсказа сообщаютъ настоящей книгѣ свой независимый интересъ, который даетъ ей право на широкое вниманіе русскаго читателя.

Но мы придаемъ особое значеніе тому обстоятельству, что авторъ занималъ выдающійся постъ представителя русской верховной власти, въ тотъ періодъ, когда стихійныя обстоятельства, разразившіяся въ связи съ Европейской войной и нашей революціей, стали наносить жестокіе удары національному достоинству Россіи. Изъ подъ обломковъ рухнувшей старой государственности выступила страдающая русская личность, личность, которой предстояло, прежде всего, сознать свою индивидуальную отвѣтственность за судьбы родины, и, можетъ быть впервые за весь періодъ ея историческаго развитія, продумать важнѣйшія проблемы рус-

скаго государственнаго и національнаго бытія. Высокій постъ, который занималъ авторъ, дѣлалъ его особенно чувствительнымъ къ ущербу нашего національнаго достоинства. Но то, что было испытано имъ въ этомъ направленіи, было пережито по качеству однородно многими тысячами сознательныхъ русскихъ людей, и переживанія эти, отраженныя предлагаемой книгой, составляютъ психологическій этапъ высокой исторической цѣнности. Съ этой точки зрѣнія мы увѣрены, что записки К. Д. Набокова найдутъ читателя, который извлечетъ изъ нихъ не одинъ мастерской разсказъ о красотѣ Востока или поведеніи британскаго Макіавелли, но и реальную пользу: онѣ заставятъ его задуматься надъ важнѣйшими вопросами нашего международнаго положенія и нашей будущей политики.

ИСПЫТАНІЯ ДИПЛОМАТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Въ числѣ заграничныхъ постовъ, доступныхъ русскому дипломату, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и привлекательныхъ (а быть можетъ и самымъ интереснымъ, если не считать посольскихъ постовъ при Великихъ Державахъ) — несомнѣнно является постъ генеральнаго консула въ Индіи. Правильнѣе, пожалуй, было бы сказать «являлся», ибо врядъ ли значеніе этого поста останется неизмѣннымъ, когда (если?) окончательно установятся новыя нормы международнаго общенія, порожденныя Великой Всемірной войной. Буду говорить, поэтому, о значеніи русскаго генеральнаго консульства до войны.

Отъ лицъ, поступавшихъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ при старомъ режимѣ, требовались помимо диплома университетскаго или одного изъ привилегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній — лишь знаніе французскаго языка и кое-какія дополнительно вызубренныя свѣдѣнія по исторіи трактатовъ. Остальные предметы, по которымъ производился «дипломатическій» экзаменъ, врядъ ли заслуживаютъ упоминанія. Благодаря этому,

обширная область исторически и этнографически обусловленныхъ взаимоотношенiй между государствами Европы, Азiи, Африки и Америки была невѣдома тѣмъ русскимъ чиновникамъ, которые посвящали свою карьеру дипломатiи. Въ частности, — объ исторiи, а тѣмъ менѣе о современномъ устройствѣ британскаго управленiя Индостаномъ врядъ ли хоть одинъ изъ сотни русскихъ дипломатовъ имѣлъ хотя бы приблизительное понятiе. Забавной иллюстрацiей этого невѣжества можетъ служить слѣдующiй фактъ: по поводу собравшейся въ Симлѣ въ 1913 году Англо-Китайско-Тибетской Конференцiи я телеграфировалъ въ Дальне-Восточный отдѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ, причемъ указалъ, что «однимъ изъ делегатовъ состоитъ англiйскiй агентъ въ Сиккимѣ» (государство на сѣверной границѣ Бенгала подъ англiйскимъ протекторатомъ). Черезъ нѣкоторое время до меня дошла сдѣланная въ Дальне-Восточномъ отдѣлѣ копiя моей шифрованной телеграммы, въ которой значилось: «однимъ изъ делегатовъ состоитъ англiйскiй агентъ г. Сиккиминъ». Sic! О существованiи Сиккима Дальне-Восточному отдѣлу, конечно, знать не надлежало!

Признаюсь, что когда мнѣ, первому секретарю посольства въ Вашингтонѣ, предложено было мѣсто генеральнаго консула въ Индiи, я почувствовалъ себя приблизительно такъ, какъ еслибы мнѣ предстояло отправиться на планету Марсъ. Въ теченiе трехъ мѣсяцевъ, протекшихъ между моимъ

отплытіемъ изъ Нью-Іорка и пріѣздомъ въ Бомбей, я съ лихорадочной поспѣшностью и все возроставшимъ интересомъ занялся самообразованіемъ по исторіи и современному государственному устройству Индійской имперіи. Тема необычайно увлекательная. Меня тѣмъ сильнѣе поражаетъ наблюдаемое сегодня банкротство государственной мысли въ Англіи, что знакомство съ исторіей британскаго проникновенія въ Индію и примѣнявшимися тамъ пріемами управленія внушило мнѣ искреннее и глубокое преклоненіе передъ англичанами. Говорю безъ малѣйшаго колебанія, что въ исторіи культурнаго человѣчества нѣтъ другого, столь яркаго примѣра просвѣтительнаго подвига, какъ тотъ, который совершила Великобританія въ Индостанѣ. Настоящая глава служитъ лишь введеніемъ къ моему разсказу о пережитой мною въ Лондонѣ тяжелой страдѣ. Я долженъ, поэтому, отказаться отъ задачи подкрѣпить вышесказанное заявленіе подробнымъ анализомъ современнаго политическаго устройства Индіи.

До 1911 года вице-королевское (центральное, высшее) правительство Индіи пребывало въ столицѣ Бенгальской провинціи — Калькуттѣ въ теченіе приблизительно пяти мѣсяцевъ; на остальную часть года — когда въ Калькуттѣ стоитъ невыносимая жара — оно перекочевывало въ Симлу — живописную «лѣтнюю столицу» въ Гималайскихъ горахъ. Въ 1911 году на королевскомъ Дурбарѣ въ Дели провозглашено было перенесеніе мѣсто-

пребыванія вице-королевскаго правительства изъ Калькутты въ древнюю столицу Великихъ Моголовъ; и этотъ городъ, Дели, былъ объявленъ вновь столицею Индіи. Для русскаго читателя, мало знакомаго съ исторіей Индіи, «Дели» — пустой звукъ. У меня является почти непреодолимое желаніе болѣе подробно остановиться на этой «прокламаціи» 1911 года и ея государственномъ значеніи, которое можетъ быть понято лишь въ историческомъ освѣщеніи . . . но я вынужденъ держаться рамокъ своего разсказа. Отсылаю читателя къ превосходному, талантливо и ярко написанному труду г-жи Габріэли Фестингъ (Miss G. Festing) «When Kings rode to Delhi». Мало прочесть . . . и перечесть ее. Нужно побывать въ Дели, пожить одному среди развалинъ семи древнихъ столицъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Дели; нужно умѣть оживить въ своемъ воображеніи Делійскій «фортъ» съ его мраморными и краснокаменными колоннадами. Проникнувшись такимъ путемъ исторической атмосферой, начинаешь понимать, что только та власть, которая устанавливаетъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Дели, можетъ быть признана владычествующею надъ Индостаномъ. Еще живописнѣе — Агра, другое чудо восточной архитектуры, со своимъ фортомъ, «жемчужной» мечетью и геніальнымъ «Тажъ-Магаломъ» — величайшимъ, на мой взглядъ, твореніемъ человѣческаго генія. Всю красоту и поэзію этихъ памятниковъ, а въ особенности Тажъ-Мага-

ла, также трудно постичь безъ знакомства съ исторіей, безъ пониманія духа эпохи, къ которой они принадлежатъ.

Согласно установившейся и ревниво охраняемой по указаніямъ изъ Лондона традиціи, иностраннымъ консуламъ не разрѣшается въ Индіи оффиціальное пребываніе внутри страны, а лишь въ портовыхъ городахъ — Бомбеѣ и Калькуттѣ. Такъ какъ жить въ этихъ городахъ въ лѣтніе мѣсяцы для Европейца — невыносимо, въ исключеніе изъ указаннаго выше правила иностранные консулы на знойную пору года переселялись въ горы, въ одну изъ «Hill stations» въ Гималаяхъ. Изъ этихъ горныхъ дачныхъ мѣстъ Симла служитъ прибѣжищемъ для центральнаго правительства и правительства провинціи Пэнжабъ (зимняя столица котораго — Лагоръ), для Бенгальскаго правительства — Даржилингъ (сказочной красоты и грандіозности). Правительства Мадрасскаго и Бомбейскаго губернаторствъ избираютъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ возвышенныя мѣстности въ предѣлахъ своихъ провинцій. Консулы русскій, французскій, нѣмецкій, австрійскій и персидскій въ послѣдніе годы жили лѣтомъ въ Симлѣ. Такимъ образомъ въ теченіе всего года, пока правительство находилось попеременно въ Калькуттѣ и Симлѣ, генеральные консулы фактически были «въ столицѣ» и имѣли непосредственныя сношенія съ вице-королевскимъ правительствомъ. Съ перенесеніемъ столицы въ Дели

положеніе измѣнилось, и генеральные консулы только полгода имѣли общеніе съ центральной властью.

Въ Калькуттѣ первоначально не было русскаго генеральнаго консульства, которое находилось въ Бомбеѣ. Мой предшественникъ, Б. К. Арсеньевъ, переѣхалъ въ Калькутту; ко времени моего назначенія въ Индію въ русскія законодательныя учрежденія былъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ внесенъ проектъ о перенесеніи генеральнаго консульства изъ Бомбея въ Калькутту, причемъ мѣра эта мотивировалась «необходимостью постановленія русскаго представительства въ Индіи въ личный контактъ съ Индійскимъ правительствомъ». Произошелъ курьезъ. Провозглашеніе перенесенія столицы въ Дели имѣло мѣсто въ декабрѣ 1911 г. Въ маѣ 1912 года я пріѣхалъ въ Индію и уже будучи въ Симлѣ получилъ оффиціальное увѣдомленіе о томъ, что генеральное консульство переносится изъ Бомбея въ Калькутту по указанному выше мотиву!! Мы — въ Калькутту, а правительство отъ насъ — въ Дели. Такимъ образомъ въ теченіе первыхъ двухъ «зимъ», проведенныхъ мною въ Индіи, я вынужденъ былъ проводить 3-4 мѣсяца въ Калькуттѣ безъ всякаго контакта съ правительствомъ, а стало быть и безъ живого дѣла. Говорю «зимъ» — въ кавычкахъ, потому что это терминъ, непримѣнимый къ Индіи. Англичане вмѣсто «summer» и «winter» говорятъ «the hot weather» и «the cold weather». Холодно въ Каль-

куттѣ не бываетъ; не бываетъ, въ сущности, «холодовъ» и въ Дели, но тамъ въ теченіе 3 1/2-4 мѣсяцевъ гораздо рѣзче разница температуры (днемъ и ночью).

На третью зиму — уже во время войны — я уѣхалъ въ Калькутту въ ноябрѣ, но вскорѣ получилъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ инструкціи, для выполненія которыхъ необходимо было имѣть личныя сношенія съ иностраннымъ департаментомъ вице-королевскаго правительства. По пріѣздѣ въ Дели я узналъ, что вице-король лордъ Хардингъ, всегда относившійся ко мнѣ весьма дружественно — согласенъ на то, чтобы я оставался въ Дели. При этомъ онъ, однако, оговорилъ, что даетъ свое согласіе безъ вѣдома Лондона, лишь въ видѣ особаго исключенія, вызываемаго военнымъ временемъ и въ знакъ особаго ко мнѣ довѣрія. Мнѣ было сказано, что желательно устроиться такъ, чтобы не подать повода другимъ союзнымъ консуламъ претендовать на право жительства въ Дели. Выходъ нашелся быстро. Одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ индійской арміи, имѣвшій стоянку въ Дели, въ средѣ котораго у меня были личные друзья, предложилъ мнѣ сдѣлаться членомъ офицерскаго собранія и поселиться въ одномъ изъ бараковъ. Я съ благодарностью принялъ приглашеніе. Такимъ образомъ, когда въ Калькуттѣ спрашивали: «почему русскій генеральный консулъ живетъ въ Дели»?, отвѣтъ былъ: «гоститъ въ 11-мъ уланскомъ полку».

Подробности эти, могущія показаться излишними, иллюстрируютъ то нѣсколько ненормальное положеніе, въ которомъ находился русскій представитель въ Индіи. Ненормальное въ томъ смыслѣ, что формально онъ являлся «торговымъ» консуломъ. Фактически же, при нѣкоторомъ умѣніи, могъ исполнять политическую работу первостепеннаго значенія, служа освѣдомителемъ своего правительства по всѣмъ политическимъ вопросамъ, въ коихъ равно заинтересованы на Востокѣ Россія и Англія, т. е. Персіи, Афганистана. Что касается Тибета — заинтересованность въ немъ Россіи на самомъ дѣлѣ ничтожна, и только неосвѣдомленностью нашей дипломатіи можно объяснить тотъ фактъ, что въ моментъ, когда возникло и налаживалось англорусское сближеніе, — Россія выставляла призрачные и самимъ русскимъ дипломатамъ непонятные аргументы противъ проникновенія англичанъ въ Тибетъ. Иллюстраціей этого невѣжества можетъ служить разсказанный извѣстнымъ полковникомъ Юнхэзбендомъ (Sir Francis Younghusband), начальникомъ экспедиціи англичанъ въ Лхассу, анекдотъ. Графъ Бенкендорфъ, тогдашній русскій посолъ въ Лондонѣ, получилъ инструкціи «протестовать» противъ этой экспедиціи. Когда же въ теченіе разговора по этому поводу съ лордомъ Лансдоуномъ министръ иностранныхъ дѣлъ подвелъ графа къ картѣ Азіи, оказалось, что графъ Бенкендорфъ не знаетъ, гдѣ находится Лхасса, и чрезвычайно удивился, убѣдив-

шись въ томъ, какое огромное разстоянiе отдѣляетъ священную столицу отъ русскихъ земель. Все наше дальнѣйшее вмѣшательство въ похожденiя Далай-Ламы, переговоры съ его посланцами въ Петроградѣ, не имѣли ни малѣйшаго *реальнаго* государственнаго смысла и порождали раздраженiе англичанъ — вполнѣ, въ данномъ случаѣ, естественное.

Когда я прiѣхалъ въ Индiю, легенда о русскомъ «Drang nach Indien» была еще въ полной силѣ. На русскаго генеральн. консула смотрѣли, какъ на «русскаго шпiона». Немало произошло курьезныхъ инцидентовъ, изложенiе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, доказывавшихъ, что англичане относились съ большою подозрительностью — въ особенности англо-индiйскiе чиновники и нѣкоторые военные начальники — къ русскому представителю. Задача, которую я себѣ поставилъ, была двоякая. Во первыхъ, нужно было постараться убѣдить русское министерство иностранныхъ дѣлъ, что только вполнѣ дружелюбное и откровенное обсужденiе политическихъ вопросовъ способно привести къ ихъ разумному разрѣшенiю, что наши интересы во всемъ сходятся съ англiйскими, и что фактически усиленiе британскаго влiянiя въ Индостанѣ и смежныхъ съ нимъ областяхъ не только не грозитъ никакими бѣдами государству Россiйскому, но наоборотъ служитъ ему гарантiей мира и «культурнаго сосѣдства». Во вторыхъ, нужно было убѣдить англичанъ, что политика Рос-

сіи на среднемъ Востокѣ зачастую въ прошломъ является плодомъ кабинетныхъ размышленій лицъ, абсолютно не освѣдомленныхъ объ истинномъ положеніи вещей, и что поэтому возможно полное освѣщеніе этого положенія русскимъ представителемъ необходимо въ нашихъ обоюдныхъ интересахъ. Освѣдомленность же иностраннаго агента, не прибѣгающаго къ подпольнымъ пріемамъ, возможна лишь при полномъ довѣріи къ нему мѣстной власти. Не мнѣ судить о томъ, насколько удалось разрушить эти двойныя Іерихонскія стѣны оффиціальнаго русскаго невѣжества въ индійскихъ дѣлахъ и оффиціальной англійской подозрительности. Тотъ фактъ, что вице-король Индіи во время войны сносился съ Петроградомъ помимо Лондона черезъ мое посредство, что управляющій иностраннымъ д-томъ держалъ меня въ курсѣ секретныхъ переговоровъ съ Афганистаномъ — служитъ нѣкоторымъ признакомъ того, что одну изъ стѣнъ я хоть отчасти проломилъ.

Мнѣ посчастливилось быть въ Индіи въ историческій моментъ чрезвычайной важности — въ 1914 и 1915 годахъ. Когда получилось извѣстіе объ объявленіи Англіей войны — многіе задавались вопросомъ: какъ будетъ реагировать Индія? Удастся ли побудить туземныя войска принять участіе въ борьбѣ, значенія которой они не понимали, которая началась на абсолютно чуждой имъ территоріи Бельгіи.

Не знаю, кому принадлежитъ иниціатива приня-

тія мѣры, приведшей къ неожиданно благотворнымъ результатамъ, а именно — отправки огромнаго большинства туземныхъ войскъ въ Европу, Египетъ, Южную Африку и Месопотамію, съ замѣною туземныхъ войскъ въ Индіи англійскими «территоріальными» войсками. Т. к. мѣра эта оказалась исключительно мудрою, естественно, что честь ея изобрѣтенія приписываютъ себѣ Англійское правительство, вице-король и главнокомандующій въ Индіи . . . словомъ, всѣ тѣ, кто участвовалъ въ ея обсужденіи. Лордъ Хардингъ лично говорилъ мнѣ черезъ три недѣли послѣ объявленія войны, что намѣренъ послать 200 000 войскъ изъ Индіи съ замѣною ихъ англійскими, такъ что я лично склоненъ думать, что мысль первоначально подана была имъ. Случилось слѣдующее: не было въ Индіи войсковой части, англійской или туземной, которая не рвалась бы на фронтъ. Слѣдуетъ пояснить, что въ туземныхъ войскахъ офицерство наполовину англійское, наполовину туземное, причемъ туземцы не имѣли въ то время «King's commission» и не могли командовать частями, т. е. полками, эскадронами или ротами. (Война внесла коренныя измѣненія въ устройство туземной арміи). Тотъ полкъ, гостепріимствомъ котораго я пользовался зимою 1914-1915 года, былъ оставленъ въ Дели для охраны вице-короля — и считалъ себя глубоко обиженнымъ. Въ началѣ 1916-го полкъ былъ переведенъ на Сѣверо-Западную границу, гдѣ уже съ того времени была опасность осложненій со

стороны Афганистана, а позднѣе попалъ-таки на фронтъ — въ Месопотамію.

Ни одинъ изъ предшественниковъ лорда Хардинга (а среди нихъ были люди болѣе выдающіеся, какъ лордъ Лансдоунъ и лордъ Керзонъ) на посту вице-короля не пользовался такою популярностью среди индійскихъ независимыхъ князей, какъ онъ. Всѣ эти князья — отъ Низама Хайдерабадскаго, владѣнія котораго по территоріальному объему въ нѣсколько разъ превосходятъ Францію, — до незначительныхъ князьковъ — съ подлиннымъ энтузіазмомъ откликнулись на призывъ помочь «Имперіи», въ ея борьбѣ съ нѣмецкой коалиціей. Нѣтъ счета денежнымъ и инымъ пожертвованіямъ, посыпавшимся какъ изъ рога изобилія къ лорду Хардингу отъ этихъ вассаловъ императорской короны. Само собою разумѣется, что туземное населеніе и войска въ своемъ отношеніи къ войнѣ въ значительной степени слѣдовали примѣру этихъ мѣстныхъ царьковъ. И въ этомъ крупная заслуга лорда Хардинга, которой не затмятъ его дальнѣйшія ошибки, на посту вице-короля — ни даже главнѣйшая его оплошность — довѣріе къ главнокомандующему, о всѣхъ грѣхахъ котораго по отношенію къ арміи и родинѣ распространяться было бы тѣмъ болѣе неумѣстно, что . . . de mortuis nil nisi bene. Генералъ сэръ Бичамъ Деффъ покончилъ съ собою по возвращеніи въ Англію.

Отправка туземныхъ войскъ на театръ войны потому, главнымъ образомъ, была остроумнѣйшимъ

рѣшеніемъ, что устранила всякую возможность организованныхъ внутреннихъ смутъ. Для меня до сихъ поръ не вполнѣ понятенъ энтузіазмъ, съ которымъ шли на войну туземцы. Непонятенъ потому, что во имя этого энтузіазма имъ пришлось поступиться многими традиціями и кастовыми вѣрованіями, казалось бы, играющими преобладающую роль въ ихъ міросозерцаніи. Но чудо совершилось, — и этимъ чудомъ Англія вправѣ гордиться . . . едва ли не болѣе, чѣмъ подвигами своихъ собственныхъ войскъ на Кавказѣ и въ Сѣверной области Россіи.

Въ той средѣ, въ которой я вращался въ Индіи, — среди такъ называемаго «общества», т. е. бюрократіи, война воспринималась спокойно, почти равнодушно. Помню, что потрясающая эпопея Танненберга дошла до насъ тамъ, въ Гималаяхъ, съ значительнымъ опозданіемъ и въ такомъ краткомъ пересказѣ, что въ самомъ дѣлѣ трудно было осмыслить весь ужасъ происшедшаго. Вице-король, овдовѣвшій за нѣсколько недѣль до объявленія войны, примѣрно черезъ годъ потерялъ сына-офицера, умершаго отъ ранъ. Поэтому при «Дворѣ» было тихо, и эта тишина отражалась на остальныхъ бюрократическихъ сферахъ.

Какъ ни интересна и во всѣхъ отношеніяхъ привлекательна была жизнь въ Индіи — невольно чувствовалось, что во время войны только въ болѣе живой и интенсивной работѣ можно находить удовлетвореніе. Назначеніе на постъ совѣтника по-

сольства въ Лондонѣ явилось поэтому исполненіемъ горячаго моего желанія, и я покинулъ Индію при первой возможности. О своемъ назначеніи я узналъ изъ слѣдующаго частнаго письма ко мнѣ лорда Хардинга: «Весьма секретно. Узнаю частнымъ образомъ изъ Лондона, что вы состоите кандидатомъ на постъ совѣтника русскаго посольства въ Лондонѣ. Я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы поддержать вашу кандидатуру, ибо знаю, какъ вы хотите получить этотъ постъ. Надѣюсь, что это осуществится, и что мы вскорѣ встрѣтимся тамъ снова. Когда вы уѣдете, я буду сожалѣть о потерѣ друга, хотя бы временной». Послѣ полученія мною этого письма прошло три недѣли — и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ я не имѣлъ ни слова. Наконецъ, на мою просьбу объ отпускѣ получилось извѣстіе о моемъ назначеніи. Съ лордомъ Хардингомъ я, дѣйствительно, снова встрѣтился въ Лондонѣ, такъ какъ онъ, покинувъ постъ вице-короля за истеченіемъ положеннаго пятилѣтняго срока, вернулся къ своему посту «постояннаго» (т. е. по назначенію внѣ Парламента) товарища министра иностранныхъ дѣлъ. О перемѣнѣ въ его дружественныхъ и откровенныхъ отношеніяхъ со мною будетъ рѣчь впереди.

Будущія судьбы Индіи и британскаго въ ней владычества — одна изъ тѣхъ тайнъ, разгадкою коихъ нельзя перестать интересоваться никому, кто хоть поверхностно, какъ я, познакомился съ этимъ

«міромъ инымъ». Война внесла коренныя перемѣны во взаимоотношенія между англичанами и туземцами во многихъ областяхъ, въ особенности въ арміи; доктрина «самоопредѣленія», легкомысленно проводимая слѣпыми теоретиками вродѣ президента Вильсона или плохо разбирающимися въ подлинныхъ явленіяхъ народной жизни невѣжественными политическими жонглерами вродѣ Ллойдъ Джорджа — грозитъ неисчислимыми послѣдствіями для единства и цѣлости Британской имперіи. Ирландія, за Ирландіей Египетъ, а за Египтомъ и Индія уже вопіютъ, а скоро еще громче будутъ вопіять о «самоопредѣленіи». Разъ національность, раса, принимаются за достаточное основаніе для самостоятельнаго государственнаго существованія — нельзя найти разумнаго оправданія пребыванію въ Индіи англійскаго чиновничества, англійской опекѣ надъ туземными магараджами. Англія, повторяю, совершила въ Индіи величайшій подвигъ умиротворенія и просвѣщенія. Вопросъ въ томъ — какъ долго сознаніе культурныхъ и апатія необразованныхъ слоевъ населенія Индіи будутъ продпочитать продолженіе и завершеніе этого подвига — пріобрѣтенію политической независимости и полнаго «самоопредѣленія». Современные англійскіе государственные дѣятели, а чаще всѣхъ Ллойдъ Джорджъ, неустанно и «со смакомъ» повторяютъ слова о «развалѣ» Россіи, объ «исчезновеніи съ лица земли» Великой

Державы. Не придется ли кумѣ «на себя оборотиться»?

О $3 \frac{1}{2}$ годичномъ пребываніи въ Индіи много осталось у меня неизгладимыхъ и свѣтлыхъ воспоминаній. Среди англичанъ много создалось у меня дружескихъ связей; о вниманіи и гостепріимствѣ ихъ, о необычайномъ радушіи, довѣріи и пріязни — въ особенности въ военной средѣ — я вспоминаю съ умиленной благодарностью. Не пришлось мнѣ, конечно, увидать и десятой доли тѣхъ чудесъ, которыми полна Индія, — чудесъ какъ природныхъ, такъ и созданныхъ руками человѣка, памятниковъ индусскаго и мусульманскаго искусства.

Путешествовать по Индіи можно только съ ноября до апрѣля. Въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ — слишкомъ жарко. Жарко такъ, что къ ножу и вилкѣ въ вагонъ-ресторанѣ непріятно притрагиваться, что крахмальный воротникъ черезъ $1 \frac{1}{2}$ минуты превращается въ мокрую тряпку, и опасность солнечнаго удара постоянная. Кромѣ того, — быть одинокимъ туристомъ — не очень заманчиво. Побывалъ я, однако, въ разныхъ концахъ Индостана и много видѣлъ такого, чего забыть нельзя. Поѣздкою, имѣвшею нѣкоторое значеніе — было посѣщеніе Пешавера, главнаго города провинціи «Сѣверо-Западной Границы». Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города начинается Хайбарское ущелье — одинъ изъ запретныхъ для ино-

странцевъ путей, ведущихъ изъ Индіи въ Афганистанъ. Проѣхали мы это ущелье на автомобилѣ, посѣтили англійское офицерское собраніе на самой границѣ въ фортѣ Landi Kotal и прогулялись даже по афганской территоріи въ сопровожденіи охраны съ заряженными винтовками; фактъ, самъ по себѣ, незначительный и интересный лишь съ той точки зрѣнія, что я былъ первымъ и, надо думать, послѣднимъ русскимъ дипломатомъ, получившимъ доступъ подъ эгидою верховнаго коммиссара провинціи — къ Хайбарскому ущелью и своими глазами видѣвшимъ англійскія укрѣпленія на афганской границѣ. Не стану описывать Пешавера. О немъ можно написать книгу — а нѣсколькими штрихами его не изобразишь.

Небольшое княжество въ самомъ сердцѣ Раджпутаны — Удайпуръ — поистинѣ рай земной. Попавъ въ этотъ сказочный бѣлый городъ на берегу озера, съ двумя островами, окаймленными бѣлымъ мраморомъ — вы переноситесь сразу въ восточное средневѣковье. Тамъ по садамъ и по озеру летаютъ стаи маленькихъ зеленыхъ попугаевъ — и полетъ ихъ необычайно быстръ и изященъ; тамъ по окрестнымъ полямъ и кустарникамъ бродятъ дикіе кабаны, тигры и пантеры, шмыгаютъ по деревьямъ и по крышамъ обезьяны, по ночамъ уныло и страшно визжатъ шакалы — и среди этой веселой вакханаліи животнаго царства особенно плѣняетъ лѣнивое спокойствіе человѣка. Преобладаютъ бѣлыя одежды. Кажется, будто всѣ счастливы тамъ,

въ Удайпурѣ, подъ державою Магараны (таковъ титулъ князя Удайпура) — прекраснаго, величаваго старика съ благородными чертами лица и длинной бѣлой бородой, которая кажется особенно бѣлой на смугломъ лицѣ. Принималъ онъ меня, сидя на бѣломъ мраморномъ креслѣ, на мраморной крытой верандѣ, окружавшей небольшой тропическій садъ. Весь въ бѣломъ, опираясь на мечъ, — онъ казался вырвавшимся изъ восточной сказки.

Изъ Удайпура я попалъ въ Агру. Тамъ — красотъ не перечтешь. Разъ шесть, потомъ, возвращался я въ Агру, и съ каждымъ разомъ все сильнѣе было впечатлѣніе, все больше хотѣлось никогда не покидать этого благодатнаго чуда. Ни прозою, ни въ стихахъ, ни въ краскахъ нельзя передать дивной красоты тѣхъ памятниковъ величія Акбара и Шахъ-Жехана, которыми полна Агра. Только музыка, пожалуй, способна выразить поэзію Тажъ-Магала или Фатепуръ-Сикри — полуразрушеннаго города-форта недалеко отъ Агры.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ Бенаресъ. Только общую панораму «набережной» можно назвать величественной и прекрасной — но красота природы, свѣта, красокъ — пожалуй больше, чѣмъ красота зданій. Не столько «любуешься» Бенаресомъ, сколько онъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ, какъ въ фокусѣ, отражаются и по сей день вѣрованія, суевѣрія, бытъ и темпераментъ индусовъ — въ противоположность мусульманамъ.

Совершенно исключительное, незабвенное впе-

чатлѣніе произвелъ на меня Даржилингъ. Выѣхалъ я изъ Калькутты въ жаркій день въ началѣ ноября. До слѣдующаго утра поѣздъ шелъ по равнинѣ. Часовъ въ семь утра — пересадка на узкоколейную дорогу, по которой поѣздъ ползетъ около восьми часовъ, невѣроятными изгибами взбираясь на высоту 7500 футовъ. Внизу — пальмы, орхидеи, тропическія растенія всевозможныхъ видовъ, чайныя плантаціи. Чѣмъ выше вы поднимаетесь, тѣмъ прекраснѣе видъ на равнину. Когда поѣздъ, въ 2 1/2 часа дня, подошелъ къ станціи Даржилингъ, пошелъ дождь, потомъ градъ. Началась буря. Въ гостиницѣ, плохо оборудованной, лишенной элементарнаго комфорта, было пусто, уныло и холодно. Неистово холодно. Тотчасъ послѣ ранняго обѣда пришлось укрыться въ постель, ибо это было единственнымъ способомъ согрѣться — укрывшись, помимо одѣяла, всѣмъ платьемъ, имѣвшимся на лицо. Вспомнивъ совѣты друзей, я заручился комнатою съ видомъ на горы. Часовъ въ 5 утра, чуть забрезжило, я вылѣзъ изъ кровати, подошелъ къ окну и открылъ занавѣски. То, что я увидѣлъ, было до того ошеломляюще прекрасно, что я не въ силахъ былъ удержаться отъ слезъ. Этого момента я въ жизни не забуду. Прямо передо мною, высоко въ небѣ — озолоченная лучами восходящаго солнца — виднѣлась снѣжная вершина Кинчинджанги. Весь остальной пейзажъ еще въ темнотѣ, чуть видны очертанія другихъ снѣжныхъ вершинъ, а подъ ними камен-

ныхъ горъ, хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ. Тѣмъ чудеснѣе эта золотая шапка, словно висящая высоко въ воздухѣ. Кинчинджанга — вторая по высотѣ гора въ Гималаяхъ послѣ Эвереста и только на нѣсколько сотъ футовъ ниже. Высота его около 28 500 ф. Отъ Даржилинга до Кинчинджанги примѣрно 80 километровъ — но вамъ кажется, что гигантъ находится отъ васъ на разстояніи полуверсты. За нимъ — вся снѣжная цѣпь, а отдѣляетъ его отъ васъ глубокая долина, затѣмъ зеленыя горы, хвои, голыя скалы. Я отправился на центральную, возвышенную площадку, съ которой открывается видъ на всѣ четыре стороны. Тамъ я, буквально въ оцѣпенѣніи, просидѣлъ съ 6 ½ часовъ до 11 ½ — наблюдая ежеминутно мѣнявшуюся съ движеніемъ солнца по небу панораму вѣчныхъ снѣговъ, глубокихъ долинъ и зеленыхъ рощъ. Когда я вернулся въ гостиницу, случайный посѣтитель въ отвѣтъ на мои выраженія восторга по поводу видѣннаго замѣтилъ: «Вамъ исключительно посчастливилось, что въ эту пору года въ теченіе пяти часовъ горизонтъ на 80 километровъ былъ чистъ. Чтобы еще разъ это увидѣть, вамъ придется прождать недѣли двѣ». Въ Даржилингѣ было такъ одиноко, такъ неуютно, и такъ хотѣлось мнѣ сохранить яркое воспоминаніе о всемъ видѣнномъ въ это одно утро — что я въ тотъ же день уѣхалъ обратно въ Калькутту.

Бомбей — одинъ изъ живописнѣйшихъ портовъ во всемъ мірѣ. Домъ губернатора расположенъ на

берегу моря, и доступъ къ нему — по широкой дорогѣ, на протяженіи примѣрно двухъ верстъ осѣненной густой аркой изъ тропическихъ деревъ и ползучихъ растеній. Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней пребыванія въ Индіи я пользовался гостепріимствомъ тогдашняго губернатора — лорда Уиллингдона и его супруги. Помимо роскошнаго помѣщенія, смущавшаго меня своими размѣрами, несмѣтнаго количества прислуги и всевозможнаго комфорта — трудно передать, съ какимъ заботливымъ вниманіемъ относились ко мнѣ какъ сами хозяева, такъ и многочисленный штатъ губернатора. Хотя былъ конецъ ноября — стояла такая жара, что весь день были въ ходу электрическіе вѣера, и только около 4-хъ часовъ пополудни можно было выѣзжать и двигаться, не страдая отъ жары.

Такая же прекрасная, теплая, солнечная погода сопровождала насъ на всемъ пути черезъ Индійскій Океанъ, гладкій, какъ озеро, и вплоть до Портъ Саида. Какъ ни хотѣлось попасть въ Лондонъ — центръ, уже тогда, міровой политики, — я съ стѣсненнымъ сердцемъ покинулъ чудесную страну, изъ которой, кромѣ самыхъ яркихъ и неизгладимыхъ впечатлѣній отъ всего видѣннаго, я вынесъ отраднѣйшія воспоминанія о сердечномъ, дружественномъ отношеніи большинства людей, съ которыми меня тамъ свела судьба. Говорятъ, не слѣдуетъ возвращаться туда, гдѣ было «сердцу мило». Меня, однако, никогда не перестанетъ прельщать мысль и манить надежда вновь увидать снѣжныя

вершины Гималаевъ и опять провести счастливые часы въ саду Тажъ-Магала, въ созерцанiи дивнаго памятника супружеской любви Шахъ-Жехана «Великолѣпнаго».

ГЛАВА II.

Насколько радужна была природа и привѣтливо дружественны люди при моемъ отъѣздѣ изъ Индіи — настолько же мраченъ, холоденъ и угрюмъ былъ Лондонъ, когда я добрался до него послѣ всевозможныхъ злоключеній, начавшихся еще въ Средиземномъ морѣ, гдѣ пароходъ нашъ въ теченіе двухъ сутокъ подвергался преслѣдованію подводныхъ лодокъ. Ко всему человѣкъ привыкаетъ — даже къ климату Лондона. Но послѣ 3½ лѣтъ, проведенныхъ въ лучезарной Индіи — Лондонскіе туманы и зимнія бури переносятся съ трудомъ.

Русскимъ посломъ въ Великобританіи я засталъ графа Александра Константиновича Бенкендорфа. Среди русскихъ дипломатовъ старой школы онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, онъ говорилъ довольно свободно по англійски и не только, такимъ образомъ, могъ находить «общій языкъ» съ англійскими министрами, но и съ послами Великихъ Державъ. Къ сожалѣнію, русскій языкъ онъ зналъ недостаточно, а потому на соотечественниковъ производилъ впе-

чатлѣніе иностранца. Впечатлѣніе, разумѣется, поверхностное и въ корнѣ ложное, ибо графъ Бенкендорфъ былъ горячимъ и просвѣщеннымъ патріотомъ. Онъ былъ не только преданъ «Державѣ Россійской», но и русскому народу, и служилъ интересамъ Россіи съ пламенной вѣрой въ свою родину. По рожденію и личнымъ родственнымъ и дружескимъ связямъ онъ принадлежалъ къ самому тѣсному придворному кругу и къ высшей аристократіи. Несмотря, однако, на эту принадлежность къ кругамъ, ненавидѣвшимъ всякое проявленіе живой политической мысли, всякой общественности, словомъ, къ той средѣ, гдѣ даже рыхлые «мирнообновленцы» считались опасными — нашъ посолъ рѣзко отличался отъ этой среды въ своихъ взглядахъ на внутреннюю русскую политику. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что тринадцатилѣтнее пребываніе въ Англіи, гдѣ до настоящаго времени монархическій принципъ такъ мудро сочетается съ широчайшей политической свободой — сильно повліяло на графа Бенкендорфа и внушило ему такіе взгляды на русское самодержавіе, которые казались преступною ересью его друзьямъ и сверстникамъ въ Россіи. Среди англичанъ графъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Съ тогдашнимъ главою правительства Асквитомъ, съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ, съ французскимъ посломъ Полемъ Камбономъ — его связывали узы личной дружбы. У графа Бенкендорфа была одна замѣчательная особенность: въ разговорѣ онъ

излагалъ свои мысли съ необычайной ясностью, и мысли эти всегда были настолько проникновенны, обличали такое глубокое пониманіе истинныхъ пружинъ, двигавшихъ международныя отношенія въ Европѣ въ періодъ 1905 — 1915 годовъ, что на самаго предубѣжденнаго слушателя онъ производилъ впечатлѣніе подлиннаго мудреца. Но какъ только онъ брался за перо (писалъ онъ всегда по французски) — такъ въ большинствѣ случаевъ эта яркость и проникновенность мысли куда-то улетучивались. Телеграммы и политическія письма его редактированы были то изысканно, длинными, запутанными періодами, то отрывочными фразами — такъ что подчасъ трудно было уловить его мысль. Въ этомъ, пожалуй, единственномъ недостаткѣ графа, какъ одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей русской международной политики — заключалось серьезное несчастіе. Въ своихъ донесеніяхъ и телеграммахъ за послѣдніе годы онъ не разъ указывалъ, что продолженіе въ Россіи режима репрессій неизбѣжно приведетъ къ катастрофѣ для монархіи, что англійское общественное мнѣніе не можетъ не относиться отрицательно къ такимъ вопіющимъ явленіямъ, какъ, напримѣръ, премьерство Штюрмера. Но излагалъ онъ эти свои предостереженія такъ, что они теряли свою убѣдительность.

Въ 1915 году убитъ былъ любимый сынъ посла, и смерть эта очень сильно на него подѣйствовала. За время войны произошло значительное охлаж-

деніе между нимъ и Сазоновымъ. По поводу одного изъ совѣщаній представителей Англіи, Франціи и Россіи въ Лондонѣ, на которомъ приняты были нѣкоторыя рѣшенія въ связи съ вступленіемъ въ войну Италіи, Сазоновъ написалъ личное письмо графу, содержавшее въ себѣ рѣзкую критику его дѣйствій. Сазонову всегда свойственна была непріятная рѣзкость не только въ личныхъ отношеніяхъ, но въ особенности въ перепискѣ. Скажу съ увѣренностью, что отъ впечатлѣнія, произведеннаго на графа этимъ письмомъ, рѣзкимъ и оскорбительнымъ, онъ никогда не оправился.

За время (годъ) моей службы въ Лондонѣ при графѣ — онъ не держалъ меня въ курсѣ своей работы — иначе говоря, я зналъ только то, что знали секретари. Участія въ дипломатической работѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, я, такимъ образомъ, не принималъ.

Къ началу 1916 года — когда мнѣ пришлось стать непосредственнымъ наблюдателемъ, на мѣстѣ, теченія событій въ Англіи въ связи съ войною, положеніе было, въ краткихъ словахъ, слѣдующее: англійскія войска, совершивъ цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ и понесши огромныя жертвы, очистили Галлиполи — что было тяжкимъ ударомъ для ихъ самолюбія. Въ то же время отрядъ генерала Тоунсенда оказался осажденнымъ въ Кутѣ, въ Месопотаміи, и войска, посланныя ему на выручку, не сумѣли выполнить своей задачи. Въ рабочемъ раіонѣ на рѣкѣ Кляйдѣ происходили ра-

бочіе безпорядки. Ирландія оказалась исключенной изъ билля о воинской повинности. Въ то же время англійская армія продолжала увеличиваться и совершенствоваться, производство вооруженія росло съ чрезвычайной быстротой. Замѣна лорда Френча сэромъ Дугласомъ Хейгомъ на посту главнокомандующаго была арміей встрѣчена сочувственно. На западномъ фронтѣ начался періодъ «окопной» войны, уносившей крупное число жертвъ, но не приводившей къ «эффектнымъ» результатамъ. Въ февралѣ началась эпическая оборона Вердена, и единственнымъ благопріятнымъ для общаго дѣла союзниковъ яркимъ событіемъ было взятіе Эрзерума русскими войсками. Чувствовалось уже, хотя смутно, что для достиженія побѣды понадобится напряженіе всѣхъ силъ всѣхъ союзниковъ. Этимъ опредѣлялись и взаимоотношенія союзниковъ, начинавшихъ уже съ крайнею чуткостью относиться къ малѣйшимъ признакамъ «упадка энергіи» другъ у друга.

Россія была въ этотъ моментъ въ апогеѣ популярности. Впервые за цѣлое столѣтіе оказавшись нашими «братьями по оружію», англичане словно хотѣли изгладить изъ памяти своей и нашей всѣ прежнія недоразумѣнія и прежнюю вражду, Крымъ, Берлинскій конгрессъ, сочувствіе къ Японіи, дипломатическую затяжную распрю въ Персіи. Оффиціальныя сферы, въ особенности военныя, широко шли на встрѣчу нашимъ требованіямъ, щедрою рукою давали намъ снаряженіе. Наиболѣе отзывчи-

вымъ къ нуждамъ Россіи былъ въ то время лордъ Китченеръ. Какъ извѣстно, единственнымъ крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ, при самомъ началѣ войны предсказавшимъ, что война будетъ затяжная — былъ Китченеръ. Срокъ, имъ намѣченный, былъ — три года, и предсказаніе его, вѣроятно, сбылось бы точно, еслибы не развалъ русской арміи, предвидѣть котораго онъ не могъ, ибо онъ не могъ учесть тѣхъ роковыхъ для государства послѣдствій, которыя повлекла за собою безумная мѣра царскаго правительства — одновременная мобилизація многомилліонной арміи, прокормить, обмундировать и вооружить которую не могло бы никакое правительство, а тѣмъ менѣе наша бюрократія, отказавшаяся отъ содѣйствія общественныхъ силъ. Мнѣ извѣстно, что бывали случаи, когда лордъ Китченеръ по своей иниціативѣ санкціонировалъ поставки намъ боевого матеріала въ большихъ размѣрахъ, нежели мы сами просили. Китченеръ придавалъ первостепенное значеніе русскому фронту и готовъ былъ на крупныя жертвы, чтобы поддержать его. Не подлежитъ сомнѣнію, что трагическая кончина этого замѣчательнаго человѣка была крупною потерей не для Англіи только, а и для Россіи.

Симпатіи къ Россіи проявлялись чрезвычайно ярко во всѣхъ слояхъ общества. Появился цѣлый рядъ книгъ о Россіи, организовывались по всей странѣ «англо-русскія» общества, имѣвшія цѣлью культурное сближеніе. Въ нѣсколькихъ универ-

ситетахъ на частныя пожертвованія открылись каѳедры по русскому языку. Мнѣ лично пришлось выступать на собраніяхъ, устраиваемыхъ въ этихъ цѣляхъ, и неизмѣнно наблюдалось искреннее сочувствіе присутствовавшей публики. Къ какой бы аудиторіи мнѣ ни приходилось обращаться (и въ то время, и въ позднѣйшее) — аргументомъ, или, вѣрнѣе, свидѣтельствомъ, производившимъ сильное впечатлѣніе, бывало указаніе на популярность въ Россіи англійской литературы, на нашу любовь и преклоненіе предъ Шекспиромъ, Диккенсомъ, предъ великими поэтами, въ теченіе прошлаго столѣтія вдохновлявшими русскую музу. Въ сознаніе широкихъ массъ англійской интеллигенціи начинала проникать мысль, дотолѣ чуждая, что русская культура не исчерпывается романами Льва Толстого, Достоевскаго и Тургенева. Принести хоть небольшую пользу въ этомъ дѣлѣ культурнаго сближенія Англіи и Россіи казалось для меня тогда особенно благотворнымъ заданіемъ, а отзывчивость англичанъ служила могучимъ стимуломъ. Теперь объ этомъ вспоминаешь съ глубокою горечью, теперь, когда русская культура съ каждымъ днемъ гибнетъ, разрушаемая безпощадными руками развращенныхъ большевиками невѣжественныхъ подонковъ русскаго населенія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что за первые два года войны на пути культурнаго сближенія съ Россіей Англія пошла гораздо дальше, нежели Франція за 25 лѣтъ своего съ нами союза. И это вполнѣ понятно. Союзъ

Россіи съ Франціей былъ чисто утилитарнымъ, существовалъ для одной опредѣленной цѣли; до русскаго народа, его психологіи, творчества, исторіи — французамъ не было никакого дѣла. Свободолюбивый англійскій народъ инстинктивно ненавидѣлъ русскій режимъ. Тотъ патріотическій подъемъ, который вызвала въ Россіи война, тотъ героизмъ, съ которымъ шли на вѣрную смерть несмѣтные русскіе солдаты, показалъ англичанамъ «подлинный ликъ» Россіи... и имъ стало стыдно своего невѣжества.

Весною 1916 года Англію посѣтила депутація журналистовъ, а позднѣе — въ маѣ — депутація отъ Государственной думы и совѣта. Депутація журналистовъ имѣла въ своемъ составѣ: Василія Ивановича Немировича-Данченко, графа Алс. Толстого, Чуковскаго, Башмакова, Егорова и В. Д. Набокова, причемъ «вожакомъ» Немировича, ни звука не понимавшаго по англійски, служилъ корреспондентъ «Таймса» въ Петроградѣ Вильтонъ. Каждый изъ членовъ делегаціи далъ, насколько мнѣ извѣстно, отчетъ въ русской печати о своихъ впечатлѣніяхъ, такъ что о пребываніи ея въ Лондонѣ мнѣ было бы излишне распространяться. Депутація была разношерстная и не всѣхъ ея членовъ можно было счесть подходящими для выполненія цѣли, то есть, ознакомленія съ настроеніями политическихъ и общественныхъ круговъ. Пріемъ, оказанный англійскимъ правительствомъ и печатью этой делегаціи, бывшей для всѣхъ «анонимами»

(за исключеніемъ моего брата) — явился, однако, яркимъ показателемъ симпатій англичанъ къ Россіи. Вскорѣ послѣ отъѣзда этой депутаціи въ Россію графъ Бенкендорфъ, по моему усиленному настоянію, возбудилъ переписку съ Петроградомъ о желательности приглашенія въ Россію «отвѣтной» депутаціи англійскихъ журналистовъ. Переговоры эти умышленно затягивались министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ. Сначала оно предложило, чтобы составлена была смѣшанная делегація изъ французскихъ и англійскихъ журналистовъ — подъ тѣмъ предлогомъ, что наши журналисты побывали и во Франціи. Мы возражали, что такая амальгама несуразна, что одновременное присутствіе въ Россіи двухъ группъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, вызоветъ тренія и затрудненія, вполнѣ очевидныя. Наконецъ, послѣ долгой переписки, получено было принципіальное согласіе на пріѣздъ англійской делегаціи. Путемъ переговоровъ съ издателемъ газеты «Daily Telegraph» лордомъ Бернамомъ, согласившимся стать во главѣ делегаціи, удалось разрѣшить трудную задачу подысканія среди журналистовъ, представляющихъ различныя политическія теченія — охотниковъ на поѣздку въ Россію. Тогда начались снова разговоры о срокѣ пріѣзда. Изъ Петрограда подъ всякими предлогами начались оттяжки. Затѣмъ англійскій посолъ телеграфировалъ своему правительству, что по политическимъ соображеніямъ пріѣздъ делегаціи нежелателенъ... и въ

концѣ концовъ поѣздка такъ и не состоялась. Этотъ фактъ, самъ по себѣ незначительный, не могъ не послужить для здѣшняго правительства, а тѣмъ болѣе для печати, руководители которой были непосредственно заинтересованы въ вопросѣ о поѣздкѣ делегаціи, нѣкоторымъ тревожнымъ указаніемъ на то, что въ Россіи — то есть, въ Петроградѣ, на фронтѣ и въ тылу — не все благополучно. О паденіи духа арміи, о безпорядкахъ въ тылу, о безчинствахъ Распутина и потерѣ престижа царской власти уже тогда ходили смутные слухи, къ которымъ здѣсь стали, съ этихъ поръ, прислушиваться съ все возраставшею чуткостью.

Нѣсколько раньше, въ серединѣ мая 16-го года, Англію, Францію и Италію посѣтила депутація отъ Государственной думы и совѣта. Составленная изъ членовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ партіямъ, включавшая тогдашнихъ лидеровъ оппозиціи и критиковъ правительства, какъ-то Милюкова, Шингарева — депутація имѣла цѣлью подтвердить правительствамъ и общественному мнѣнію главныхъ Союзныхъ державъ полную солидарность всѣхъ партій въ дѣлѣ доведенія войны до побѣды. Въ то время, разумѣется, никто не предугадывалъ головокружительно быстраго крушенія всѣхъ умѣренно-либеральныхъ элементовъ въ Россіи, наступившаго послѣ паденія монархіи. Тогда казалось, что одержаніе этими именно умѣренными элементами побѣды надъ ультра-реакціонными вліяніями, давившими на монарха, — явилось

бы желаннымъ разрѣшеніемъ назрѣвавшаго кризиса. Исходя изъ этой мысли, англичане, естественно, привѣтствовали одновременныя выступленія такихъ людей, какъ Гурко, Милюковъ, Протопоповъ (числившійся въ то время либераломъ). И въ этомъ отношеніи делегація, несомнѣнно, свою задачу здѣсь отчасти выполнила и подкрѣпила ненадолго вѣру въ прочность участія Россіи въ войнѣ.

Въ Англіи съ делегаціей произошло немало тяжелыхъ и непріятныхъ инцидентовъ «внутренняго порядка». Началось съ того, что не было подобающей встрѣчи со стороны посольства. Вышла какая-то невообразимая путаница; поѣздъ пришелъ въ 5 часовъ утра; депутаты начали вылѣзать изъ своихъ спальныхъ вагоновъ въ 7 утра, и оказавшійся на вокзалѣ къ этому времени неопытный и мало находчивый секретарь посольства только подлилъ масла въ огонь негодованія «государственныхъ» людей, проявившихъ по этому поводу не вполнѣ достойную ихъ высокаго званія мелочную обидчивость. Впрочемъ намъ, лондонскому посольству, всегда нарочито не везло съ «встрѣчами». То попадали мы не на тотъ вокзалъ, то поѣздъ приходилъ за полчаса до полученія нами телеграммы о прибытіи «особы». Мы, въ концѣ концовъ, примирились съ этимъ рокомъ, и наши faux pas въ этой области служили всегда съ тѣхъ поръ предметомъ товарищескихъ шутокъ.

Немедленно по пріѣздѣ делегаціи произошелъ,

однако, инцидентъ болѣе серьезный. При составленіи программы чествованія русской делегаціи, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ прежде всего пожелало узнать, кого изъ членовъ ея слѣдуетъ почитать старшимъ. Кто, слѣдовательно, долженъ быть посаженъ на «банкетѣ» подъ предсѣдательствомъ премьера на почетное мѣсто, и кто будетъ отвѣчать на привѣтствіе. Въ виду того, что по служебному своему положенію баронъ Р.Р. Розенъ, какъ бывшій посолъ въ Вашингтонѣ, несомнѣнно былъ старшимъ, посольство въ такомъ смыслѣ и отвѣтило. По пріѣздѣ въ Лондонъ, баронъ Розенъ, какъ давнишній коллега графа Бенкендорфа, посѣтилъ его отдѣльно, и они сговорились о томъ, что барону Розену будетъ доставленъ проектъ привѣтственной рѣчи Асквита, какъ только посолъ его получитъ изъ канцеляріи премьера. Баронъ Розенъ долженъ былъ, составивъ свой отвѣтъ, въ свою очередь предварительно обсудить его съ графомъ Бенкендорфомъ. Вернувшись изъ посольства въ гостиницу, баронъ Розенъ пригласилъ къ себѣ своихъ товарищей по Государственному совѣту и сообщилъ имъ о принятыхъ мѣрахъ. Тутъ то сыръ боръ и загорѣлся. Одинъ изъ членовъ делегаціи, человѣкъ громкій, рѣшительный и рѣзкій, опредѣленно заявилъ, что баронъ Розенъ не имѣлъ ни права, ни полномочія единолично рѣшать вопросъ о старшинствѣ; тутъ же сдѣланы были крайне оскорбительные для Розена намеки на его «инородчество» и германскія

симпатіи. Розена это страшно потрясло. Графъ Бенкендорфъ имѣлъ, разумѣется, полную возможность и полное основаніе уладить этотъ инцидентъ должнымъ образомъ, указавъ строптивому недругу Розена, что послу въ такого рода дѣлахъ принадлежитъ рѣшающій голосъ. Но баронъ Розенъ настолько почувствовалъ себя оскорбленнымъ, что немедленно и безповоротно рѣшилъ отстраниться отъ делегаціи. Онъ пошелъ на первый банкетъ, но послѣ этого уклонился отъ дальнѣйшаго участія въ странствіяхъ делегаціи: не поѣхалъ ни въ экскурсію по Великобританіи, ни на континентъ, оставался въ Лондонѣ и проводилъ большую часть времени въ клубѣ. Среди бывшихъ сослуживцевъ, подчиненныхъ барона Розена, наиболѣе близкія отношенія сохранялись у него съ княземъ Н. А. Кудашевымъ, нынѣ посланникомъ въ Пекинѣ, и со мною. Расходясь съ Розеномъ въ оцѣнкѣ имъ самимъ подписаннаго Портсмутскаго договора съ Японіей, не раздѣляя его въ то время — то есть въ періодъ 1905-1911 годовъ — крайне реакціонныхъ взглядовъ, я тѣмъ не менѣе цѣнилъ и уважалъ въ немъ живость ума, огромный опытъ и убѣжденность. Во что онъ вѣрилъ, онъ вѣрилъ упорно и искренно. Тутъ впервые, въ Лондонѣ, разномысліе наше обострилось настолько, что привело къ охлажденію личныхъ отношеній. За время своего пребыванія въ Россіи послѣ оставленія поста посла въ Америкѣ, Розенъ отрѣшился отъ своихъ реакціонныхъ убѣжденій. Всѣмъ па-

мятны краснорѣчивыя предупрежденія, съ которыми онъ обращался къ правительству съ трибуны Государственнаго совѣта. Казалось бы, Розенъ долженъ былъ быть убѣжденнымъ сторонникомъ «борьбы до конца» съ германскимъ абсолютизмомъ. Между тѣмъ, — потому ли, что обстановка, при которой онъ вышелъ изъ делегаціи въ Лондонѣ, повліяла на него настолько сильно, что затмился его политическій кругозоръ, или счелъ онъ себя вправѣ свободно высказывать мнѣ, какъ частное лицо, свои затаенныя мысли, — но онъ неожиданно сталъ съ горячею убѣжденностью доказывать мнѣ, что Германію побѣдить нельзя, что всѣ наши мечты о Константинополѣ — миражъ, и что союзъ нашъ съ Англій и Франціей — фатальная ошибка. Въ одномъ баронъ Розенъ былъ правъ. Онъ говорилъ, что «Америка права, воздерживаясь отъ участія въ безсмысленной бойнѣ, которая ни къ чему, кромѣ крушенія Европы, привести не можетъ». Но въ этотъ моментъ оправдываніе позиціи, занятой Америкой подъ лидерствомъ Вильсона — казалось ересью, ибо въ странахъ Согласія, вѣровавшихъ въ правоту своего дѣла и терпѣвшихъ звѣрства враговъ — позиція эта возбуждала негодующее недоумѣніе. Въ англійской печати со времени большевистскаго переворота появлялись сбивчивыя и отрывочныя свѣдѣнія о дѣятельности барона Розена. Хочется вѣрить, дабы не омрачать

свѣтлаго облика выдающагося русскаго дипломата, что всѣ эти свѣдѣнія — сплошная клевета.

Такъ какъ Россія, какъ указано выше, была въ то время въ апогеѣ популярности въ Англіи, пріемъ оказанъ былъ делегаціи самый горячій. Мнѣ пришлось сопровождать делегацію въ ея путешествіи по Великобританіи и быть свидѣтелемъ того исключительнаго вниманія, которымъ она была окружена, и интереса, ею возбужденнаго. Особенно памятенъ мнѣ банкетъ въ Глазго. На этомъ банкетѣ тосты за Россію, рѣчи русскихъ гостей принимались съ энтузіазмомъ, котораго трудно было ожидать отъ невозмутимыхъ шотландцевъ. Характерно то, что огромное большинство присутствовавшихъ — общее число которыхъ было свыше 500, были люди пожилые. На этомъ обѣдѣ отъ имени делегаціи рѣчь на англійскомъ языкѣ произнесъ А. Д. Протопоповъ, и произнесъ вполнѣ удовлетворительно, хотя самъ, кажется, не понималъ и половины произносимыхъ имъ словъ. Протопоповъ, котораго мы въ посольствѣ увидали впервые, произвелъ на насъ странное впечатлѣніе. Сквозь маску либеральнаго патріотизма нѣтъ нѣтъ да проглядывала какая-то паясническая гримаса. Графъ Бенкендорфъ выразился про него кратко и, пожалуй, не вполнѣ исчерпывающе: «c'est un imbécile». Принявъ съ остальными членами посольства ласково-интимный тонъ, онъ разсказывалъ намъ самыя невѣроятныя вещи про то, что творилось при дворѣ, про Распутина, про

митрополита. Но раза два обмолвился такими презрительными фразами по адресу Государственной думы, что оставилъ насъ въ недоумѣніи. Сэръ Эдуардъ Грей, говорятъ, выразился про Протопопова: «Въ немъ есть что-то персидское».

Впечатлѣніе, произведенное на англійское общественное мнѣніе посѣщеніемъ русской делегаціи, быстро изгладилось подъ вліяніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто вскорѣ послѣ ея отъѣзда: Ютландскаго морского боя и гибели лорда Китченера. Затѣмъ наступилъ и продолжался мѣсяца три періодъ, сравнительно блѣдный событіями. На западномъ фронтѣ шли непрерывные бои, съ перемѣннымъ счастьемъ, но безъ рѣшительныхъ результатовъ. Успѣхъ наступленія генерала Брусилова снова усыпилъ тревогу за положеніе русской арміи. Прошли осенніе мѣсяцы, и наступила роковая для русской монархіи зима. Хотя графъ Бенкендорфъ отнюдь не усматривалъ въ Сазоновѣ непогрѣшимаго оракула по иностранной политикѣ, тѣмъ не менѣе уходъ его и назначеніе Штюрмера повергли графа въ глубокое уныніе. Когда пришла телеграмма изъ Петрограда съ извѣстіемъ объ этомъ назначеніи, графъ сказалъ: «c'est de la démence» («это — безуміе»). Всякій разъ, когда до него доходили слухи или подлинныя вѣсти о различныхъ попыткахъ (Самарина, Родзянки, княгини Васильчиковой, сэра Джорджа Бюканана) повліять на Императорскую чету и открыть имъ глаза на истинное положеніе вещей, посолъ загорался

надеждою, что Николай II, наконецъ, образумится и призоветъ къ власти отвѣтственное, либеральное министерство. Рѣчь Милюкова въ Думѣ и уходъ Штюрмера подняли его духъ. Когда же все снова пошло по старому и хуже, когда стало ясно, что кризисъ неминуемъ, графъ окончательно палъ духомъ. Послѣднимъ событіемъ, нѣсколько его подбодрившимъ, было назначеніе Н. Н. Покровскаго министромъ иностранныхъ дѣлъ. «Celui-là, au moins, c'est un honnête homme», говорилъ онъ. Но уже въ то время у графа начала проявляться нѣкоторая безнадежность. Хотя онъ мнѣ почти никогда не передавалъ содержанія своихъ бесѣдъ съ Греемъ (а потомъ Бальфуромъ) — все же было ясно, и сквозило даже въ его секретныхъ телеграммахъ Покровскому, — что англійскіе государственные люди съ чрезвычайною тревогою слѣдили за событіями въ Россіи.

Въ концѣ 1916 года произошелъ въ Англіи министерскій кризисъ, вызванный, главнымъ образомъ, упорною агитаціей «прессы лорда Нортклиффа» («Times», «Daily Mail» и др.) противъ Асквита, котораго эта вліятельная часть печати упрекала въ недостаткѣ энергіи, въ нерѣшительности. Во главѣ кабинета сталъ Ллойдъ Джорджъ, въ теченіе сравнительно краткаго времени занимавшій послѣдовательно посты канцлера казначейства, министра «военнаго снаряженія» («munitions») и военнаго. Сэра Эдуарда Грея въ новомъ коалиціонномъ министерствѣ замѣнилъ Бальфуръ. Уходъ

Асквита для Россіи былъ явленіемъ, скорѣе, благопріятнымъ, такъ какъ симпатіи Асквита въ международной политикѣ клонились, конечно, не въ нашу сторону. Страна повѣрила, что Ллойдъ Джорджъ — тотъ человѣкъ, который сумѣетъ вдохнуть въ бюрократическую машину максимумъ энергіи и поддержать въ массахъ патріотическое настроеніе на высотѣ, достаточной для принесенія новыхъ и тягчайшихъ жертвъ во имя побѣдоноснаго окончанія войны.

Въ началѣ января 1917 года графъ Бенкендорфъ простудился, заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ и черезъ пять дней скончался (12-го числа). До самой послѣдней минуты онъ не сознавалъ близости конца и живо интересовался дѣлами. Такимъ образомъ онъ скончался, какъ часовой на посту; прекрасный конецъ, завершившій прекрасную карьеру просвѣщеннаго патріота. И счастье для него, что не дожилъ онъ до сегодняшняго дня. Всѣхъ тѣхъ униженій, которыя несчастная Россія пережила за послѣніе три года, покойный графъ и представить себѣ не могъ . . . и эти униженія свели бы его въ могилу нравственно разбитымъ и изстрадавшимся. Этихъ страданій онъ, благодареніе Богу, избѣжалъ.

На другой день послѣ смерти посла я получилъ рядъ писемъ, выражавшихъ соболѣзнованіе. Лордъ Хардингъ писалъ: . . . «Смерть его для меня — тяжелый ударъ, ибо мы очень хорошо знали другъ друга и очень велико было наше взаимное

довѣріе. Потеря не только для вашей страны, но и для моей: ни одинъ посолъ не пользовался такимъ уваженіемъ общества, какъ онъ, и всякій знаетъ, какое огромное участіе онъ лично принялъ въ дѣлѣ улучшенія отношеній между Англіей и Россіей, улучшеніе, которое уже представляетъ собою величайшее политическое событіе нынѣшняго столѣтія». Французскій посолъ Камбонъ писалъ: «Страшное несчастіе, о которомъ я узналъ по возвращеніи въ Лондонъ, глубоко меня огорчаетъ. Будучи коллегой графа Бенкендорфа въ Лондонѣ въ теченіе болѣе одиннадцати лѣтъ, я имѣлъ съ нимъ дружескія отношенія, ежедневно становившіяся болѣе тѣсными. Я болѣе, чѣмъ кто-либо, цѣнилъ его крупныя и чарующія качества. Это потеря для Россіи и для Франціи, гдѣ онъ воспитывался. Франція знала, сколько опыта и мудрости онъ вносилъ въ сложнѣйшіе переговоры, которые велись въ Лондонѣ».

ГЛАВА III.

Съ кончиною графа Бенкендорфа совпала поѣздка въ Петроградъ особой миссіи подъ главенствомъ лорда Мильнера. Не имѣя до настоящаго времени доступа къ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то есть къ документамъ, опубликованнымъ большевиками послѣ захвата ими власти — не знаю, сдѣлались ли достояніемъ публики протоколы засѣданій въ Петроградѣ русско-англійскаго совѣщанія (въ которомъ, кажется, принимали участіе и другіе союзные представители), имѣвшаго главною цѣлью опредѣленіе размѣровъ вооруженія, снабженія, кредитовъ, которые Русское правительство желало и могло расчитывать получить отъ Великобританскаго. Историческое значеніе этой поѣздки лорда Мильнера и совѣщаній его съ Русскимъ правительствомъ — не столько въ практическихъ результатахъ, достигнутыхъ переговорами, сколько въ томъ взаимоотношеніи между Россіей и Англіей, которое эта конференція установила. Россія стала въ полную матеріальную зависимость отъ Англіи. За тѣ жертвы, военнымъ мате-

ріаломъ, тоннажемъ, капиталомъ, которыя приносила Англія для снаряженія нашей арміи — Россія не въ состояніи была отплачивать матеріальными средствами. Она платила лишь кровью сотенъ тысячъ своихъ сыновъ, погибавшихъ въ бою. Россія всегда просила, Англія — давала. Создавшееся такимъ образомъ взаимоотношеніе несомнѣнно оказало огромное вліяніе на психологію англійскаго общественнаго мнѣнія и правительства. За все время моего пребыванія въ Лондонѣ я не помню случая, чтобы Англія просила отъ насъ взаимной услуги матеріальнаго характера. А наши жертвы людьми . . . умѣлъ ли кто оцѣнить ихъ въ «фунтахъ стерлинговъ?» Въ значительной степени тѣ же взаимоотношенія были налицо, разумѣется, между Англіей и ея другими союзниками — Франціей, Италіей, Бельгіей. Но помощь, оказываемая Италіи и Бельгіи, въ то время — да и пожалуй, до самаго конца войны — по сравнительному своему размѣру была незначительной; что же касается Франціи, то врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что въ англійскомъ народномъ сознаніи интересы Франціи и Англіи сливались вполнѣ; то есть, всѣми понималось, что разгромъ Франціи означалъ бы пораженіе Англіи. Совершенно иное отношеніе было у англійскихъ народныхъ массъ къ Россіи. Въ самомъ началѣ войны преступно-близорукими журналистами широко пущена была въ ходъ идея о русскомъ «steamroller»; иначе говоря, вѣрилось, что

Россія «шапками закидаетъ», численностью своей арміи задавитъ Германію. Та самая коренная ошибка, которая послужила, на мой взглядъ, одною изъ главныхъ причинъ развала русской арміи — единовременная мобилизація чуть ли не 18-и милліоновъ людей — принята была нашими союзниками за вѣрнѣйшій залогъ успѣха. И соотвѣтственно росли разочарованіе и раздраженіе, когда оказалось, что этотъ «steamroller», докатившись до Танненберга и Карпатъ — покатился назадъ, разрушая все на этомъ своемъ обратномъ пути.

Психологія, повторяю, въ Англіи была несомнѣнно такова: «мы — кредиторы, благодѣтели, Россія — должники, просители». Какъ было уже выше упомянуто, Англійское правительство очень широко шло на встрѣчу нашимъ требованіямъ. Но уже въ первые два года войны оно начало проявлять нѣкоторое безпокойство по поводу способа распоряженія Россіей — добромъ, принадлежащимъ Англіи.

Миссія лорда Мильнера имѣла, разумѣется, и другую, болѣе сложную политическую задачу — удостовѣриться, насколько основательны опасенія, въ то время уже высказывавшіяся въ Лондонѣ открыто, въ неминуемости революціи въ Россіи. Въ этой области свидѣтельства заинтересованныхъ лицъ расходятся. Нѣкоторые утверждаютъ, что какъ самому лорду Мильнеру, такъ и сопровождавшимъ его военнымъ и гражданскимъ англійскимъ чиновникамъ въ Петроградѣ и въ Москвѣ —

совершенно опредѣленно было заявлено отвѣтственными лидерами, что революція неминуема въ ближайшее время, что авторитетъ власти достигъ послѣдней степени паденія, и что продолженіе замѣнившей «распутинство» — «протопоповщины» не можетъ быть долѣе терпимо, ибо грозитъ распадомъ арміи и тыла. Съ другой стороны, повидимому, правительство доказывало англійской миссіи, что всякая попытка революціи будетъ подавлена. Будучи совершенно незнакомъ съ Россіей, съ ходомъ внутренно-политическихъ событій за послѣдніе 15 лѣтъ, событій, подготовившихъ революцію, лордъ Мильнеръ, насколько можно судить изъ сдѣланныхъ имъ по возвращеніи въ Лондонъ заявленій, повѣрилъ правительству. При первомъ моемъ свиданіи съ Ллойдъ Джорджемъ (послѣ революціи) онъ категорически сказалъ мнѣ: «Лордъ Мильнеръ завѣрилъ англійскій кабинетъ, что до окончанія войны революціи въ Россіи не будетъ».

Вопреки лорду Мильнеру, сэръ Джорджъ Бюкананъ продолжалъ упорно предупреждать свое правительство, что положеніе въ Петроградѣ съ каждымъ днемъ обостряется. Посолъ былъ прекрасно освѣдомленъ, ибо имѣлъ личныя связи не только въ придворныхъ и бюрократическихъ кругахъ, но и въ кругахъ думскихъ. Лидеры оппозиціи откровенно высказывались передъ нимъ. Впрочемъ, «скачка въ бездну» происходила у всѣхъ на глазахъ, и даже въ высшемъ петербургскомъ общест-

вѣ сознавалось приближенiе развязки. Изъ появившихся до настоящаго времени въ печати воспоминанiй о недѣляхъ, предшествовавшихъ революцiи, записанныхъ людьми, принадлежавшими къ такъ называемому «высшему обществу», наиболѣе интересна вышедшая недавно въ Бостонѣ книга княгини Кантакузиной-Сперанской, жены гвардейскаго офицера, американки по происхожденiю и внучки президента Гранта — «Revolutionary Days», recollections of Romanoffs and Bolsheviki, (1914—1917). Первыя главы этого живого и умнаго повѣствованiя относятся къ перiоду конца 1916 и начала 1917 года, и изъ нихъ вполнѣ ясно, что вплоть до самыхъ приближенныхъ къ Царской семьѣ лицъ — всѣми сознавалось, что «такъ продолжаться не можетъ». Къ этому времени относится попытка англiйскаго посла повлiять на Николая II и побудить его очистить Россiю отъ протопоповской «скверны» и призвать отвѣтственное министерство. Сэръ Джорджъ Бюкананъ испросилъ на этотъ шагъ санкцiю своего правительства, но получилъ въ отвѣтъ лишь разрѣшенiе поступить по своему усмотрѣнiю «на свой собственный страхъ и рискъ». Ему было дано понять, что если въ отвѣтъ на его выступленiе Русское правительство потребуетъ его отозванiя, таковое должно будетъ имѣть мѣсто. Посолъ, однако, былъ настолько воодушевленъ желанiемъ сдѣлать все возможное для устраненiя условiй, подвергавшихъ, по его убѣжденiю, опасности русскую армiю и Русское госу-

дарство, что рѣшился на разговоръ съ Государемъ и послѣ уклончиваго отвѣта, полученнаго имъ изъ Лондона. Результатъ разговора, въ теченіе котораго посолъ, несомнѣнно, отступилъ отъ дипломатическихъ традицій не по формѣ, а по существу — ибо дипломатическая традиція не позволяетъ иностранному дипломату вмѣшиваться во внутреннюю политику страны, при коей онъ аккредитованъ (если страна эта не расположена на Балканскомъ полуостровѣ или въ Азіи), — результатъ оказался плачевнымъ. Николай II внимательно и вѣжливо выслушалъ сэра Джорджа Бюканана, поблагодарилъ его . . . и заговорилъ о постороннихъ предметахъ.

Примѣрно въ серединѣ февраля я началъ замѣчать въ бесѣдахъ съ англійскими государственными людьми все возраставшую тревогу. Было ясно, что къ правительству, наиболѣе вліятельнымъ членомъ котораго состоитъ политическій оборотень, шалый перебѣжчикъ изъ Государственной думы Протопоповъ, ни довѣрія, ни уваженія быть не могло. Въ обществѣ разсказы объ «изолированности» Царской семьи, о настроеніи офицерства, о сумасбродныхъ выходкахъ Протопопова — составляли тему постоянныхъ разговоровъ и пересудовъ. Въ печати появлялись корреспонденціи изъ Петрограда, рисовавшія положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, такъ что даже самыя консервативныя газеты забили тревогу, и появились передовыя статьи, заключавшія рѣзкое осужденіе и серьезныя «предупрежденія». Одну изъ

такихъ статей, помѣщенную въ газетѣ «Morning Post», я цѣликомъ передалъ по телеграфу въ Петроградъ. Когда я вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе посольствомъ, представился королю Георгу, онъ въ продолжительномъ разговорѣ весьма недвусмысленно отозвался о государынѣ, выражая сожалѣніе по поводу оказываемаго ею пагубнаго вліянія на ходъ событій въ Россіи. Послѣ одного изъ моихъ разговоровъ съ Бальфуромъ, въ теченіе котораго онъ высказалъ самыя живыя «опасенія» и заявилъ, что правительство крайне озабочено донесеніями своего посла, я телеграфировалъ объ этомъ Покровскому, причемъ прибавилъ, что счелъ своимъ долгомъ завѣрить Бальфура въ непоколебимой рѣшимости государя продолжать войну до конца, несмотря ни на какія колебанія внутренней политики. Слова эти были государемъ подчеркнуты и сдѣлана была помѣта: «Конечно».

Тѣмъ временемъ положеніе представителя Россіи въ Англіи становилось все болѣе тяжелымъ. Лордъ Хардингъ, въ силу прежнихъ личныхъ отношеній, былъ со мною откровеннѣе, чѣмъ Бальфуръ; оставаясь въ границахъ того, что позволяла, опять-таки, дипломатическая традиція, онъ сокрушался по поводу происходящаго въ Россіи, и слова его нерѣдко проникнуты были горечью и раздраженіемъ. Все болѣе настоятельнымъ представлялся долгъ открыто и рѣшительно освѣдомить Русское правительство о настроеніи по от-

ношенію къ нему англійскихъ правящихъ круговъ и общественнаго мнѣнія.

Въ концѣ января 1916 года мнѣ пришлось принимать участіе въ конференціи по мало-азіатскимъ дѣламъ, созванной въ Лондонѣ по настоянію Италіи. Участвовали на этой конференціи Бальфуръ, французскій посолъ Камбонъ, итальянскій посолъ маркизъ Имперіали и я. Италія настаивала на участіи въ дѣлежѣ Малой Азіи, и послѣ долгихъ проволочекъ три державы (Россія, Англія, Франція), заключившія соглашеніе до вступленія Италіи въ войну, сочли себя вынужденными сообщить Италіи текстъ этого соглашенія. Возникшіе въ февралѣ 1916 года по настоянію Италіи переговоры въ Лондонѣ не привели къ соглашенію, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, почти ультимативнаго требованія Италіи объ уступкѣ ей Смирны. Въ виду особаго историческаго интереса, который представляютъ эти переговоры, а также и потому, что къ вопросу о Смирнѣ пришлось возвращаться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко, исторіи этихъ совѣщаній будетъ посвящена особая глава.

На театрѣ войны во Франціи положеніе было «безъ перемѣнъ»; французскія и англійскія войска стойко выносили лишенія и невзгоды въ мерзлыхъ окопахъ. Долгая агонія Вердена окончилась побѣдою французовъ. Въ Месопотаміи дѣла пошли лучше, Кутъ былъ освобожденъ и началось быст-

рое наступленіе на Багдадъ. Въ то же время Германія объявила о своемъ намѣреніи вести безпощадную подводную войну, и съ каждымъ днемъ длиннѣе становился списокъ торговыхъ судовъ, затопленныхъ нѣмецкими подводными лодками. Америка все еще не рѣшалась вступить въ войну, и въ сознаніе англичанъ глубже проникала мысль, что идетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Населеніе еще не испытывало лишеній, но контроль предметовъ продовольствія становился все строже. Войска пополнялись уже людьми, перешедшими сорокалѣтній возрастъ.

Было, если можно такъ выразиться, «пасмурно, но тихо». Въ военныхъ бюллетеняхъ съ русскаго фронта не было ничего такого, что приковывало бы вниманіе публики къ Россіи. Къ корреспонденціямъ о внутреннихъ русскихъ дѣлахъ относились безучастно — отвѣтственные государственные люди испытывали тревогу и опасенія. Первыя газетныя телеграммы о безпорядкахъ въ Петроградѣ послужили, однако, сигналомъ къ внезапному пробужденію напряженнаго вниманія публики; въ правительствѣ и въ печати настроеніе стало до крайности нервнымъ.

ГЛАВА IV.

За 2 ½ года великой міровой войны европейскіе народы привыкли къ «экстреннымъ» изданіямъ вечернихъ газетъ, къ сенсаціоннымъ извѣстіямъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ облетавшимъ столицы и страны. Изъ всѣхъ «сенсацій», которыя мнѣ пришлось пережить въ Лондонѣ, ни одна не была такъ ярка, ни одна такъ не «захватила» публику, какъ извѣстіе о потопленіи крейсера, на которомъ лордъ Китченеръ шелъ въ Россію, и о гибели этого англійскаго народнаго героя. Въ Англіи въ то время не было человѣка, престижъ имени котораго равенъ былъ бы престижу имени Китченера. Но интенсивности сенсаціи способствовало съ одной стороны то обстоятельство, что о поѣздкѣ въ Россію лорда Китченера знали только весьма немногіе; она, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, держалась въ строгой тайнѣ; съ другой стороны — извѣстіе оглашено было около полудня, когда пульсъ лондонской жизни бьется съ особенной силой. Впечатлѣніе было потрясающее. Идя по улицѣ, вы чувствовали, что имя Китченера — у всѣхъ на

устахъ и въ умѣ, и что не было никого, кто отнесся бы безучастно къ его гибели.

Извѣстіе объ отреченіи отъ престола Николая II пришло въ Лондонъ вечеромъ. На другое утро оно было объявлено въ газетахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что ни авторы передовыхъ статей, ни читающая публика въ это утро не поняли, что открылась новая эра въ исторіи не одной Россіи, но всего человѣчества. Русская революція еще и нынѣ не завершилась. Процессъ разрушенія, безпримѣрный по своей жестокости и по своимъ размѣрамъ, еще продолжается; всѣ сознательные русскіе люди въ настоящее время испытываютъ душевныя терзанія двоякаго рода: стыдъ и горе по поводу систематическаго уничтоженія русской культуры, попранія элементарныхъ правъ человѣка и гражданина. Но еще, быть можетъ, мучительнѣе — чувство неизвѣстности будущаго, сомнѣнія въ томъ, что хватитъ у освободителей Россіи отъ большевистско-нѣмецкаго гнета государственной мудрости для того, чтобы возсоздать Россію на новыхъ началахъ подлинной свободы, равенства, законности и просвѣщенія. Въ день отреченія отъ престола Николая II врядъ ли кто въ Россіи понималъ неизбѣжность, неминуемость той «бездны», до которой дошла Россія. Тѣмъ менѣе, разумѣется, могла предугадывать эту «бездну» лондонская печать, а съ нею и лондонское общественное мнѣніе.

Извѣстіе объ отреченіи отъ престола произвело

на русскую колонію въ Лондонѣ впечатлѣніе ошеломляющее. Колонія подраздѣлялась на двѣ рѣзко другъ отъ друга отграниченныя группы: русскихъ правительственныхъ чиновниковъ, находившихся въ Лондонѣ по долгу службы, связанной съ участіемъ Россіи въ войнѣ въ качествѣ союзницы Англіи. Группа эта насчитывала примѣрно 500 человѣкъ, въ томъ числѣ и всѣхъ должностныхъ лицъ, принадлежащихъ къ посольству и къ представительству отдѣльныхъ вѣдомствъ — военнаго, морского, финансовъ и другихъ. Въ этой средѣ, само собою разумѣется, значительно преобладали монархисты. Слѣпыхъ приверженцевъ династіи было, однако, немного — исключительно среди военныхъ наблюдалось сохранившееся въ теченіе всего послѣдующаго смутнаго періода настроеніе ненависти къ Временному правительству и затаенныя мечты о возвращеніи къ старому режиму. Временное правительство изъ благороднаго побужденія, изъ нежеланія производить «чистку» и удалять, быть можетъ, технически цѣнныхъ работниковъ, проявило по отношенію къ личному составу заграничныхъ установленій большую терпимость. Терпимость, быть можетъ, даже чрезмѣрную, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди, присягнувшіе Временному правительству, совершенно опредѣленно кривили душою; для англичанъ отнюдь не былъ тайной ихъ истинный образъ мыслей, — а это, разумѣется, подрывало довѣріе и

уваженіе къ нимъ и соотвѣтственно умаляло цѣнность ихъ работы.

Другая группа русской колоніи, болѣе многочисленная — политическіе эмигранты, нашедшіе въ Англіи убѣжище отъ преслѣдованій русской «охранки». Въ этой средѣ вѣсть о паденіи монархіи встрѣчена была, разумѣется, восторженно. Составъ Временнаго правительства внушалъ полную вѣру въ то, что въ Россіи водворится подлинная свобода и новая государственность, которая явится осуществленіемъ всѣхъ вожделѣній и идеаловъ этихъ изгнанниковъ. «Безкровная» революція придала особую интенсивность этой радости, и можно съ увѣренностью сказать, что не было ни одного культурнаго русскаго либерала, который въ эти первыя недѣли послѣ отреченія государя могъ предвидѣть, въ какую пропасть Россія покатилась. Въ это первое время существованіе, наряду съ Временнымъ правительствомъ, совѣта рабочихъ депутатовъ не привлекло къ себѣ достаточно вдумчиваго вниманія; никто въ эти дни не могъ понять, что съ самаго перваго дня въ Россіи фактическая, настоящая власть была въ рукахъ «соврабдепа», и что изъ этой среды выйдутъ люди, которые разрушатъ все зданіе государственности.

При императорскомъ режимѣ русское посольство въ Лондонѣ (какъ и въ другихъ иностранныхъ столицахъ) не имѣло, собственно говоря, никакого общенія съ колоніей, было совершенно изолировано. Поскольку бюрократія, военная и чиновни-

чья среда, проѣзжіе русскіе — нуждались въ содѣйствіи посольства — они обращались къ нему; но нужно признать, что «объединяющимъ центромъ», «роднымъ островомъ» въ чужой землѣ — посольство не служило. Объ эмигрантахъ и говорить нечего. Очевидно, они его чуждались и не знали. Революція сразу и въ корнѣ измѣнила положеніе посольства, задачи котораго значительно расширились. Дѣятельность русскаго представителя, такимъ образомъ, силою вещей приняла новое направленіе. Съ одной стороны — ему предстояло установить, наладить и укрѣпить отношенія между новымъ русскимъ режимомъ и Англійскимъ правительствомъ, общественностью и печатью; съ другой — объединить, примирить и по возможности направить русскіе круги въ Англіи. Постараюсь описать свои усилія къ выполненію этой двойной задачи.

Врядъ ли подлежитъ спору, что мартовская революція въ Россіи была привѣтствована въ Англіи съ большимъ единодушіемъ. Объ отношеніи либеральныхъ и радикальныхъ круговъ говорить нечего. Что касается правительства — какъ явствуетъ изъ моего предшествующаго разсказа, оно было настолько испугано теченіемъ событій, предшествовавшихъ революціи, такъ боялось ослабленія боевой мощи Россіи при правительствѣ, потерявшемъ престижъ и опору въ народѣ, — что первымъ побужденіемъ при полученіи извѣстія объ образованіи Временнаго правительства были сим-

патія и радость. Внѣшнимъ проявленіемъ этой симпатіи послужило почти немедленное признаніе новаго режима въ Россіи.

Французскій текстъ перваго обращенія Временнаго правительства къ Союзнымъ державамъ полученъ былъ въ посольствѣ въ воскресный день, когда министерство иностранныхъ дѣлъ иностранныхъ представителей не принимаетъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду исключительнаго значенія этого документа, я сдѣлалъ попытку увидать Бальфура. Придя въ министерство въ 4 ½ часа пополудни, я прождалъ наудачу до шести часовъ. Бальфуръ, противъ обыкновенія, зашелъ въ министерство и немедленно принялъ меня. Выслушавъ декларацію Временнаго правительства, онъ ее «принялъ къ свѣдѣнію», не сдѣлавъ, однако, никакого указанія на то, какъ Англійское правительство намѣрено отвѣтить. Въ разговорѣ, между прочимъ, я высказалъ мысль о желательности огласить декларацію Русскаго правительства въ засѣданіи палаты общинъ на другой день. Я имѣлъ въ виду, что отношеніе палаты къ этому представляло бы несомнѣнную нравственную цѣнность для Россіи. Бальфуръ отнесся къ этой мысли сочувственно и полу-обѣщалъ ее выполнить. Каково же было мое огорченіе, когда, вернувшись въ посольство, я прочиталъ полный текстъ деклараціи на англійскомъ языкѣ въ незначительной и пошлой вечерней газеткѣ, въ передачѣ агентства Рейтера. Произошло это потому, что П. Н. Милюковъ, естест-

венно, въ эти первые дни послѣ своего вступленія въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ не могъ услѣдить за правильнымъ ходомъ работы и допустилъ преждевременное сообщеніе телеграфному агентству деклараціи, которую слѣдовало, предварительно ея опубликованія, сообщить представителямъ Россіи заграницею. Опубликованіе ея въ Лондонѣ, само собою разумѣется, сдѣлало невозможнымъ осуществленіе моего предложенія объ оглашеніи ея въ палатѣ.

Въ этой стадіи моего разсказа умѣстно сдѣлать краткое замѣчаніе pro domo sua. Мой первый разговоръ съ Бальфуромъ «далъ тонъ», какъ говорится, всему моему дальнѣйшему отношенію къ русской революціи и моимъ къ ней комментаріямъ въ глазахъ англичанъ. Я совершенно опредѣленно далъ понять Бальфуру, что лично глубоко сочувствую происшедшей перемѣнѣ. Эти мои симпатіи къ революціи вызвали со стороны нѣкоторыхъ государственныхъ людей и, въ особенности, въ лондонскомъ обществѣ, рѣзкое осужденіе. Высказывалось негодованіе по поводу того, что человѣкъ, служившій государю и старому режиму — громко выражалъ радость по поводу паденія стараго строя. Я считалъ, что люди, преданные старому режиму, поступили бы логично и честно, еслибы отказались служить новому строю. Но тѣ люди, которые, какъ я, исповѣдывали открыто до революціи либеральные взгляды и опредѣленно желали перемѣны — вправѣ были открыто выска-

зывать сочувствіе новому строю, при которомъ они продолжали свое служеніе Россіи. Какъ бы то ни было, съ этого момента лондонское общество, дотолѣ оказывавшее мнѣ весьма радушный пріемъ, рѣзко измѣнило свое ко мнѣ отношеніе. Ту же разницу замѣтилъ я и въ отношеніи ко мнѣ со стороны лорда Хардинга. Интересную для историка аналогію моему тогдашнему положенію и отношенію лондонскаго общества къ человѣку, «представлявшему» сначала монархію, а затѣмъ революціонное правительство — можно найти въ донесеніяхъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ Екатерины II во время французской революціи. Ему, какъ и мнѣ въ Лондонѣ, сначала дворъ, а потомъ и общество «повернули спину». Донесенія этого французскаго дипломата, удачно скомпилированныя, изложены въ высшей степени любопытной монографіи, написанной нашимъ русскимъ дипломатомъ Л. В. Иславинымъ. Съ этого же момента началась злобная ненависть ко мнѣ всѣхъ реакціонно-монархическихъ русскихъ круговъ.

Дня черезъ три я впервые встрѣтился съ Ллойдъ Джорджемъ по его иниціативѣ. Любопытно, что приглашеніе притти къ нему внушено было совершенно частнымъ образомъ одною моей знакомой дамой, имѣвшей обширныя личныя связи въ правительственныхъ кругахъ. Премьеръ-министръ встрѣтилъ меня сдержанно. Чувствовалось, что онъ не зналъ, какъ приступить къ разговору. Сви-

даніе происходило въ большой комнатѣ, въ которой обыкновенно засѣдаетъ кабинетъ. Послѣ того, какъ мы усѣлись, наступило молчаніе, и Ллойдъ Джорджъ началъ съ безцвѣтной фразы: «Въ Россіи происходятъ крупныя событія». — «Въ связи съ этими событіями», отвѣчалъ я, «помните ли вы тѣ общія мѣста, которыми вашъ предшественникъ и вы сами обмѣнивались по телеграфу съ различными, быстро за послѣднее время чередовавшимися первыми министрами въ Россіи? Теперь представляется случай для васъ послать новому русскому премьеру, князю Львову, привѣтствіе, которое будетъ имѣть историческую цѣнность и значеніе». Ллойдъ Джорджу эта мысль улыбнулась, и онъ тутъ же попросилъ меня зайти къ нему на другое утро, чтобы вмѣстѣ обсудить проектъ телеграммы, которую онъ обѣщалъ составить въ теченіе вечера. Разговоръ перешелъ затѣмъ на тему о поѣздкѣ лорда Мильнера въ Россію, причемъ премьеръ замѣтилъ, что Мильнеръ оказался плохимъ пророкомъ. Когда я снова увидалъ Ллойдъ Джорджа на другое утро, — принялъ онъ меня гораздо болѣе привѣтливо. Прочитавъ мнѣ приводимый ниже текстъ телеграммы, онъ спросилъ меня, имѣю ли я какія-либо замѣчанія. Въ отвѣтъ я сказалъ ему, что намѣревался просить его о томъ, чтобы привѣтствіе новому режиму въ Россіи исходило не отъ «Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи», а отъ всей Имперіи, и что это легко осуществимо потому, что въ насто-

ящій моментъ въ Лондонѣ засѣдаетъ обще-имперская конференція при участіи представителей Индіи, колоній и владѣній («Dominions») имперіи. «Это мое желаніе вы уже исполнили, поэтому я могу только поблагодарить васъ за ту нравственную поддержку, которую вы въ настоящій трудный моментъ оказываете Россіи». Телеграмма Ллойдъ Джорджа гласила: «Народы Великобританіи и Британскихъ владѣній за океаномъ съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія узнали, что ихъ мощная союзница, Россія, отнынѣ принадлежитъ къ націямъ, основывающимъ свой строй на отвѣтственномъ правительствѣ. Мы высоко цѣнимъ лояльное и упорное сотрудничество, полученное нами отъ бывшаго императора и русскихъ армій за истекшіе 2 ½ года. Но я вѣрю, что революція, благодаря которой русскій народъ поставилъ свою судьбу на прочную основу свободы — есть величайшая услуга, оказанная имъ тому принципу, во имя котораго Союзные народы ведутъ борьбу съ августа 14-го года.

Эта революція обнаруживаетъ основной фактъ — что настоящая война въ основѣ своей есть борьба за народное правительство и за свободу. Она показываетъ, что благодаря войнѣ, принципъ свободы, служащій единственной вѣрной гарантіей мира на землѣ, — уже одержалъ громкую побѣду. Она есть вѣрный залогъ того, что прусское военное самодержавіе, начавшее войну, и служащее

нынѣ единственнымъ препятствіемъ къ миру, само скоро будетъ сброшено.

Свобода — необходима для мира, и я не сомнѣваюсь, что послѣдствіемъ установленія прочнаго конституціоннаго правительства въ Россіи будетъ укрѣпленіе въ русскомъ народѣ рѣшимости продолжать войну до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрушенъ послѣдній оплотъ тираніи на европейскомъ континентѣ, и свободные народы всѣхъ странъ соединятся, чтобы обезпечить себѣ и послѣдующимъ поколѣніямъ блага братства и мира».

На другой день — или въ ближайшіе дни — телеграмма эта была опубликована въ газетахъ. Несмотря на то, что я подробно по телеграфу извѣстилъ Милюкова о своемъ свиданіи съ премьеромъ и просилъ немедленно передать мнѣ текстъ отвѣта Временнаго правительства, — отвѣта этого ни мнѣ, ни печати сообщено не было, и я до сего дня не знаю, откликнулся ли князь Львовъ на привѣтствіе. Такихъ досадныхъ оплошностей въ дальнѣйшемъ наше Временное правительство (въ особенности послѣ ухода Милюкова) совершило цѣлый рядъ — и болѣе крупныхъ. А это, разумѣется, раздражало Англійское правительство и въ особенности дорожащихъ «формою» высшихъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ллойдъ Джорджъ былъ, несомнѣнно, искрененъ, когда привѣтствовалъ возникновеніе въ Россіи новаго строя. Въ значительной мѣрѣ, думается мнѣ,

вся его послѣдующая антипатія къ Россіи — антипатія, вызванная причинами болѣе сложными — объясняется тѣмъ, что обмануты были его надежды на способность людей, взявшихъ власть изъ рукъ государя, искоренить ошибки стараго строя и ускорить побѣду демократіи Западной Европы надъ Германской коалиціей. Съ первыхъ же шаговъ однако, обнаружилась внутри самого правительства, возглавляемаго Ллойдъ Джорджемъ, та двойственность въ отношеніи къ новому строю Россіи, которая, постепенно обостряясь, создавала такія тяжкія осложненія во взаимоотношеніяхъ Россіи и Англіи. Отвѣтственные представители англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ съ первыхъ же шаговъ русскаго Временнаго правительства отнеслись къ нему скептически. Они исходили изъ убѣжденія, что внутреннее потрясеніе неминуемо повлечетъ за собою ослабленіе Россіи, какъ воюющей державы, и примѣняли къ Временному правительству только этотъ критерій, а именно: поскольку оно окажется въ силахъ успѣшно продолжать войну, постольку они склонны были намъ сочувствовать. По мѣрѣ того, какъ стало обнаруживаться безсиліе Временнаго правительства противостоять давленію совѣта рабочихъ депутатовъ и крайнихъ теченій, — настроеніе это углублялось.

Англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ антипатично было мое личное отношеніе къ русской революціи и открыто высказываемое мною

чувство удовлетворенія по поводу паденія дома Романовыхъ. Поэтому министерство не замедлило сообщить Временному правительству чрезъ великобританскаго посла въ Петроградѣ, что оно ожидаетъ назначенія русскаго посла въ Лондонъ. Таковымъ назначенъ былъ Сазоновъ, и это назначеніе было горячо привѣтствовано министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Прошло нѣсколько недѣль, а Сазоновъ все не пріѣзжалъ. Будучи въ то же время назначенъ посланникомъ въ Швейцарію, я, естественно, по личнымъ соображеніямъ интересовался вопросомъ о пріѣздѣ Сазонова и неоднократно запрашивалъ министерство въ Петроградѣ, но получалъ неопредѣленные отвѣты. Однажды въ разговорѣ съ лордомъ Хардингомъ я спросилъ его, не извѣстно ли ему, когда Сазоновъ думаетъ пріѣхать. «Какъ только мы», отвѣчалъ товарищъ министра, «сможемъ послать за нимъ крейсеръ: Сазоновъ боится морского перехода». Выйдя изъ кабинета лорда Хардинга, я встрѣтился въ коррицорѣ съ редакторомъ иностраннаго отдѣла одной изъ крупнѣйшихъ газетъ. «Что же, пріѣзжаетъ Сазоновъ?» спросилъ онъ. «Повидимому, очень скоро». «Скажите пожалуйста», продолжалъ мой собесѣдникъ, «какъ можетъ дипломатъ стараго режима и старой школы, типичный представитель прежняго русскаго имперіализма — представлять въ Лондонѣ русскую революціонную демократію?» «Если русская революціонная демократія», отвѣчалъ я, «и ея лидеры даютъ Сазонову постъ посла

— значитъ, ему довѣряютъ, значитъ, онъ можетъ взять на себя задачу этого представительства. Наша съ вами оцѣнка этого мандата — это наше личное мнѣніе». Сазоновъ, какъ извѣстно, задержанъ былъ на вокзалѣ въ Петроградѣ, такъ какъ предположенный отъѣздъ его совпалъ съ отставкою Милюкова и назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Терещенко. Лично мнѣ съ самаго начала казалось мало вѣроятнымъ и въ сильной степени несуразнымъ назначеніе Сазонова. «Дипломатической побѣдой» этого министра, которая ставилась ему въ заслугу, было согласіе союзниковъ на передачу (послѣ войны) Россіи Константинополя. Между тѣмъ, уже въ ближайшія недѣли послѣ революціи появилось обратившее на себя вниманіе всей печати заявленіе Керенскаго (бывшаго еще тогда министромъ юстиціи) о томъ, что Россія не будетъ добиваться Константинополя, и начала выясняться тенденція Русскаго правительства въ пользу отказа отъ «имперіалистическихъ» пріобрѣтеній. Поэтому я лично вполнѣ раздѣлялъ упомянутыя выше сомнѣнія нѣкоторыхъ руководителей англійской прессы въ цѣлесообразности назначенія Сазонова, не вѣрилъ тому, что онъ сумѣетъ справиться съ задачей. Отмѣна его пріѣзда не была, поэтому, для меня неожиданностью.

Къ этому, приблизительно, времени относится поѣздка въ Петроградъ Хендерсона. Недавнія разоблаченія, сдѣланныя этимъ лидеромъ рабочей партіи въ печати, касались его поѣздки въ Петро-

градъ и ухода его изъ кабинета въ связи съ несостоявшейся Стокгольмской конференціей 1917 года. Насколько во второй своей части заявленія Хендерсона были «полу-правдой» — ясно будетъ изъ послѣдующаго моего изложенія Стокгольмскаго инцидента. Но въ томъ, что касается поѣздки въ Петроградъ, Хендерсонъ, по всей вѣроятности, говоритъ правду. Онъ заявляетъ, что Ллойдъ Джорджъ далъ ему полномочіе замѣнить сэра Джорджа Бюканана на посту посла, буде онъ, Хендерсонъ, по ознакомленіи съ мѣстной обстановкой признаетъ такую замѣну желательной.

Найдется, несомнѣнно, со временемъ, правдивый русскій государственный дѣятель изъ числа тѣхъ, кто весною 1917 года имѣлъ близкое соприкосновеніе съ правительствомъ или принадлежалъ къ его составу, — который разскажетъ русскому читателю подлинную исторію пребыванія Хендерсона въ Россіи, его сношеній съ правительствомъ и «соврабдепомъ». Участіе русскаго посольства въ Лондонѣ въ этой неудачной и по существу нелѣпой «миссіи» ограничилось формальностями. Послѣ окончанія поѣздки Хендерсона мнѣ пришлось передать министерству иностранныхъ дѣлъ составленную въ трафаретныхъ выраженіяхъ благодарственную телеграмму Временнаго правительства за «цѣнное содѣйствіе», оказанное Хендерсономъ дѣлу сближенія демократій Россіи и Англіи. На самомъ дѣлѣ Хендерсонъ, будучи человѣкомъ тусклымъ и малодаровитымъ, не зная русскаго язы-

ка, не будучи знакомъ ни съ исторіей Россіи, ни съ ея бытомъ, ни съ ея государственнымъ и общественнымъ строемъ — оказался въ положеніи глухонѣмого и близорукаго свидѣтеля непонятнаго ему революціоннаго движенія и вывезъ изъ Россіи въ корнѣ ошибочныя и поверхностныя впечатлѣнія. У него, впрочемъ, хватило добросовѣстности и разума, чтобы понять, что замѣнить сэра Джорджа Бюканана онъ абсолютно не въ состояніи. Хотя ни англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, ни его ближайшимъ сотрудникамъ неизвѣстны были въ то время данныя Хендерсону премьеромъ полномочія — все отношеніе министерства иностранныхъ дѣлъ къ поѣздкѣ Хендерсона было не то ироническое, не то отрицательное. Эта «миссія» дала укрѣпиться сознанію, что въ отношеніяхъ съ Россіей поневолѣ приходится отступать отъ рутины международныхъ традицій — а къ такому отступленію отъ традицій министерство не было подготовлено и принимало эту необходимость неохотно.

Практическаго результата отъ поѣздки Хендерсона не было никакого. Высказывая мнѣніе, что поѣздка его была нелѣпа, я отнюдь, однако, не хочу этимъ сказать, что нелѣпа была основная мысль Ллойдъ Джорджа: помимо оффиціальнаго представителя — посла, имѣвшаго дѣло съ министрами Временнаго правительства, онъ хотѣлъ установить личный контактъ съ лидерами русскаго освободительнаго движенія, стоявшими внѣ

правительства, ради того, чтобы легче и полнѣе оріентироваться въ подлинномъ настроеніи народныхъ массъ и ихъ руководителей. Но нелѣпо было посылать Хендерсона, абсолютно неспособнаго выполнить эту задачу.

Временное правительство, какъ я уже выше замѣтилъ, на первыхъ порахъ старалось избѣгнуть коренной «ломки» нашего заграничнаго представительства. Мнѣ думается, что если бы оно въ то время прислало въ союзныя столицы, въ качествѣ хотя бы такихъ же «чрезвычайныхъ» посланцевъ, какими были въ Россіи Хендерсонъ и Альбертъ Тома́, видныхъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія, такихъ, какъ Н. В. Чайковскій, Г. В. Плехановъ, задача достиженія взаимнаго пониманія между правительствами Россіи, Англіи и Франціи значительно облегчилась бы. Въ глазахъ печати и общественнаго мнѣнія дѣятельность такихъ лидеровъ, ихъ заявленія въ печати, ихъ публичныя выступленія, несомнѣнно, были бы болѣе убѣдительны и вліятельны, нежели попытки въ этомъ направленіи дипломатовъ, сохранившихъ свои посты послѣ паденія стараго режима.

Къ сожалѣнію, такую возможность воздѣйствія на общественное мнѣніе Союзныхъ странъ правительство упустило. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ мартовскаго переворота единственнымъ лицомъ, посѣтившимъ Европу съ спеціальнымъ полномочіемъ Временнаго правительства былъ коммиссаръ С. Г. С-въ.

Поѣздка его не имѣла политическаго значенія; нужно обладать геніемъ Н. В. Гоголя, чтобы подобающимъ образомъ описать пребываніе въ Лондонѣ этого современнаго Хлестакова. Я, поэтому, постараюсь возможно короче разсказать эту буффонаду.

Г-ну С., повидимому, дано было спеціальное порученіе разслѣдовать дѣятельность заграничныхъ отдѣловъ прежней русской охранки, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, и въ частности взаимоотношенія между русскими дипломатическими установленіями (посольскими и консульскими) — и этими полицейскими участками на чужой территоріи. Такъ какъ лондонское посольство за 13 лѣтъ управленія графа Бенкендорфа никакого отношенія къ охранкѣ не имѣло и я, какъ глава посольства, не зналъ даже о существованіи въ Лондонѣ русскихъ агентовъ этой охранки — естественно было предположить, что «ревизоръ» изъ Петербурга недолго задержится въ Лондонѣ, и что разговоры съ нимъ будутъ кратки. Не тутъ-то было. Г-нъ С., уже на пути своемъ черезъ Скандинавію успѣвшій «нагнать страху» на русскія дипломатическія учрежденія, принялъ тонъ какого-то «сверхъ-ревизора», предъ которымъ должны были трепетать всѣ русскіе чиновники отъ мала до велика.

Встрѣченный на вокзалѣ однимъ изъ секретарей, Г-нъ С. пріѣхалъ въ посольство въ 2 часа дня, то есть въ такое время, когда чины посольства

уходятъ завтракать. Не заставъ никого, кромѣ англійской прислуги, «изволилъ гнѣваться». Въ шесть часовъ вечера я отправился къ нему — въ меблированныя комнаты неподалеку отъ генеральнаго консульства. Г-нъ С. былъ «обходителенъ, но важенъ». Фигура, по внѣшности, необыкновенно комическая, — онъ еще усиливалъ этотъ комизмъ своею «важною осанкой». Заявилъ, что пріѣхалъ «ревизовать посольство и другія учрежденія». Выразилъ намѣреніе получить аудіенціи у министровъ и чуть ли не у самого Ллойдъ Джорджа. При послѣдующемъ посѣщеніи имъ посольства, однако, выяснилось, что главная его задача — установить казавшуюся ему несомнѣнною связь между нами и охранкой. Послѣ того, какъ я категорически заявилъ ему, что ничего подобнаго нѣтъ, онъ направилъ всѣ свои стрѣлы противъ растеряннаго и сбитаго съ толку генеральнаго консула барона Гейкинга, вскорѣ затѣмъ уволеннаго въ отставку, и оставилъ посольство въ покоѣ. Никакихъ свиданій съ министрами, разумѣется, не имѣлъ. На «учредительномъ» засѣданіи англо-русскаго общества «Братство» подъ предсѣдательствомъ лорда Роберта Сесиля, имѣвшемъ мѣсто въ зданіи парламента — такъ какъ въ числѣ учредителей съ англійской стороны были члены палаты общинъ — по оплошности нѣкоторыхъ членовъ «Русскаго правительственнаго комитета» (желавшихъ, повидимому, заслужить симпатіи «ревизора»), — С. выступилъ съ рѣчью. Это было

нѣчто невообразимое. Съ невѣроятнымъ выговоромъ, онъ произнесъ чудовищную по пошлости и трафаретности рѣчь о русской «свободѣ» . . . присутствовавшіе англичане иронически улыбались, а я не зналъ, куда дѣться отъ неловкости и стыда. Пробывъ нѣкоторое время въ Лондонѣ и набравшись цѣлаго вороха навѣтовъ и доносовъ на посольство и генеральное консульство, Г-нъ С. уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ, по слухамъ, его «приняли въ серьезъ» . . . точь въ точь, какъ Ивана Александровича Хлестакова. По пріѣздѣ въ Римъ, Г-нъ С., повидимому, проявилъ еще большую «важность» и сталъ чуть ли не смѣнять представителей вѣдомствъ. Тѣмъ временемъ молва объ этихъ его безчинствахъ дошла до Петрограда. Тамъ, повидимому, смекнули, что дѣло неладно, что вся эта хлестаковщина только роняетъ достоинство Временнаго правительства. Въ Парижъ и Лондонъ посланы были Керенскимъ телеграммы съ предписаніемъ объявить Г-ну С., что его полномочія должны считаться отмѣненными, и что ему слѣдуетъ немедленно возвращаться въ Россію. Отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ я получилъ сообщеніе, что «ввиду установившихся дружескихъ отношеній съ Г-мъ С. (sic!) онъ не считаетъ возможнымъ передавать послѣднему содержаніе телеграммы Керенскаго». По пріѣздѣ Г-на С. въ Лондонъ нѣсколько дней спустя, телеграмма Керенскаго была передана ему, по моему порученію, секретаремъ посольства. Г-нъ С. про-

былъ въ Лондонѣ короткое время, держался «тише воды, ниже травы», въ посольство не заѣзжалъ. При отъѣздѣ передалъ секретарю посольства, провожавшему его, просьбу ко мнѣ «заступиться за товарища Чичерина», — въ то время уже посаженнаго англичанами въ тюрьму за агитацію среди рабочихъ.

Посылку этого комическаго типа, сочетавшаго Хлестакова съ Держимордою, въ заграничную командировку нельзя слишкомъ строго ставить въ упрекъ Временному правительству. Въ средѣ этого правительства не было (среди министровъ) ни одного человѣка, способнаго оцѣнить послѣдствія подобнаго рода «заграничныхъ гастролей». Подчиненные же вѣдомственные чиновники, въ томъ числѣ чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ, очевидно, въ этотъ періодъ времени боялись «смѣть свое сужденіе имѣть». Поѣздка Г-на С., повторяю, политическаго значенія не имѣла. Но вреда она принесла много. Она дала поводъ къ цѣлому ряду лживыхъ доносовъ и обнаружила — въ другихъ столицахъ болѣе, чѣмъ въ Лондонѣ, раболѣпный страхъ чиновниковъ стараго режима за свои «теплыя мѣста», страхъ, движимые которымъ они въ буквальномъ смыслѣ слова раболѣпствовали передъ вороною, которую сами же нарядили въ павлиньи перья.

ГЛАВА V.

Одною изъ первыхъ мѣръ, которыми озабочено было Временное правительство по своемъ возникновеніи — было возвращеніе на родину всѣхъ русскихъ гражданъ, нашедшихъ заграницею убѣжище отъ преслѣдованій полиціи прежняго режима. Съ этими эмигрантами, какъ я уже указалъ выше, у русскаго представительства заграницею сношеній не было. Вслѣдъ за сообщеніями объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе монархіи, и за деклараціями международнаго и внутренно-политическаго значенія, изданными Временнымъ правительствомъ, посольство получило инструкцію отъ Милюкова принять мѣры къ обезпеченію проѣзда въ Россію всѣхъ тѣхъ русскихъ гражданъ, которые пожелаютъ вернуться на родину. Съ этою цѣлью мнѣ предписывалось образовать «комитетъ изъ эмигрантовъ» и наладить дѣло водворенія при сотрудничествѣ этого комитета. Задача, казалось бы, трудно выполнимая, принимая во вниманіе отчужденность и подозрительность, съ которыми относились политическіе эмигранты къ русскому посольству. Въ Лондонѣ, однако, основ-

ныя трудности оказались на первыхъ порахъ менѣе значительными благодаря иниціативѣ, принятой на себя эмигрантскими кругами. Наканунѣ полученія посольствомъ телеграммы Милюкова, ко мнѣ пришли О. М. Кругляковъ и Г. В. Чичеринъ въ качествѣ представителей лондонскихъ эмигрантовъ, и въ результатѣ моихъ переговоровъ съ ними рѣшено было создать «эмигрантскую комиссію». Мысль Милюкова была, такимъ образомъ, въ Лондонѣ предвосхищена.

Но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что дѣло водворенія на родину эмигрантовъ окажется подобнымъ протаскиванію не одного верблюда, а цѣлыхъ каравановъ чрезъ игольное ухо. Въ самой Англіи эмигрантовъ были тысячи. Кромѣ того, Лондонъ естественно сталъ, въ непродолжительномъ времени, пунктомъ, къ которому стекались русскіе, желающіе вернуться домой изъ всѣхъ европейскихъ странъ, отдѣленныхъ отъ Россіи непріятельскими землями. Въ то же время весна 17-го года была періодомъ особо напряженной подводной войны; союзническій тоннажъ распредѣлялся съ особой экономіей, и пассажирское движеніе урѣзывалось до минимума. Сообщеніе со Скандинавскими странами поддерживалось посредствомъ крайне ограниченнаго числа небольшихъ пароходовъ, совершавшихъ еженедѣльные рейсы подъ конвоемъ англійскихъ миноносцевъ. При такихъ условіяхъ ясно, какія требовались усилія, чтобы получить хотя бы незначительное количество

мѣстъ на этихъ пароходахъ. При этомъ въ первое время у посольства не было спеціальныхъ кредитовъ на удовлетвореніе нуждъ колоніи, а въ дальнѣйшемъ полученіе этихъ кредитовъ сопряжено было, вслѣдствіе низкаго курса рубля, съ огромными потерями и проволочками. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе оказалась также задача выработки разумнаго паспортнаго контроля.

Совокупность всѣхъ этихъ факторовъ привела къ тому, что помимо возникшей въ скоромъ времени политической необходимости, трудно удовлетворяемой, оградить Россію отъ наплыва большевиковъ — въ то время ихъ называли «пораженцами» — техническія затрудненія были такъ многообразны, что дѣло водворенія политическихъ эмигрантовъ можно безъ преувеличенія причислить къ сложнѣйшимъ задачамъ, съ которыми пришлось справиться посольству въ Лондонѣ послѣ революціи.

На первыхъ же порахъ мнѣ лично довелось встрѣтиться, при ихъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, съ вожаками русскаго освободительнаго движенія, впослѣдствіи игравшими видную роль въ Россіи. Кажется, единственнымъ изъ этихъ людей, не прибѣгнувшимъ къ содѣйствію посольства, не преодолѣвшимъ десятилѣтіями изгнанничества впитанной ненависти къ оффиціальнымъ представителямъ Россіи, былъ князь Крапоткинъ. Вопросомъ о возвращеніи въ Россію нѣкоторыхъ русскихъ эми-

грантовъ заинтересовался Ллойдъ Джорджъ. Однажды ко мнѣ явился одинъ изъ его личныхъ секретарей и, предъявивъ мнѣ списокъ 16-и русскихъ эмигрантовъ, просилъ меня оказать имъ содѣйствіе, причемъ завѣрилъ, что премьеръ министръ съ своей стороны «приметъ всѣ зависящія мѣры». Въ спискѣ этомъ были Б. В. Савинковъ, Н. Д. Авксентьевъ и Левъ Дейчъ съ женою. На другое утро Дейчъ пришелъ ко мнѣ, чтобы просить меня непремѣнно отправить его на одномъ пароходѣ съ его женою. Уже въ то время гораздо труднѣе было получать мѣста для женщинъ и дѣтей, рискъ за жизнь которыхъ англійское адмиралтейство неохотно принимало. Мнѣ особенно памятна эта первая встрѣча съ Дейчемъ. «Скажите», обратился онъ ко мнѣ подъ конецъ нашего разговора, «вы не сынъ ли Д. Н. Набокова, который былъ министромъ юстиціи въ 1877—79 годахъ?» На мой утвердительный отвѣтъ онъ замѣтилъ: «Вашъ отецъ — кстати сказать, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей того времени — самъ меня допрашивалъ, и я былъ сосланъ въ Сибирь. Сорокъ съ лишнимъ лѣтъ я — въ революціонномъ движеніи, четыре раза нелегально бывалъ въ Россіи, бывалъ арестованъ и снова бѣжалъ. Мнѣ очень отрадно, что впервые возвращаюсь въ Россію полноправнымъ гражданиномъ, и что мнѣ въ этомъ способствуетъ сынъ того Набокова, который вмѣсто смертной казни послалъ меня на каторгу. Tempora mutantur».

Савинковъ и Авксентьевъ заходили въ посольство на нѣсколько минутъ, такъ что побесѣдовать съ ними мнѣ не удалось. Съ пребываніемъ этой «группы» эмигрантовъ въ Лондонѣ совпалъ пріѣздъ Виктора Чернова. Мѣста на отходившемъ въ ближайшіе дни пароходѣ были всѣ отданы. Однажды ко мнѣ въ комнату вошелъ мрачнаго вида сѣдой человѣкъ, съ злобнымъ взглядомъ изъ-подлобья, и сталъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ протестовать противъ «безобразія», что ему приходится сидѣть въ Лондонѣ въ ожиданіи парохода. «Къ сожалѣнію», говорю я, «на ближайшемъ пароходѣ свободныхъ мѣстъ нѣтъ». «Для меня мѣсто должно найтись. Я — Черновъ». Признаюсь, что имя это было мнѣ неизвѣстно, и я въ эту минуту не испыталъ ни малѣйшаго «трепета», ибо не зналъ, что предо мною столь важная особа. Чернова это, повидимому, приводило въ бѣшенство, во мнѣ же высокомѣрное самомнѣніе его возбуждало нѣкоторое отвращеніе. Негодованію Чернова не было границъ, когда онъ узналъ, что на томъ самомъ пароходѣ, на который онъ не попалъ, ушли другіе — по его мнѣнію, менѣе нужные Россіи люди. Къ счастью, онъ уѣхалъ нѣсколькими днями позже.

Путемъ почти ежедневныхъ сношеній съ эмигрантской коммиссіей — причемъ сношенія эти, благодаря, главнымъ образомъ, такту и благоразумію О. М. Круглякова, Я. О. Гавронскаго и старика Зунделевича — носили вполнѣ дружествен-

ный характеръ, изрѣдка нарушаемый непреодолимой ненавистью Чичерина ко всему составу посольства — удалось кое-какъ наладить очередь въ отправленіи эмигрантовъ. Для этого пришлось, между прочимъ, вести по телеграфу упорную борьбу съ эмигрантскими комитетами, создавшимися въ Парижѣ, Римѣ и Бернѣ. Комитеты эти стремились «сбывать» въ Лондонъ возможно большее количество людей, желавшихъ вернуться въ Россію, возлагая на насъ заботу о ихъ дальнѣйшемъ путешествіи и пребываніи въ Лондонѣ. Мы сообщали, что Лондонъ и безъ того переполненъ, что средствъ на содержаніе эмигрантовъ у насъ мало. Намъ отвѣчали, что «если Англія не поможетъ» — эмигрантамъ не будетъ другого выхода, какъ послѣдовать примѣру Ленина и проѣхать въ Россію черезъ Германію. Несмотря на то,что эмигрантская комиссія взяла на себя задачу быть посредникомъ между эмигрантами и посольствомъ — появленіе въ послѣднемъ партій въ 15—20 человѣкъ негодующихъ нашихъ согражданъ стало вскорѣ обычнымъ явленіемъ. Никакіе аргументы не дѣйствовали. Большинство этихъ людей считали аксіомой, что «революціонное» правительство обязано содержать ихъ на казенный счетъ.

Съ трудностями техническими, повторяю, удавалось все же кое-какъ справляться. Но черезъ нѣкоторое время положеніе осложнилось и обострилось до крайности, когда стало обнаруживаться, что въ эмигрантской комиссіи преобладаютъ

большевистскія теченія, и что Чичеринъ, Литвиновъ и другіе усиленно «проталкиваютъ» въ Россію именно большевиковъ. Къ тому же, комиссія самостоятельно распоряжалась суммами, ассигновываемыми правительствомъ на водвореніе эмигрантовъ. При слабой поддержкѣ, даваемой посольству правительствомъ, я не имѣлъ возможности добиться контроля надъ расходованіемъ этихъ ассигнованій, хотя до меня доходили слухи о неумѣломъ веденіи дѣла и чрезвычайной щедрости, съ которою надѣлялись деньгами нѣкоторые эмигранты. . . въ зависимости отъ симпатій Чичерина.

Какъ извѣстно, въ самомъ началѣ революціи Временное правительство оказалось не въ силахъ выдержать натискъ соврабдепа въ вопросѣ о допущеніи въ Россію всѣхъ эмигрантовъ безъ различія политическихъ партій. Мнѣ неизвѣстна въ точности обстановка, при которой Ленинъ, проѣхавъ черезъ Германію, оказался въ Петроградѣ. Хотя Англійское правительство, разумѣется, въ это время не могло себѣ представить той роли, которую сыгралъ затѣмъ Ленинъ — я утверждаю, на основаніи разговоровъ на эту тему съ англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что фактъ допущенія Ленина въ Россію черезъ Германію и послѣдующаго безвольнаго попустительства его пропагандѣ — непоправимо подорвалъ престижъ Временнаго правительства. По телеграфу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ посольству дана была инструкція просить объ освобожденіи отъ ареста

(въ Галифаксѣ) и пропускѣ въ Россію Троцкаго. Зная Троцкаго по его дѣятельности въ Америкѣ, Англійское правительство недоумѣвало: «Что это — злая воля, или слѣпота?» Англичане пожимали плечами, понимали опасность, предупреждали насъ.

Дѣло, наконецъ, приняло настолько серьезный оборотъ, что я счелъ нужнымъ вполнѣ опредѣленно заявить русскому министерству иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: «Нужно принять мѣры къ тому, чтобы остановить наплывъ большевиковъ въ Россію. Если вы будете продолжать водворять на родину всѣхъ безъ разбора — вы этимъ самымъ подрубите тонкій сукъ, на которомъ сидите». Таковъ былъ смыслъ моихъ словъ. Министерство какъ будто соглашалось съ моими доводами, но на дѣлѣ происходило все то же самое. Къ этому времени относится разрывъ между докторомъ Я. О. Гавронскимъ и эмигрантской комиссіей, вызванный тѣмъ, что Гавронскій понималъ опасность массоваго проникновенія большевистскихъ агитаторовъ въ Россію и боролся съ Чичеринымъ. Вскорѣ Гавронскій выѣхалъ въ Россію, откуда вернулся уже «комиссаромъ» по эмиграціи — но пробылъ въ этомъ званіи недолго, ибо послѣдовалъ большевистскій переворотъ.

Чичеринъ, при частыхъ посѣщеніяхъ посольства и въ своихъ «бумагахъ», которыми онъ бомбардировалъ насъ ежедневно (думаю, что онъ страдалъ графоманіей) — держался крайне вызывающаго

тона. Требовалъ, чтобы я передавалъ шифромъ въ Петроградъ его телеграммы Керенскому, Вѣрѣ Фигнеръ, Чхеидзе, Церетели и такъ далѣе не только по вопросу о водвореніи эмигрантовъ, но и по политическимъ вопросамъ. Мнѣ пришлось вести упорную борьбу противъ этого стремленія не только вторгаться въ область политики, но «диктовать» ее, — со стороны безотвѣтственныхъ и враждебныхъ Англіи и «антантѣ» большевистствующихъ круговъ русской эмиграціи. Это была настоящая страда. Я чувствовалъ — при Терещенко еще яснѣе, чѣмъ при Милюковѣ — что правительство находится въ плѣну у совдепа. Я мечталъ о томъ, что между мною и руководителями министерства иностранныхъ дѣлъ установится настоящій, живой контактъ. Вмѣсто этого — кромѣ отмалчиваній, увертокъ и скрытыхъ признаній безпомощности — я ничего не получалъ. Чѣмъ двусмысленнѣе и трусливѣе отвѣты изъ Петрограда — тѣмъ наглѣе становились Чичеринъ и его соумышленники.

Англійское правительство зорко слѣдило за дѣятельностью эмигрантской комиссіи, и чѣмъ яснѣе обнаруживалось направленіе ея усилій въ сторону, опасную для Россіи и державъ Согласія, тѣмъ съ большею осторожностью давались разрѣшенія на проѣздъ въ Россію. А это въ свою очередь обостряло отношенія между посольствомъ и эмигрантами. Посольство, разумѣется, не могло не сочувствовать взглядамъ правительства. Въ началѣ

осени арестованъ былъ Чичеринъ. Когда онъ получилъ предупрежденіе отъ полиціи о предстоящемъ арестѣ, ко мнѣ явилась депутація отъ эмигрантской комиссіи съ цѣлью просить меня добиться его освобожденія отъ ареста. Насколько я помню, заступниками за Чичерина были старикъ Зунделевичъ, нѣкто Іозефъ и Литвиновъ. Я отвѣтилъ депутаціи, что у правительства имѣются, очевидно, къ аресту Чичерина основанія такого рода, оспаривать которыя для меня является невозможнымъ. Обѣщалъ добиться двухъ-недѣльной отсрочки и постарался убѣдить своихъ собесѣдниковъ, что наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса былъ бы добровольный отъѣздъ Чичерина въ Россію. Не допуская въ то время и мысли о томъ, чтобы этотъ озлобленный графоманъ могъ «играть роль» въ Россіи, и считая, что тамъ онъ былъ бы менѣе зловреденъ, чѣмъ въ Лондонѣ — я желалъ этого исхода. Двухъ-недѣльную отсрочку ареста Чичеринъ, по моей просьбѣ, получилъ, но категорически отказался ѣхать въ Россію. На письмо къ нему А. М. Ону, нашего генеральнаго консула въ Лондонѣ, онъ изъ тюрьмы отвѣтилъ отказомъ ѣхать въ Россію; въ этомъ письмѣ, какъ мнѣ передавалъ Ону, заключалась, между прочимъ, фраза: «Я не вижу разницы между Александрой Федоровной и Александромъ Федоровичемъ». Изъ этой цинической и отвратительной игры словъ было ясно, что Чичеринъ опредѣленно мечталъ о низверженіи Временнаго правительства, того самаго Керенска-

го, котораго прежде возводилъ въ герои, и о захватѣ власти Ленинымъ.

Послѣ ареста Чичерина — мѣсто его въ эмигрантской комиссіи занялъ Литвиновъ — Финкельштейнъ. Этотъ послѣдній былъ также признанъ «нежелательнымъ» (undesirable), и генеральное консульство наше получило довѣрительное сообщеніе лондонской полиціи, что Литвиновъ подлежитъ высылкѣ изъ Англіи. Правительство только тогда приняло рѣшеніе арестовать Чичерина, когда получило неопровержимыя и документальныя данныя объ его агитаціи среди рабочихъ. Несмотря на то, что Временное правительство сочло нужнымъ «требовать объясненій» по поводу этого ареста — я весьма категорически далъ понять въ Петроградѣ, что заступничество за Чичерина считаю совершенно невозможнымъ. Нельзя было представителю дружественной державы отстаивать человѣка, вся дѣятельность котораго была вдохновляема ненавистью къ Англіи и «пораженчествомъ». Литвиновъ, разумѣется, былъ того же поля ягода. Къ величайшему сожалѣнію, я имѣлъ неосторожность оставить въ рукахъ одного изъ чиновниковъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ письмо начальника лондонской полиціи къ нашему вице-консулу, извѣщавшее о рѣшеніи выселить Литвинова. Документъ этотъ представлялъ нѣкоторый интересъ — ибо черезъ примѣрно 4—5 дней послѣдовало назначеніе Литвинова «посломъ» въ Лондонъ. . . . и Англійское правительство, уже по-

лучившее норвежскую визу для Литвинова и мѣсто на пароходѣ, разрѣшило этому «нежелательному» господину остаться въ Лондонѣ.

Врядъ ли подлежитъ спору, что огромное большинство руководителей большевистскаго движенія проникло въ Россію изъ Германіи, изъ нейтральныхъ и союзныхъ странъ, благодаря попустительству Временнаго правительства, которое такимъ образомъ само способствовало разложенію Россіи. Другой вопросъ — была ли у Временнаго правительства дѣйствительная возможность помѣшать введенію этого яда въ государственный организмъ Россіи. Возникшее въ первые дни революціи и затѣмъ все усиливавшееся давленіе соврабдепа на правительство въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, было непреодолимо и сыграло свою фатальную роль. Не будь нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ — быть можетъ, натискъ большевизма обнаружился бы еще быстрѣе. Впрочемъ, нѣмцы были, разумѣется, прекрасно освѣдомлены о томъ, какого сорта пассажиры переходятъ Сѣверное море подъ конвоемъ англійскихъ миноносцевъ, и пароходы эти рѣдко, весьма рѣдко подвергались опасности.

Временное правительство проявило по отношенію къ эмигрантамъ большую щедрость. Не имѣя подъ рукой отчетности посольства за 1917 годъ, не могу назвать точной цифры средствъ, отпущенныхъ на эмигрантовъ. Но цифра эта, несомнѣнно, была не ниже 3—4 милліоновъ. Помню, что за нѣ-

сколько недѣль до большевистскаго переворота посольство получило 50.000 фунтовъ стерлинговъ на нужды эмигрантовъ, и эта сумма была затѣмъ цѣликомъ конфискована Англійскимъ правительствомъ вмѣстѣ съ прочими суммами, находившимися на текущемъ счету посольства и другихъ русскихъ правительственныхъ учрежденій въ лондонскихъ банкахъ. Между тѣмъ, къ октябрю мѣсяцу 1917 г. большинство русскихъ политическихъ эмигрантовъ уже возвратились въ Россію. Изъ этого можно заключить, что правительство не жалѣло средствъ на содержаніе и водвореніе эмигрантовъ.

Попутно небезынтересно упомянуть, что въ результатѣ большевистскаго вторженія въ Ригу, откуда англичане вывезли около 400 человѣкъ бѣженцевъ, а также послѣ дружескихъ услугъ, оказанныхъ Франціей Россіи на южномъ берегу Крыма и въ Одессѣ — въ періодъ времени отъ марта до сентября 1919 года въ Лондонѣ скопилось нѣсколько сотъ «контръ-эмигрантовъ», если можно такъ выразиться, то есть бездомныхъ и разоренныхъ русскихъ, бѣжавшихъ отъ большевиковъ. На неоднократно возбуждаемыя мною ходатайства объ освобожденіи отъ запрета вышеупомянутой суммы въ 50.000 фунтовъ стерлинговъ, имѣвшей особое назначеніе — помощи русскимъ гражданамъ — Англійское правительство отвѣтило отказомъ.

Отношеніе къ посольству русскихъ круговъ въ Лондонѣ, не принадлежавшихъ къ бюрократіи, бы-

ло различное въ зависимости отъ степени ихъ предубѣжденности противъ «чиновниковъ стараго режима». Никакія усилія членовъ посольства оказывать всѣмъ русскимъ людямъ всю зависящую отъ посольства помощь, вниманіе и содѣйствіе — не могли преодолѣть антипатіи и недовѣрія такихъ людей, какъ Чичеринъ, людей, у которыхъ уже тогда вполнѣ опредѣлилась психологія: «ôte-toi pour que je m'y mette». Къ счастью, однако, большинство русскихъ не отличалось такою непримиримостью, какъ этотъ отталкивающій образецъ вырожденія. Случаи, въ которыхъ приходилось проявлять крайнюю сдержанность и самообладаніе при столкновеніяхъ съ заносчивостью и грубостью отдѣльныхъ лицъ, зараженныхъ маніей скороспѣлаго величія — были единичными и рѣдкими.

Мнѣ удалось, поэтому, завязать личныя пріятельскія — а съ нѣкоторыми и задушевно дружескія — отношенія съ людьми, принадлежавшими къ эмигрантскимъ кругамъ, сочувствіе и поддержка которыхъ были для меня впослѣдствіи, въ тяжелый періодъ большевистскаго режима — большимъ и цѣннымъ нравственнымъ подспорьемъ.

ГЛАВА VI.

При старомъ режимѣ дѣло освѣдомленія русскихъ заграничныхъ установленій о ходѣ внутренно-политическихъ событій было въ полномъ загонѣ. Предполагалось, что послы, посланники и секретари читаютъ русскія газеты, изъ нихъ черпаютъ достаточныя данныя для сужденія о положеніи дѣлъ въ Россіи, и въ этомъ сужденіи, разумѣется, вдохновляются преимущественно оцѣнкою событій, дѣлаемою «Новымъ Временемъ». Въ послѣдніе мѣсяцы, предшествовавшіе революціи, объ освѣдомленіи насъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ не могло быть и рѣчи. Графъ Бенкендорфъ получалъ изрѣдка частныя письма отъ своихъ друзей въ Петроградѣ, но не очень щедро дѣлился съ нами этими извѣстіями. Только отъ случайныхъ путешественниковъ изъ Россіи узнавали мы петроградскія новости. Помню, что мы въ теченіе нѣсколькихъ дней не могли удовлетворить любознательности газетныхъ корреспондентовъ, интересовавшихся тѣмъ, кто такой новый премьеръ — князь Голицынъ,x) ибо мы не знали, который изъ князей Голицыныхъ назначенъ предсѣдателемъ

x) Николай Дмитриевич, расстрелян ВЧК в 1925 г. вместе с 40 другими (?) [illegible]

Совѣта министровъ. По вступленіи въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Милюкова у меня явилась надежда, что эта отрасль дѣятельности министерства — освѣдомленіе русскихъ представителей заграницею — будетъ поставлена на правильную почву. Я неоднократно указывалъ сперва Милюкову, а потомъ Терещенко — въ своихъ телеграммахъ и путемъ личныхъ обращеній черезъ ѣхавшихъ въ Россію друзей — на необходимость точно, подробно и своевременно освѣдомлять насъ. Къ сожалѣнію, надежда моя не сбылась. О томъ, что происходило въ Россіи и въ частности въ Петроградѣ, несмотря на мои повторныя просьбы, мы узнавали только изъ газетъ и отъ случайныхъ проѣзжихъ русскихъ, но не отъ министра. Несмотря на то, что П. Н. Милюкова я зналъ давно, и на дружескія его связи съ моимъ братомъ — онъ ни разу не обратился ко мнѣ съ личною телеграммой, какъ то было въ обычаѣ у прежнихъ министровъ по отношенію къ посламъ, которымъ они довѣряли, какъ личнымъ друзьямъ. Ни одного письма я отъ министра не получилъ. Тѣснаго контакта, откровеннаго обмѣна мыслей, такимъ образомъ, не установилось. Съ назначеніемъ Терещенко я вновь возобновилъ свои просьбы объ освѣдомленіи. Передачею этихъ телеграфныхъ просьбъ въ Парижъ я побудилъ своего парижскаго коллегу присоединить свой голосъ къ моему, и министерствомъ сдѣлана была попытка наладить правильное освѣдомленіе. Но, увы, теле-

граммы эти, съ одной стороны, были не всегда согласны съ истиной, представляли дѣло въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ дѣйствительность; съ другой стороны, извѣстія запаздывали. Яркимъ примѣромъ этого опозданія можетъ служить слѣдующій фактъ: на другой день послѣ опубликованія въ лондонскихъ газетахъ подробнаго разсказа о выступленіи генерала Корнилова и объявленія его «измѣнникомъ», ареста его и ликвидаціи всего этого трагическаго эпизода — мы получили телеграмму, относившуюся къ кануну начала всей эпопеи и гласившую: «Отношенія между правительствомъ и верховнымъ командованіемъ налаживаются въ благопріятномъ направленіи . . .» Не помню точныхъ словъ, но таковъ былъ смыслъ телеграммы.

Освѣдомительныя телеграммы эти я прозвалъ «валеріановыми каплями»: ихъ составленіе поручено было Валеріану Николаевичу Муравьеву, талантливому юношѣ, унаслѣдовавшему отъ отца талантъ краснорѣчиваго стиля, но силою вещей поставленному въ необходимость говорить намъ только успокоительную полу-правду. Признаюсь, что по прошествіи нѣкотораго времени я пересталъ даже читать эти «валеріановыя капли» и интересовался ими только тогда, когда секретари посольства обращали на нихъ мое вниманіе. Для освѣдомленія англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и печати эти телеграммы только въ рѣдкихъ случаяхъ были пригодны, такъ какъ донесенія по-

сла министру иностранныхъ дѣлъ и газетныя корреспонденціи были полнѣе и правдивѣе.

Такимъ образомъ, для того, чтобы составить себѣ понятіе о внутреннемъ положеніи Россіи и въ частности о степени авторитета и силы Временнаго правительства — приходилось руководствоваться сообщеніями изъ англійскихъ оффиціальныхъ источниковъ — поскольку министерство иностранныхъ дѣлъ этими сообщеніями желало со мною дѣлиться, русскими и англійскими газетными телеграммами и корреспонденціями. Ясно само собою, насколько такая обстановка затрудняла задачу русскаго представительства, лишая его возможности аргументировать во всеоружіи полнаго и достовѣрнаго освѣдомленія. Было, фактически, не легче, чѣмъ при Штюрмерѣ.

Отношеніе Великобританскаго правительства къ Русскому Временному правительству за 8 мѣсяцевъ его существованія можетъ быть подраздѣлено, въ общемъ, на три послѣдовательныхъ фазиса: 1) благожелательнаго наблюденія, 2) недовѣрія, окрашеннаго досадой, и 3) полнаго разочарованія и раздраженія. Въ дальнѣйшемъ я буду разумѣть главнымъ образомъ отношеніе министерства иностранныхъ дѣлъ и его руководителей. Отдѣльныя экскурсіи Ллойдъ Джорджа въ область иностранной политики и въ частности его вліяніе на отношенія съ Россіей были въ то время «эпизодическими» и мало, въ концѣ концовъ, вліяли на ходъ событій.

Въ теченіе марта и апрѣля министерство иностранныхъ дѣлъ «приглядывалось» къ новому режиму. За это время произошли на театрѣ военныхъ дѣйствій нѣкоторыя событія, создавшія оптимистическое настроеніе. На западномъ фронтѣ произошло «стратегическое отступленіе» Гинденбурга. Взятіе англичанами Багдада смыло позоръ сдачи Кута. Но самымъ крупнымъ событіемъ было вступленіе въ войну на сторонѣ союзниковъ — Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Лично я глубоко убѣжденъ, — и убѣжденіе это основано на личномъ знакомствѣ съ психологіей американцевъ, — что паденіе монархическаго режима въ Россіи послужило главнымъ доказательствомъ, въ глазахъ американцевъ, того, что Европа, въ самомъ дѣлѣ, борется за идеалы свободной демократіи. Американцамъ претила мысль о союзѣ съ русской монархіей, ибо она въ ихъ глазахъ была такимъ же символомъ милитаризма и тираніи, какъ Германская имперія. Присоединеніе Америки къ странамъ Согласія, само собою разумѣется, значительно облегчало матеріальное бремя, несомое Англіей, и вызвало въ англійскихъ правящихъ сферахъ и общественномъ мнѣніи соотвѣтственный подъемъ духа. Къ сожалѣнію — говоря мимоходомъ — Временное правительство проявило плачевную близорукость, не использовавъ этого момента для установленія тѣснаго общенія не только съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, но и со страною въ самомъ широкомъ

смыслѣ слова. Возможности тутъ представлялись необъятныя. Мы могли въ этотъ моментъ навсегда закрѣпить за собою симпатіи американскаго народа, если бы начата и организована была соотвѣтствующая пропаганда. Временное правительство не сдѣлало ничего — кромѣ замѣны одного Бахметева другимъ на посту посла. Ушедшій въ отставку Ю. П. Бахметевъ — ярый монархистъ, ненавистникъ Милюкова, умный циникъ, на вопросъ о томъ, находится ли онъ въ родствѣ съ новымъ посломъ, своимъ однофамильцемъ, отвѣтилъ: «между нами приблизительно такое же родство, какъ между Георгомъ Вашингтономъ и Букеромъ Вашингтономъ» (негромъ).

Итакъ, англійское правительство «приглядывалось». Въ силу свойственнаго руководителямъ министерства иностранныхъ дѣлъ политическаго міросозерцанія, они симпатизировали всему тому, что указывало на стремленіе Временнаго правительства, и въ частности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ — не производить коренной ломки тѣхъ основъ государственнаго строя, которыя нуждались лишь въ приспособленіи къ новому демократическому режиму. Иными словами, они надѣялись, что кадетская партія останется у власти и всякое проявленіе уступчивости кадетскихъ лидеровъ болѣе крайнимъ элементамъ вызывало досаду и страхъ. Съ уходомъ Милюкова и началомъ премьерства Керенскаго, фактически закончился

первый изъ указанныхъ выше фазисовъ — благожелательнаго наблюденія и ожиданія.

Хотя, насколько мнѣ извѣстно, сэръ Джорджъ Бюкананъ въ своихъ донесеніяхъ отзывался очень лестно о М. И. Терещенко, — я не могъ не замѣчать, что авторитетъ и вѣсъ его въ глазахъ англичанъ — англійскихъ сановниковъ, которымъ я дѣлалъ «представленія» отъ его имени — значительно ниже тѣхъ, которыми пользовался въ ихъ глазахъ Милюковъ. Оборотъ, который начали принимать событія въ Россіи — казался правительству и общественному мнѣнію опаснымъ и внушающимъ сомнѣніе въ томъ, что Россія «устоитъ». Донесенія англійскихъ военныхъ представителей были проникнуты глубокимъ пессимизмомъ. Расправы Керенскаго съ русскими генералами, которыхъ онъ перетировалъ съ пренебреженіемъ, постоянно перемѣщалъ съ одного командованія на другое, введеніе въ арміи комитетовъ, систематическое уничтоженіе дисциплины — давали представителямъ союзныхъ армій полное основаніе опасаться распада арміи. Военнымъ агентомъ (англійскимъ) былъ въ то время полковникъ Ноксъ. Прекрасно владѣя языкомъ, этотъ спокойный, энергичный и исключительно хорошо освѣдомленный офицеръ пользовался глубокимъ и заслуженнымъ уваженіемъ лучшихъ людей въ нашей арміи. Онъ говорилъ людямъ правду въ глаза безъ малѣйшихъ прикрасъ; рѣзко осуждалъ оппортунизмъ и недобросовѣстность тамъ, гдѣ замѣчалъ ихъ. Импони-

ровалъ своими знаніями — а въ малодушныхъ и карьеристахъ вызывалъ ненависть. Ноксъ не любилъ Россію отвлеченно. Но отдавалъ должное русскому солдату и талантливымъ военачальникамъ. Впослѣдствіи Ноксъ навлекъ на себя граничащую съ ненавистью антипатію русскаго офицерства за высокомѣрное и презрительное отношеніе въ бытность его военнымъ представителемъ Англіи при ставкѣ адмирала Колчака. Я, лично зная Нокса, увѣренъ, что эта антипатія имъ не заслужена. Ноксъ — типичный сухой англичанинъ, подлинный душевный обликъ котораго, за этой сухой оболочкой, непонятенъ, а потому и антипатиченъ русскому человѣку. Какъ бы то ни было, Ноксъ правдиво доносилъ уже въ маѣ 1917 года въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было не видѣть, какимъ быстрымъ темпомъ шло нарастаніе политическаго преобладанія совраздепа надъ правительствомъ въ Петроградѣ.

Не только изъ русскихъ круговъ, близкихъ къ Временному правительству, но также и отъ англійскихъ радикаловъ — въ частности отъ тогдашняго члена палаты Рамзая Макдональда — мнѣ приходилось слышать упрекъ въ томъ, что Англійское правительство не оказало Временному правительству достаточно сильной поддержки. Упрекъ этотъ по совѣсти слѣдуетъ признать неосновательнымъ.

Къ серединѣ 1916 года относится начало коренного заблужденія въ русскомъ общественномъ

мнѣніи касательно размѣровъ содѣйствія другимъ союзникамъ, на которые способна была Англія. Иными словами — отказъ Англіи отъ выполненія нѣкоторыхъ предъявляемыхъ къ ней Русскимъ правительствомъ притязаній въ области военной и финансовой помощи — неизмѣнно толковался, какъ нежеланіе помочь. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ было не нежеланіе, а невозможность или, по меньшей мѣрѣ, такая затрудненность, что помощь, сопряженная съ рискомъ, для англичанъ казалась угрозою ихъ собственнымъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе, Англія продолжала посылать въ Россію боевое снабженіе — всѣмъ извѣстно, какихъ огромныхъ размѣровъ достигло это снабженіе ко времени паденія Временнаго правительства. Въ области же поддержки политической дѣло, очевидно, обстояло нѣсколько иначе. Авторитетъ Временнаго правительства падалъ. Демагогическіе пріемы Керенскаго — не говоря уже о допущеніи въ Россію Ленина — роняли этотъ авторитетъ въ глазахъ англійскихъ государственныхъ людей. Какими же средствами располагали они для того, чтобы поддержать этотъ авторитетъ и власть, вырываемую изъ рукъ Временнаго правительства соврабдепомъ? Какіе были пути воздѣйствія? Сэръ Джорджъ Бюкананъ относился къ Временному правительству въ высшей степени благожелательно и не переставалъ въ самой дружеской и деликатной формѣ указывать ему на его ошибки. Терещенко же не переставалъ высказы-

вать оптимистическіе взгляды и твердилъ, что все обстоитъ благополучно. Такимъ образомъ, все углублялось несоотвѣтствіе между оффиціальными заявленіями русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ великобританскому послу — и фактическимъ положеніемъ, несоотвѣтствіе, которое было вполнѣ ясно для лондонскаго правительства.

Отношенія между государствами, стоящими на одинаковомъ или почти одинаковомъ уровнѣ культуры, опредѣляются правилами и обычаями, освященными исторіей; все, что есть въ этихъ исторически сложившихся нормахъ фальшиваго и по существу вреднаго, настолько, однако, вошло въ привычку, что преступать эти нормы было невозможно. Говорятъ: Англія не поддержала Временнаго правительства. Англія и Россія были союзницами въ общей борьбѣ противъ нѣмцевъ. Временное правительство издало цѣлый рядъ приказовъ, разрушавшихъ дисциплину въ арміи. Временное правительство пустило въ Россію Ленина, Троцкаго и цѣлыя полчища «пораженцевъ». Завѣдомо пустило. Англія, какъ и другія союзныя державы, съ большимъ, чѣмъ онѣ, правомъ, могла сказать Россіи: мы не можемъ помогать вамъ одной рукой создавать то (боевую мощь Россіи) — что вы сами другой рукой разрушаете. Вы пускаете большевистскихъ агитаторовъ въ армію — мы не можемъ давать этой арміи пушки и снаряды, которые она броситъ на произволъ врага. Этого рода ультиматумъ былъ бы на мой взглядъ болѣе чест-

нымъ, чѣмъ постепенное молчаливое разочарованіе и пожиманіе плечъ. Но . . . онъ шелъ бы противъ принятыхъ и освященныхъ традиціей «формъ» невмѣшательства во внутреннія дѣла, и поэтому къ нему никто изъ союзниковъ во-время не прибѣгъ. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа, Ллойдъ Джорджъ смутно сознавалъ, что что-то надо предпринять въ этомъ направленіи — но выполнилъ свою мысль неудачно.

Къ началу іюня 1917 г. относится вторая попытка назначенія Временнымъ правительствомъ посла въ Лондонъ. Въ первыхъ числахъ іюня я получилъ инструкцію испросить согласіе правительства на назначеніе бывшаго товарища предсѣдателя государственной думы барона Александра Феликсовича Мейендорфа. Въ отвѣтъ на сдѣланное мною, при передачѣ письменной ноты, личное сообщеніе министерству иностранныхъ дѣлъ мнѣ было сказано, что отъ сэра Джорджа Бюканана была три дня тому назадъ получена по этому поводу телеграмма, и что король уже изъявилъ согласіе. Снова, такимъ образомъ русскій повѣренный въ дѣлахъ оказался неосвѣдомленнымъ во-время о дѣйствіяхъ своего правительства. Къ барону А. Ф. Мейендорфу, котораго я зналъ еще съ университетской скамьи, я питалъ чувство искренняго уваженія; но въ то же время не могъ не счесть этого назначенія несуразнымъ, такъ какъ не имѣлъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сближеніе съ Англіей противно политическому міросозерцанію Мейендорфа. Въ

это время въ Лондонѣ проѣздомъ былъ одинъ видный русскій дипломатъ. Въ качествѣ бывшаго коллеги лорда Хардинга, онъ посѣтилъ его въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Разговоръ коснулся назначенія барона Мейендорфа, и русскій дипломатъ совершенно опредѣленно далъ понять лорду Хардингу, что баронъ Мейендорфъ «въ качествѣ благороднѣйшаго джентельмэна не сможетъ отрѣшиться въ своей дѣятельности отъ своихъ принциповъ и взглядовъ, противныхъ идеѣ англо-русскаго сближенія». Мнѣ неизвѣстна непосредственная причина, помѣшавшая пріѣзду барона Мейендорфа въ Лондонъ. Слухи въ то время ходили противорѣчивые. Одни говорили, что Мейендорфъ самъ отказался, другіе — что совраб-депъ не пустилъ, третьи — что назначеніе никогда не состоялось. Снова, стало быть, «кустарная государственность»! Инцидентъ этотъ, разумѣется, не способствовалъ укрѣпленію престижа Русскаго правительства въ глазахъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ — а съ другой стороны — не облегчилъ моей задачи, ибо усугубилъ впечатлѣніе, что мое управленіе посольствомъ есть «un pis-aller», подлежащій возможно скорѣйшему устраненію.

Надвигался второй изъ упомянутыхъ выше фазисовъ въ отношеніи Англійскаго правительства къ Русскому, фазисъ «недовѣрія, окрашеннаго досадою». На русскомъ фронтѣ уже началось «братаніе» съ нѣмцами. Донесенія англійскихъ офи-

церовъ изъ ставки были соотвѣтственно мрачными. Яркой иллюстраціей крутого поворота въ отношеніи къ Временному правительству служитъ слѣдующій эпизодъ.

Въ концѣ іюля въ Лондонѣ должна была собраться междусоюзническая конференція. Собранія эти имѣли мѣсто періодически, примѣрно разъ въ 2 мѣсяца, когда назрѣвали въ связи съ ходомъ войны вопросы, требовавшіе для успѣшнаго разрѣшенія полной солидарности между державами Согласія въ лицѣ главъ правительствъ и главнокомандующихъ. За два дня до срока, назначеннаго для перваго засѣданія, въ Лондонъ прибыли французскіе министры, во главѣ съ тогдашнимъ премьеромъ Рибо. Встрѣтивъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ (посолъ г. Камбонъ былъ въ кратковременномъ отпуску), я узналъ отъ него о пріѣздѣ Рибо, причемъ мой коллега выразилъ крайнее удивленіе по поводу того, что я не получилъ приглашенія принять участіе въ конференціи, и прибавилъ, что сообщитъ объ этомъ Рибо. Прошелъ день, и настало утро, въ которое должно было состояться первое засѣданіе конференціи. Получивъ тѣмъ временемъ изъ Петрограда инструкціи по текущимъ дѣламъ, вынуждавшія меня имѣть личное свиданіе съ Бальфуромъ (дѣло касалось, насколько я помню, оказанія англичанами содѣйствія нашимъ войскамъ въ Малой Азіи) — я позвонилъ по телефону около 11½ час. утра одному изъ секретарей Бальфура, прося о свиданіи съ ми-

нистромъ. Послѣдовалъ отвѣтъ: «Сегодня въ 12 час. начинается междусоюзническая конференція, г. Бальфуръ будетъ очень занятъ и потому не можетъ васъ принять раньше, какъ черезъ 4 дня». «Благодарю васъ», сказалъ я, «за интересное сообщеніе о созывѣ междусоюзнической конференціи, о которой представитель Россіи слышитъ отъ васъ впервые». Примѣрно черезъ 20 минутъ послѣдовалъ звонокъ по телефону, и мнѣ передано было приглашеніе прибыть на междусоюзническую конференцію! Такимъ образомъ я еле-еле успѣлъ, не переодѣваясь въ надлежаще торжественную «визитку» и цилиндръ, добраться во-время до Downing Street. — Конференція собиралась въ домѣ главы кабинета. Тамъ я засталъ всѣхъ въ сборѣ. Вдоль одной стороны длиннаго стола разсѣлись всѣ члены англійскаго кабинета: Ллойдъ Джорджъ, Бальфуръ, лордъ Керзонъ, лордъ Мильнеръ, сэръ Эдуардъ Карсонъ, Бонаръ Лоу, Хендерсонъ, генералъ Робертсонъ, посолъ въ Парижѣ лордъ Барти. Противъ нихъ заняли мѣста французскіе министры: Рибо, Пэнлэве, Альбертъ Тома́, генералъ Фошъ (впослѣдствіи главнокомандующій) и другіе. Итальянскій министръ Соннино, посолъ маркизъ Имперіали и другіе заняли мѣста вдоль узкой части стола; напротивъ нихъ, въ другомъ концѣ комнаты, сидѣли переводчики. Для меня мѣста не оказалось, такъ что пришлось придвинуть кресло къ углу стола — между французами. Занявъ предсѣдательское мѣсто по серединѣ

(имѣя противъ себя Рибо), Ллойдъ Джордъ открылъ засѣданіе слѣдующими словами: «Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопросовъ, стоящихъ на повѣсткѣ, считаю долгомъ сдѣлать внѣочередное заявленіе. Нами получены телеграммы отъ нашего посла въ Петроградѣ и отъ генерала Нокса, въ которыхъ они рекомендуютъ намъ обратиться отъ имени Союзниковъ къ Русскому правительству съ рѣшительнымъ («strong») протестомъ противъ усиливающихся въ Россіи анархіи и разложенія. Я хотѣлъ бы знать, что думаетъ объ этомъ французскій кабинетъ». Слова Ллойдъ Джорджа были переведены на французскій языкъ. (На засѣданіяхъ междусоюзническихъ конференцій принято было, что рѣчи, произносимыя по англійски, переводились на французскій языкъ и vice versa. Соннино говорилъ по англійски). Старикъ Рибо, пожимая плечами, заявилъ, что сомнѣвается въ практической цѣлесообразности исполненія совѣтовъ сэра Джорджа Бюканана и генерала Нокса. Затѣмъ попросилъ слова Альбертъ Тома́. Волнуясь, онъ съ большой горячностью высказалъ, что такого рода выступленіе со стороны Союзниковъ не только не приведетъ къ желаемому результату, но произведетъ на Русское правительство самое отрицательное впечатлѣніе. Онъ очень удивляется тому, что предложеніе подобнаго рода исходитъ отъ сэра Джорджа Бюканана, такъ хорошо знакомаго съ обстановкою въ Петроградѣ. Баронъ Соннино на обращенный къ нему вопросъ

Ллойдъ Джорджа отвѣтилъ сдержанно, присоединившись къ мнѣнію Рибо. Тогда Ллойдъ Джорджъ обратился ко мнѣ: «Я желалъ бы знать, что думаетъ русскій повѣренный въ дѣлахъ»? «Я думаю», отвѣчалъ я по англійски, «что цѣль настоящаго засѣданія — дружеское обсужденіе Союзниками мѣръ къ успѣшному продолженію войны». Въ это время Бальфуръ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола, вслухъ замѣтилъ: «He ought to speak french» (ему слѣдовало бы говорить по-французски). «Простите», — прервалъ я себя — «рѣчь моя, если бы я ее произнесъ по французски, все равно была бы переведена на англійскій языкъ. Я изъясняюсь свободнѣе по англійски, чѣмъ по французски, поэтому прошу разрѣшенія продолжать, какъ началъ». Ллойдъ Джорджъ кивнулъ головой, Бальфуръ улыбнулся, и я продолжалъ: «Прошу васъ вѣрить, что я говорю отъ имени Россіи и Русскаго правительства, и что тѣ мысли, которыя я выскажу, служатъ отраженіемъ мыслей Русскаго правительства. Признаюсь, что меня покоробило («I was taken aback»), когда изъ устъ англійскаго премьера раздалось слово «протестъ». Позволяю себѣ спросить г-на Ллойдъ Джорджа: противъ чего онъ протестуетъ? Въ то время, когда правительство замѣняетъ генерала Брусилова на посту главнокомандующаго самымъ талантливымъ, самымъ блестящимъ и популярнымъ генераломъ — Корниловымъ (— перемѣна только что произошла) — въ то время какъ группа людей,

не имѣющихъ опыта въ управленіи огромной страной, истомленной огромными потерями на войнѣ, революціонной лихорадкой и полнымъ разрушеніемъ экономической жизни — дѣлаютъ сверхъчеловѣческія усилія, чтобы удержать войска на фронтѣ и противостоять натиску крайнихъ лѣвыхъ партій, — вы обращаетесь къ нимъ съ протестомъ. Какъ, думаете вы, будетъ истолкованъ такой протестъ? Какъ актъ дружелюбія? Да, по случаю созыва междусоюзнической конференціи крайне желательно коллективное обращеніе къ Русскому правительству, но не съ протестомъ, а со словами симпатіи и поддержки. Ихъ нужно ободрить, а не выговаривать имъ». Ллойдъ Джорджъ на это отвѣтилъ: «Жалѣю, что я выразился слишкомъ рѣзко. Слово «протестъ» было неумѣстно. Если вы, господа, согласны послать телеграмму въ Петроградъ, я предлагаю поручить г. Альберту Тома редакцію этой телеграммы». Предложеніе было принято, и черезъ 2 дня, по окончаніи конференціи, послана была нижеслѣдующая телеграмма:

"Les représentants des gouvernements alliés, réunis à Londres le 7 août, saluent de toute leur sympathie l'ardent effort de réorganisation que poursuivent dans la Russie libre le Gouvernement provisoire et son chef.

Ils constatent avec satisfaction qu'en cette heure tragique, toutes les forces russes se serrent autour du gouvernement pour renforcer son pouvoir et que la volonté populaire, exprimée sous des formes de jour

en jour plus sûres et par une représentation plus complête, proclame très haut la nécessité de la defense nationale.

Ils adressent leurs voeux les plus chaleureux à Monsieur Kerensky et à ses collaborateurs et expriment une firme confiance dans leur autorité croissante et dans le rétablissement d'une stricte discipline, indispensable sans doute à toute armée, mais plus encore aux armées des peuples libres. C'est par la discipline que l'armée russe assurera tout à la fois la liberté populaire, l'honneur de la nation, et la réalisation des buts de guerre communs à tous les alliés."

Въ этомъ посланіи ясно сквозитъ «урокъ», но преподанъ онъ въ дружеской формѣ, исключающей всякую возможность усмотрѣть въ немъ обиду національному самолюбію.

Дальнѣйшее мое участіе въ трехъ засѣданіяхъ конференціи ограничилось лишь нѣкоторыми замѣчаніями, такъ какъ обсуждался вопросъ о переводѣ англійскихъ войскъ (одной или двухъ дивизій) изъ Салоникъ на другіе фронты, и въ частности въ Месопотамію. Изъ нѣсколькихъ заявленій, сдѣланныхъ въ разговорѣ со мною тогдашнимъ начальникомъ англійскаго главнаго штаба генераломъ Робертсономъ было ясно, что онъ уже тогда мало вѣрилъ въ возможность для русской арміи долго сопротивляться растлѣвающему вліянію «комитетовъ», нѣмецкихъ агитаторовъ и большевиковъ.

Признанной цѣлью и задачей междусоюзниче-

скаго совѣщанія было, такимъ образомъ, разрѣшеніе чисто военнаго вопроса о перегруппировкѣ войскъ. Но въ дѣйствительности, можно думать, что Рибо и Соннино пріѣхали въ Лондонъ главнымъ образомъ для того, чтобы совмѣстно съ Ллойдъ Джорджемъ принять рѣшеніе касательно допущенія делегатовъ отъ рабочихъ и соціалистическихъ партій на Стокгольмскую конференцію. Мнѣ извѣстно, что эти три министра — два премьера и Соннино — имѣли продолжительныя совѣщанія внѣ общаго собранія конференціи. Ллойдъ Джорджъ какъ то даже проговорился мнѣ, что не можетъ просить меня участвовать, дабы не поставить меня въ затруднительное положеніе. Слѣдующая глава покажетъ, что онъ былъ правъ.

Характерно, что о приглашеніи на междусоюзническую конференцію, обсуждавшую военные вопросы, русскаго военнаго представителя не было и рѣчи. Генералъ Дессино, бывшій въ то время представителемъ отъ ставки русскаго главнокомандующаго при англійской главной квартирѣ, сильно сѣтовалъ на меня за то, что я не настоялъ на его приглашеніи. Мнѣ стоило не малаго труда убѣдить его, что умолчаніемъ о приглашеніи на конференцію русскаго военнаго представителя я избавилъ его отъ выслушанія далеко не лестныхъ замѣчаній генерала Робертсона.

ГЛАВА VII.

При оцѣнкѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ отказъ правительствъ державъ Согласія въ паспортахъ делегатамъ на Стокгольмскую конференцію, слѣдствіемъ чего была отмѣна конференціи — слѣдуетъ отдать себѣ ясный отчетъ въ общемъ характерѣ международныхъ отношеній въ этотъ моментъ и, въ особенности, положенія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты объявили войну Германіи. Русская армія, хотя и прекратила съ осени 16-года свои наступательныя дѣйствія, все же стояла на фронтѣ. Вооруженіе и снабженіе ея союзниками протекало нормально, и можно было надѣяться, что къ осени 17-го года она будетъ вполнѣ оборудована. Такимъ образомъ, несмотря на успѣхи подводной войны, серьезно подрывавшей боевую силу союзниковъ, надежда на пораженіе германской коалиціи была лучше, чѣмъ когда-либо, обоснована. Этимъ объясняется яростная агитація всѣхъ сторонниковъ, въ государствахъ «Согласія», компромисснаго мира, агитація, несомнѣнно, подогрѣваемая и внушаемая изъ Германіи. Если бы Герма-

нія тогда уже не пришла къ сознанію невозможности, благодаря, съ одной стороны, вступленію Америки, а съ другой — ослабленію, почти параличу Австріи и Турціи — одержать рѣшительную побѣду — врядъ ли агитація въ пользу созыва соціалистической конференціи исходила бы изъ Германіи.

Это убѣжденіе легло въ основу моихъ дѣйствій въ вопросѣ о Стокгольмской конференціи; дѣйствій, въ которыхъ я руководился двоякими мотивами. Прежде всего, разумѣется, интересами Россіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, а затѣмъ сохраненіемъ за Россіей положенія равноправнаго и вѣсскаго члена въ комбинаціи державъ, борящихся съ германской коалиціей. Для меня было и осталось аксіомой, неизмѣнно вдохновлявшей всю мою дипломатическую работу, что освобожденіе отъ нѣмецкаго засилья и созданіе тѣснаго политическаго, культурнаго и экономическаго союза съ Великобританіей — лучшій залогъ мирнаго развитія и процвѣтанія Россіи. Русское посольство въ Лондонѣ не было освѣдомлено объ истинномъ политическомъ и военномъ положеніи Россіи. Какъ уже было выше указано, освѣдомительныя телеграммы за подписью Терещенко были сплошнымъ «втираніемъ очковъ». Ни разу, никогда не имѣлъ онъ смѣлости, — а быть можетъ и возможности, по создавшимся уже тогда условіямъ, въ которыхъ работали министры, то есть подъ давленіемъ соврабдепа — сказать мнѣ правду. Я исходилъ, поэтому, изъ увѣренности, что русская армія пред-

ставляетъ собою мощную боеспособную силу; въ то же время я полагалъ, что Германія приметъ всѣ мѣры къ распространенію извѣстія о созывѣ конференціи въ рядахъ русской арміи и къ истолкованію этого извѣстія, какъ начала мирныхъ переговоровъ. А это, въ свою очередь, не могло бы не отразиться гибельно на настроеніи войскъ.

Агитація англійскихъ рабочихъ лидеровъ и соціалистовъ — сторонниковъ компромисснаго мира и конференціи въ Стокгольмѣ была направлена къ тому, чтобы убѣдить общественное мнѣніе и рабочую среду въ томъ, что «правительство Керенскаго» не только сочувствуетъ конференціи, но считаетъ ее необходимой и едва ли не намѣрено выставить ультимативное требованіе о ея созывѣ, а слѣдовательно, о выдачѣ правительствами Согласія паспортовъ делегатамъ — грозя въ противномъ случаѣ сепаратнымъ миромъ. На эту агитацію поддались не только радикальныя, но и умѣренно либеральныя газеты. Было полное основаніе думать, что возможность такого отношенія Русскаго правительства къ вопросу о конференціи серьезно озабочивала Союзниковъ, а въ особенности Англію, подрывала вѣру въ Россію и грозила дальнѣйшимъ паденіемъ ея престижа.

Разобравшись во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и принимая во вниманіе, что 9-го августа должна была собраться въ Лондонѣ рабочая конференція, я послалъ 3-го августа Терещенко нижеслѣдующую телеграмму: «Вопросъ объ участіи представите-

лей англійской рабочей партіи въ Стокгольмской конференціи рѣшится въ будущую пятницу; тѣмъ временемъ въ средѣ самой рабочей партіи идетъ сильная агитація противъ этого участія, и на оппозицію поѣздкѣ англичанъ въ Стокгольмъ, безъ сомнѣнія, сильно повліяетъ отвѣтъ, данный американской «федераціей труда» французской федераціи. Въ этомъ отвѣтѣ категорически указано, что конференція въ настоящее время не можетъ имѣть полезныхъ результатовъ, и что американская федерація туда делегатовъ не пошлетъ. Бонаръ Лоу заявилъ вчера въ палатѣ, что правительство ни въ коемъ случаѣ не пошлетъ своихъ представителей, что одобреніе конференціи зависитъ не отъ правительства, а отъ рабочей партіи, выразилъ надежду, что эта послѣдняя конференціи не одобритъ, и указалъ, что правительство еще не рѣшило, позволитъ ли оно кому бы то ни было участвовать въ конференціи (отъ англичанъ), причемъ прибавилъ: «Разрѣшеніе это не будетъ дано безъ тщательнаго обсужденія и вѣроятно дано не будетъ». Считаю крайне желательнымъ, ради огражденія прочности нашихъ союзническихъ отношеній съ Англіей, въ которой огромное большинство общественнаго мнѣнія и само правительство относятся къ конференціи отрицательно, чтобы мнѣ дана была возможность категорически заявить г. Бальфуру, что Русское правительство, также какъ и Великобританское, считаетъ это дѣло партійнымъ, а не государственнымъ,

и рѣшенія конференціи, если таковая состоится, отнюдь не связывающими дальнѣйшаго хода русской политики въ отношеніи Россіи къ Союзникамъ. Предвижу конфиденціальный запросъ Бальфура по этому предмету и ожидаю отъ васъ опредѣленныхъ указаній».

Слѣдуетъ отмѣтить, что за нѣсколько дней до отправки этой телеграммы г. г. Хендерсонъ (въ то время членъ кабинета) и Рамзай Макдональдъ (членъ палаты общинъ, пацифистъ и интернаціоналистъ) ѣздили въ Парижъ для переговоровъ съ французскими единомышленниками, сторонниками конференціи. По поводу выдачи этимъ господамъ паспортовъ на поѣздку во Францію въ печати и въ парламентѣ поднялась цѣлая буря, которую съ трудомъ удалось утишить. Было ясно, что палата и общественное мнѣніе рѣзко противятся конференціи. Въ то же время въ Лондонъ прибыли четверо русскихъ делегатовъ совѣта рабочихъ депутатовъ — Эрлихъ, Гольденбергъ, Смирновъ и Русановъ, для агитаціи въ пользу конференціи. Эти делегаты приняли по отношенію къ посольству позицію «хозяевъ положенія», требовали права пользоваться шифромъ для сношеній съ Чхеидзе, Церетели, Керенскимъ и такъ далѣе. Ежедневно и постоянно видѣлись и переговаривались съ Хендерсономъ и Макдональдомъ. Весь тонъ, все поведеніе этихъ депутатовъ дали мнѣ впервые совершенно ясное, ощутительное представленіе о томъ, какъ велико было засилье соврабдепа надъ расте-

яннымъ и ежедневно терявшимъ подъ собою почву Временнымъ правительствомъ.

Въ виду того, что оставался очень краткій срокъ до созыва въ Лондонѣ рабочей конференціи, я съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта отъ Терещенко. 8-го августа, въ 4½ часа пополудни, я получилъ, наконецъ, этотъ отвѣтъ, гласившій: «Вполнѣ одобряю предложенное вами заявленіе Англійскому правительству. Можете высказаться предъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что Русское правительство, не находя возможнымъ воспретить участіе русскихъ делегатовъ въ Стокгольмской соціалистической конференціи, считаетъ, однако, эту конференцію дѣломъ исключительно партійнымъ и рѣшенія ея не могущими ни въ какой мѣрѣ связать свободу дѣйствій правительства».

Немедленно мною послана была нота Бальфуру, текстъ которой привожу дословно.

«Строго конфиденціально и спѣшно. Ваше Превосходительство. Въ телеграммѣ, посланной 3 или 4 дня тому назадъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, я отдалъ ему отчетъ въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ премьеръ министромъ и г. Хендерсономъ въ палатѣ общинъ касательно поѣздки послѣдняго въ Парижъ, а также въ заявленіяхъ г. Бонаръ Лоу касательно Стокгольмской конференціи и того обсужденія, которому подвергается въ различныхъ рабочихъ организаціяхъ въ Великобританіи вопросъ о желательности послать делега-

товъ въ Стокгольмъ. Я также обратилъ вниманіе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ на отвѣтъ, данный американской федераціей труда французской Confédération Générale du Travail. Въ заключеніе я сказалъ нижеслѣдующее: «Считаю крайне желательнымъ, ради огражденія прочности нашихъ союзническихъ отношеній съ Великобританіей, въ которой огромное большинство общественнаго мнѣнія относится къ конференціи отрицательно, чтобы мнѣ дана была возможность категорически заявить г. Бальфуру, что Русское правительство, такъ же, какъ и Англійское, считаетъ это дѣло партійнымъ, а не государственнымъ, и рѣшенія конференціи, если таковая состоится, отнюдь не связывающими дальнѣйшаго хода русской политики въ отношеніи къ союзникамъ». Въ отвѣтъ на это я только что получилъ нижеслѣдующую телеграмму отъ М. И. Терещенко: «Вполнѣ одобряю» . . . и т. д.

«Спѣшу сообщить вамъ изложенное, ибо опасаюсь, что до настоящаго времени господствуетъ впечатлѣніе, что, какъ выразилась одна лондонская газета, «Россія страстно жаждетъ» Стокгольмской конференціи, и что этотъ аргументъ былъ выставленъ, дабы повліять на общественное мнѣніе въ Великобританіи въ пользу участія британскихъ рабочей и соціалистической партій въ этой конференціи».

Нота эта была доставлена Бальфуру около 6-и часовъ вечера и немедленно сообщена имъ Ллойдъ

Джорджу. Состоялось тутъ же засѣданіе военнаго кабинета, членомъ котораго былъ Хендерсонъ.

На имѣвшей мѣсто на другой день рабочей конференціи Хендерсонъ, поддерживая съ прежней настойчивостью идею конференціи, замѣтилъ мимоходомъ, что «въ отношеніи Русскаго правительства къ конференціи произошла, повидимому, незначительная (slight) перемѣна». Такимъ образомъ то впечатлѣніе, разсѣять которое было въ тотъ моментъ существенно важно, что «Россія страстно жаждетъ конференціи» — у участниковъ конференціи осталось непоколебленнымъ.

Вечеромъ того же дня я получилъ приглашеніе посѣтить Ллойдъ Джорджа на другое утро. Явившись къ нему въ назначенное время (9 час. утра) — я засталъ премьера въ сильномъ возбужденіи. На столѣ у него лежала телеграмма изъ Парижа за подписью Альберта Тома́: «Kerensky ne veut pas de conférence». Въ рукахъ у Ллойдъ Джорджа была копія моей ноты Бальфуру. Съ большою горячностью, гуляя взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ говорилъ мнѣ: «Ваша нота Бальфуру — документъ величайшей важности. Онъ доказываетъ, что мы ошибались, что Русское правительство не «инсценируетъ Стокгольма», и даетъ намъ поэтому полную свободу наложить запретъ на конференцію. Я далъ третьяго дня Хендерсону, какъ члену военнаго кабинета, категорическое указаніе представить такъ дѣло на рабочей конференціи. Только дуракъ или предатель (a fool or a traitor)

могъ не понять моихъ словъ. Хендерсонъ не исполнилъ моихъ инструкцій и долженъ немедленно выйти въ отставку. Прочтите письмо, которое я ему посылаю».

Дальнѣйшій разговоръ происходилъ въ столовой, за breakfast'омъ, въ присутствіи присоединившагося къ намъ г. Скотта, издателя газеты «Manchester Guardian». Премьеръ, продолжая съ чрезвычайной горячностью говорить на ту же тему «преступленія», совершеннаго Хендерсономъ, сказалъ мнѣ: «Я намѣренъ во всеуслышаніе заявить, что Хендерсонъ не оказалъ на конференцію рабочихъ должнаго вліянія, нарушилъ свой долгъ по отношенію къ странѣ и правительству и потому долженъ выйти изъ состава правительства. Я рисковалъ многимъ, ставъ на его защиту предъ страною по поводу его поѣздки въ Парижъ — и вотъ чѣмъ онъ мнѣ отплатилъ». Далѣе Ллойдъ Джорджъ сталъ упорно убѣждать меня согласиться на опубликованіе моей ноты Бальфуру цѣликомъ. Я сначала рѣшительно воспротивился, но затѣмъ согласился на то, чтобы послѣдняя часть ноты была оглашена въ печати. Разговоръ нашъ коснулся и другихъ «вопросовъ дня». По возвращеніи въ посольство я отдалъ отчетъ о разговорѣ съ Ллойдъ Джорджемъ въ телеграммѣ Терещенко, въ которой, послѣ передачи разговора въ части, касающейся Хендерсона и конференціи, говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «затѣмъ премьеръ перешелъ къ вопросу, затронутому на только что

имѣвшей мѣсто междусоюзнической конференціи, и сказалъ мнѣ: «Англія, Франція и Италія держатъ западный фронтъ, Россія — восточный. Для достиженія побѣды необходима полная и постоянная координація. Скажу вамъ прямо, что пока русское верховное командованіе будетъ сноситься съ нами телеграммами, пока оно будетъ представлено Жилинскими и Палициными, или молодыми генералами, знающими меньше нашего о положеніи русскаго фронта и планахъ, намѣреніяхъ и возможностяхъ русскаго кабинета и верховнаго командованія, до тѣхъ поръ координаціи этой не будетъ. Ни разу, ни на одной конференціи по военнымъ вопросамъ мы не слышали освѣдомленнаго, вполнѣ авторитетнаго слова отъ русскаго генерала». Ллойдъ Джорджъ настоятельно просилъ меня о томъ, чтобы на предстоящей около 15-го сентября «самой важной за всю войну» военной конференціи былъ авторитетный и вполнѣ уполномоченный генералъ изъ Россіи, и чтобы онъ по возможности прибылъ въ Лондонъ заранѣе . . . По поводу посылки генерала я еще до разговора съ Ллойдъ Джорджемъ намѣревался самымъ настоятельнымъ образомъ просить васъ прислать генерала Алексѣева. Я знаю, что пріѣздъ его сюда оказалъ бы огромное вліяніе, не только по существу, но и благодаря тому престижу, которымъ онъ пользуется. Далѣе, совершенно необходимо, чтобы я былъ вами освѣдомляемъ болѣе полно. Только при такихъ условіяхъ могу я служить постояннымъ ис-

толкователемъ Россіи предъ Англійскимъ правительствомъ и использовать тѣ личныя отношенія, которыя даютъ мнѣ возможность выполнять мою задачу. Прошу срочнаго отвѣта, прошу рѣшенія о пріѣздѣ Алексѣева или Рузскаго». Ни освѣдомленія, ни срочнаго отвѣта, ни рѣшенія о пріѣздѣ отвѣтственнаго генерала, разумѣется, по обыкновенію, не послѣдовало.

Отъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ я получилъ сообщеніе, извѣщающее о полученіи моей ноты. Въ сообщеніи этомъ заключалось «завѣреніе, что правительство Его Величества искренно привѣтствуетъ это новое доказательство идентичности взглядовъ Русскаго и Великобританскаго правительствъ на вопросъ о Стокгольмской конференціи».

До сихъ поръ для меня является загадкой происхожденіе телеграммы Тома́ къ Ллойдъ Джорджу: «Kerensky ne veut pas de conférence». Изъ дальнѣйшихъ событій, однако, выяснилось, что Керенскій непосредственно съ такимъ заявленіемъ къ Тома́ не обращался.

Терещенко впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что Керенскій въ личномъ разговорѣ съ нимъ высказывался противъ конференціи, и что онъ, Терещенко, довѣрительно сообщилъ объ этомъ г-ну Пети, члену французскаго посольства въ Петроградѣ, находившемуся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Тома́. Этимъ, быть можетъ, объясняется фактъ посылки телеграммы Тома́ Ллойдъ Джорджу. Ке-

ренскій и тутъ, стало-быть, не имѣлъ смѣлости своихъ сужденій и не поколебался отъ нихъ отречься, дабы не навлечь гнѣва соврабдепа.

Въ тотъ же день были опубликованы слѣдующія письма, которыми обмѣнялись Хендерсонъ и Ллойдъ Джорджъ.

Отъ Хендерсона къ Ллойдъ Джорджу: «Изъ нашего вчерашняго свиданія я вынесъ впечатлѣніе, что вы пришли къ заключенію о невозможности дальнѣйшаго совмѣщенія мною должностей секретаря рабочей партіи и члена военнаго кабинета. Опытъ послѣдняго времени указываетъ мнѣ на затруднительныя осложненія, вызываемыя этимъ совмѣстительствомъ. При такихъ обстоятельствахъ я считаю, поэтому, цѣлесообразнымъ просить васъ освободить меня отъ дальнѣйшаго участія въ вашемъ правительствѣ. Я продолжаю раздѣлять ваше желаніе, чтобы война была доведена до успѣшнаго окончанія и надѣюсь, что, состоя внѣ правительства, я смогу въ этомъ направленіи принести посильную помощь». 11-го августа 17 года.

Отъ Ллойдъ Джорджа къ Хендерсону: «Я получилъ ваше письмо отъ сегодняшняго утра, заключающее вашу просьбу объ отставкѣ отъ должности члена военнаго кабинета, и имѣю разрѣшеніе Его Величества, которому я представилъ ваше прошеніе, принять вашу отставку. Мои коллеги и я освѣдомились съ удовлетвореніемъ о выраженномъ вами неизмѣнномъ желаніи содѣйствовать доведенію войны до успѣшнаго окончанія, и они

крайне сожалѣютъ, что вы не можете долѣе, непосредственно и оффиціально, быть ихъ сотрудникомъ въ этой работѣ. Есть, однако, нѣкоторые факты, о которыхъ общество должно быть освѣдомлено, дабы имѣть возможность правильно оцѣнить событія, приведшія къ этой печальной развязкѣ.

«Первое, это то, что для вашихъ коллегъ было полною неожиданностью положеніе, занятое вами на рабочей конференціи вчерашняго дня. Вы знаете, что они при нынѣшнихъ обстоятельствахъ были единогласно противъ Стокгольмской конференціи, и вы сами готовы были согласиться на заявленіе въ такомъ смыслѣ нѣсколько дней тому назадъ. По предложенію вашему и вашихъ товарищей по рабочей партіи рѣшено было, однако, сдѣлать это заявленіе послѣ вчерашняго засѣданія.

«Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ вами я находился подъ впечатлѣніемъ, что вы намѣрены были использовать ваше вліяніе противъ встрѣчи съ непріятельскими представителями въ Стокгольмѣ. То, что произошло въ Россіи за послѣднія нѣсколько недѣль — значительно повліяло на общее положеніе вопроса объ этой конференціи. Вы сами признались мнѣ, что положеніе совершенно измѣнилось за послѣднія 2 недѣли, и что каковы бы ни были основанія, побуждавшія васъ еще 2 недѣли тому назадъ допустить возможность участія делегатовъ союзныхъ странъ на такой конфе-

ренціи, — событія послѣднихъ дней показали вамъ неразуміе такого участія.

«Въ этомъ вы меня ясно убѣдили. Такое же впечатлѣніе осталось и у вашихъ коллегъ по кабинету и вашихъ коллегъ по рабочей партіи въ правительствѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ ваше вчерашнее письмо, заключавшее заявленіе, что вы «считаете долгомъ увѣдомить меня, что по зрѣломъ обсужденіи вы пришли къ заключенію о невозможности уклониться отъ того пути, который вы совѣтовали избрать по своемъ возвращеніи изъ Россіи». Не менѣе были удивлены ваши коллеги, когда прочли отчетъ о произнесенной вами рѣчи.

«О такомъ вашемъ заключеніи вы, несомнѣнно, обязаны были извѣстить вашихъ коллегъ прежде чѣмъ выступать на конференціи. Когда вы выступили на ней, вы были не только членомъ рабочей партіи, но и членомъ Кабинета, отвѣтственнаго за веденіе войны. Тѣмъ не менѣе, вы не сочли нужнымъ увѣдомить конференцію о взглядахъ вашихъ коллегъ, и делегаты поэтому вправѣ были заключить, что даваемыя вами указанія не противорѣчатъ взглядамъ членовъ Кабинета.

«Второе — вотъ что. Вчера утромъ[1]) мы получили весьма важное сообщеніе отъ Русскаго правительства, въ которомъ насъ извѣщаютъ, что «хотя Русское правительство и не сочло возможнымъ помѣшать русскимъ делегатамъ принять участіе въ

[1]) Это неточно. Моя депеша была получена вечеромъ. Авт.

Стокгольмской конференціи, — оно смотритъ на нее, какъ на партійное дѣло, и рѣшенія ея отнюдь не связывающими свободу дѣйствій правительства. Далѣе, въ препроводительномъ письмѣ къ этому сообщенію содержатся слѣдующія слова: «спѣшу сообщить вамъ изложенное, ибо опасаюсь, что до настоящаго времени господствуетъ впечатлѣніе, что, какъ выразилась одна лондонская газета, «Россія страстно жаждетъ Стокгольмской конференціи», что этотъ аргументъ былъ выставленъ, дабы повліять на британское общественное мнѣніе въ пользу участія британскихъ рабочей и соціалистической партій въ этой конференціи». Тотчасъ по полученіи этого сообщенія я переслалъ его вамъ съ просьбою, чтобы вы о немъ освѣдомили конференцію. Вы этого не сдѣлали. Правда, вы въ своей рѣчи вскользь упомянули о «нѣкоторой перемѣнѣ» въ отношеніи Русскаго правительства къ конференціи. Но есть явное различіе между впечатлѣніемъ, которое произвело бы на любую аудиторію подобнаго рода безцвѣтное указаніе — и впечатлѣніемъ отъ оффиціальнаго сообщенія, указывающаго, что отношеніе Русскаго правительства къ Стокгольмской конференціи очень существенно отличается отъ того, каковымъ оно предполагалось.

«При такихъ обстоятельствахъ вашъ образъ дѣйствій представляется недобросовѣстнымъ (does not appear to have been fair) по отношенію какъ къ правительству, такъ и къ делегатамъ, къ которымъ

вы держали рѣчь. Они оставлены были въ невѣдѣніи о «жизненномъ» (vital) фактѣ, который несомнѣнно повліялъ бы на ихъ рѣшеніе. Я посылаю копію этого письма въ прессу». 11 августа 1917 г.

Письмо Ллойдъ Джорджа было написано раньше, чѣмъ письмо Хендерсона, ибо онъ показывалъ мнѣ проектъ письма рано утромъ. По полученіи же письма Хендерсона — очевидно, какими нибудь путями узнавшаго о готовящемся «увольненіи» и забѣжавшаго впередъ — измѣнена была, по всей вѣроятности, редакція вступительной части. Такимъ образомъ, не заслуживаетъ довѣрія сдѣланное осенью 1919 года заявленіе Хендерсона о «добровольномъ» его выходѣ изъ состава военнаго кабинета.

Когда вечернія газеты помѣстили текстъ письма Ллойдъ Джорджа къ Хендерсону, среди рабочихъ лидеровъ и соціалистовъ поднялась буря. Наши русскіе делегаты — Эрлихъ, Гольденбергъ и Русановъ (Смирновъ, помнится, задержался въ Парижѣ) — стали во всю мочь телеграфировать въ Петроградъ, требуя разъясненій. Въ понедѣльникъ 13-го въ газетахъ появилась телеграмма изъ Петрограда, извѣщающая, что «Керенскій въ негодованіи», что «русскій повѣренный въ дѣлахъ превысилъ свои полномочія», и т. д. Словомъ, получалось впечатлѣніе, что Временное правительство само не знаетъ, чего хочетъ, и подъ давленіемъ соврабдепа «играетъ назадъ». Въ тотъ же день,

предвидя дальнѣйшіе запросы въ палатѣ со стороны Рамзая Макдональда и его группы, я счелъ нужнымъ переговорить съ Бальфуромъ. Будучи приглашенъ на квартиру Ллойдъ Джорджа, гдѣ засѣдалъ въ это время кабинетъ, я былъ принятъ самимъ премьеромъ. Я заявилъ ему, что изъ газетныхъ сообщеній, исходящихъ отъ англійскихъ корреспондентовъ въ Петроградѣ, ясно, насколько неправильно были поняты тамъ извѣстія объ отставкѣ Хендерсона и обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ. Для того, чтобы разсѣять это недоразумѣніе, мнѣ кажется желательнымъ, чтобы отъ имени правительства палатѣ были даны исчерпывающія объясненія, которыя я могъ бы протелеграфировать въ Россію.

Несомнѣнно, что «недоразумѣніе», то есть, неправильныя свѣдѣнія, посланныя по телеграфу изъ Лондона въ Петроградъ, отчасти произошло оттого, что телеграмма Томá объ отрицательномъ отношеніи Керенскаго къ Стокгольмской конференціи была концеляріей Ллойдъ Джорджа сообщена журналистамъ. Въ пылу «сенсаціи», они перепутали эту телеграмму съ моею нотою Бальфуру. А такъ какъ телеграмма была, повидимому, апокрифическою — естественно, что Керенскій «съ негодованіемъ» отъ нея отрекся. Меня впослѣдствіи увѣряло лицо, въ то время близко стоявшее къ Керенскому, что моей переписки по телеграфу съ Терещенко по поводу конференціи Керенскій ни-

когда не читалъ. Если это такъ — удивляться ли «разноголосицѣ»??

На другой день лидеръ палаты далъ надлежащія разъясненія, причемъ замѣтилъ, что инициатива разъясненія истиннаго отношенія Русскаго правительства къ конференціи была русскою, то есть, принята была безъ давленія со стороны англійскаго кабинета.

Дня черезъ три я получилъ отъ Терещенко слѣдующую телеграмму: «Изъ опубликованной переписки Ллойдъ Джорджа съ Хендерсономъ видно, что передавая Англійскому правительству нашу точку зрѣнія на Стокгольмскую конференцію, вы включили въ препроводительную ноту нѣкоторые комментаріи по тому же вопросу. Прошу васъ сообщить по телеграфу текстъ вашей ноты. Понимаю, что вы руководились соображеніями мѣстной обстановки. Однако, въ виду чуткости, съ которою общественное мнѣніе у насъ относится къ вопросу о цѣляхъ войны и трудности для министерства при дальности разстоянія держать нашихъ дипломатическихъ представителей въ постоянномъ курсѣ всѣхъ теченій въ этой области, желательно, чтобы вы на будущее время строго ограничивались передачею правительству, при коемъ вы аккредитованы, точнаго текста нашихъ заявленій по принципіальнымъ политическимъ вопросамъ».

Я отвѣтилъ слѣдующее: «Телеграммою № 2 передаю текстъ строго конфиденціальной ноты, по-

сланной мною Бальфуру 8-го числа; обращаясь къ нему въ этой довѣрительной формѣ, я счелъ нужнымъ дать понять ему, что опредѣленное заявленіе, вполнѣ вами одобренное и на которое вы меня уполномочили, было испрошено мною у васъ для того, чтобы разсѣять несомнѣнно существовавшее въ странѣ и въ правительствѣ убѣжденіе, что Русское правительство само «затѣяло» конференцію и требуетъ ея. Цѣлый рядъ газетныхъ статей здѣсь пропагандировалъ идею, что «Керенскій умоляетъ о томъ, чтобы конференція состоялась». Выйдя такимъ образомъ въ строго довѣрительномъ письмѣ за предѣлы оффиціальности, я сдѣлалъ это для того, чтобы предотвратить упрекъ, который и былъ сдѣланъ затѣмъ Макдональдомъ въ палатѣ и должнымъ образомъ устраненъ лидеромъ палаты, что заявленіе Россіи «вырвано у нея» Англіей. Изъ переданнаго вамъ агентствомъ заявленія Бонаръ Лоу вы усмотрите, что онъ поставилъ дѣло на правильную почву. Правительство было убѣждено, что Русское правительство не только сочувствуетъ конференціи, но и содѣйствуетъ ей. Это ложное мнѣніе нужно было опровергнуть. Когда я былъ у Ллойдъ Джорджа въ прошлую субботу, онъ у меня просилъ разрѣшенія опубликовать конецъ моей ноты, такъ какъ онъ считалъ, что существенно важно, чтобы общественное мнѣніе ясно поняло, что Русское правительство — которое я и Англійское правительство отожествляемъ съ Россіей — не «устраиваетъ» Стокгольмской

конференціи. По соображеніи всѣхъ мѣстныхъ условій я счелъ необходимымъ помочь Англійскому правительству въ чрезвычайно трудную минуту. Еслибы я отказалъ Ллойдъ Джорджу, страна узнала бы только точный смыслъ вашихъ словъ, безъ моихъ комментаріевъ, составлявшихъ строгую дипломатическую тайну; эту мою помощь правительство оцѣнило и Ллойдъ Джорджъ сказалъ мнѣ: «Вы оказали Россіи и Англіи услугу, значеніе которой трудно оцѣнить, а Хендерсонъ своимъ неожиданнымъ поведеніемъ испортилъ дѣло». Прошу васъ оцѣнить трудность моего положенія. За восемь дней я не имѣлъ отъ васъ ни одной телеграммы, между тѣмъ какъ въ газетахъ появились интервью Керенскаго и ваше, которыя выставляются здѣшней крайней печатью, какъ «подлинное оффиціальное заявленіе Россіи» — въ противовѣсъ моему сообщенію. Между тѣмъ, Англійское правительство считается только съ тѣмъ, что вы говорите англійскому послу, или что я говорю отъ вашего имени. Во вчерашней рѣчи Бальфура въ палатѣ вполнѣ ясно указано, что сношенія министра иностранныхъ дѣлъ съ представителями державъ возможны лишь при условіи, что не будетъ провозглашено открыто то, что оглашенію не подлежитъ. «Дипломаты», сказалъ онъ, «часто не успѣваютъ, если обстоятельства сильнѣе ихъ. Но вся цѣль и всѣ усилія дипломатовъ — устранять конфликты, а не создавать ихъ, и это достигается лучше конфиденціальными разговорами съ тѣми,

кто уполномоченъ выражать мнѣніе правительства, нежели провозглашеніемъ политики на улицѣ». Я сознавалъ отвѣтственность, которую взялъ на себя, пославъ ноту Бальфуру и согласившись затѣмъ по просьбѣ премьера на опубликованіе части ея, сознавалъ, что передачею вашихъ словъ безъ малѣйшихъ комментаріевъ я оградилъ бы себя лично. Но я въ то же время, по соображеніи всѣхъ условій серьезнаго момента пришелъ къ заключенію, что полная откровенность въ строго довѣрительномъ документѣ была необходима, и что съ моей стороны было бы малодушіемъ убояться той злостной кампаніи, которую поведутъ противъ меня лично нѣкоторые круги и здѣсь, и въ Россіи. Прошу васъ вѣрить, что во всемъ этомъ инцидентѣ я руководствовался не только соображеніями мѣстными, но желаніемъ поставить на должную высоту авторитетъ Русскаго правительства. Еще разъ убѣдительно прошу васъ болѣе полно освѣдомлять меня о томъ, что не составляетъ предмета всеобщаго свѣдѣнія».

Съ этой моей телеграммой разошлись двѣ короткія телеграммы Терещенко, извѣщавшія, что «какія либо отрицательныя заявленія въ отношеніи Стокгольмской конференціи или политики соврабдепа со стороны министра предсѣдателя не представляются по мѣстнымъ условіямъ возможными», но подтверждавшія, что Временное правительство «смотритъ на конференцію, какъ на партійное дѣло и не считаетъ возможнымъ ни по-

ощрять, ни препятствовать ей». «Вслѣдствіе этого», прибавляетъ Терещенко, «со стороны нашихъ дипломатическихъ представителей въ этомъ дѣлѣ необходима величайшая сдержанность».

Этимъ обмѣномъ телеграммъ закончился «инцидентъ». Великобританское, Французское и Итальянское правительства отказали въ паспортахъ делегатамъ, и конференція не состоялась. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я получилъ отъ друзей изъ Петрограда номеръ газеты «Новая жизнь», отъ 3—16 декабря, въ которой опубликована была моя телеграмма къ Терещенко, заключавшая въ себѣ отчетъ о моемъ разговорѣ съ Ллойдъ Джорджемъ, вмѣстѣ съ другою, болѣе позднею. Въ томъ же номерѣ помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «Дипломаты о войнѣ». Статья эта содержитъ цѣлый рядъ обвиненій по моему адресу, обвиненій въ симпатіи «дѣлу имперіалистической войны». Привожу отрывокъ изъ этой статьи:

«Не удивительно, что Ллойдъ Джорджъ и Пуанкарэ (?), учитывая эту усталость населенія (въ позднѣйшей телеграммѣ моей было указаніе на утомленіе войной во Франціи и въ Англіи) — приняли самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію Стокгольмской конференціи. Тотъ же Набоковъ сообщаетъ, съ какою ненавистью говорилъ англійскій премьеръ о Хендерсонѣ, который осмѣлился интересы рабочаго класса поставить выше нуждъ союзныхъ имперіалистовъ. Ллойдъ Джорджъ потребовалъ отъ рабочаго лидера дать такое освѣ-

щеніе вопроса о созывѣ конференціи, какое было на руку сторонникамъ «войны во что бы то ни стало». За ослушаніе Хендерсонъ былъ выброшенъ изъ кабинета. Попытки созвать рабочихъ депутатовъ въ Стокгольмѣ были рѣшительно прекращены, — воспрещеніемъ выдачи заграничныхъ паспортовъ. Такими средствами пытались и пытаются Союзныя правительства затянуть бойню и оттянуть заключеніе мира.

Надо отмѣтить, что во всѣхъ этихъ махинаціяхъ soi-disant представитель революціонной Россіи въ Лондонѣ игралъ роль покорнаго слуги людей, затягивавшихъ войну и губившихъ Россію. Онъ былъ сторонникомъ оттягиванія союзной конференціи. Онъ старался убѣдить Англію въ готовности Россіи воевать до конца. Онъ просилъ Временное правительство воспретить делегатамъ совѣта агитировать за созывъ конференціи въ Стокгольмѣ. Онъ помогалъ Ллойдъ Джорджу срывать конференцію и въ концѣ концовъ сорвалъ ее. По его словамъ, онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы поднять въ Англіи вѣру въ Россію и въ конечное торжество у насъ демократически-національной идеи, а съ нею и боевой мощи Россіи» . . .

Такъ оцѣниваетъ большевистскій органъ мою дѣятельность въ Лондонѣ. Долженъ сознаться, признаніе, что я «въ концѣ концовъ сорвалъ» конференцію — переоцѣнка моей роли въ этомъ дѣлѣ, но переоцѣнка, дающая мнѣ величайшее нрав-

ственное удовлетвореніе. Стокгольмская конференція, по моему глубокому убѣжденію, котораго я придерживаюсь и нынѣ — привела бы къ компромиссному миру, а стало быть къ тому, чего въ то время уже желала Германія. Если въ предотвращеніи этой международной катастрофы и принадлежитъ мнѣ нѣкоторая доля участія, — этимъ участіемъ я не перестану гордиться.

Для меня представляется загадкою, какимъ образомъ М. И. Терещенко удалось оградить меня отъ того, чтобы стать немедленною жертвою гнѣва петроградскаго совробдепа. Правда, вскорѣ имѣла мѣсто третья по счету попытка назначенія посла въ Лондонъ (послѣ Сазонова и барона Мейендорфа). Но новый кандидатъ — князь Григорій Трубецкой — врядъ ли ставленникъ совробдепа, по примѣру своихъ предшественниковъ, не появлялся въ Лондонѣ, и я продолжалъ управлять посольствомъ.

ГЛАВА VIII.

За періодъ времени съ августа до конца октября 1917 г. наиболѣе крупными событіями въ великой войнѣ были слѣдующія:

Раскрыта была дѣятельность германскаго посланника въ Аргентинѣ графа Люксбурга, направленная къ «безслѣдному» потопленію подводными лодками пароходовъ, грузы которыхъ направлялись въ страны Согласія. Его выраженіе «spurlos versenkt» — стало ходячей фразой, символомъ нѣмецкаго міросозерцанія. Этого дипломата я зналъ въ Индіи. На посту германскаго генеральнаго консула въ Калькуттѣ онъ смѣнилъ принца Генриха XXXI Рейсса, котораго я засталъ тамъ по пріѣздѣ своемъ въ 1912 году. «Принцъ» былъ назначенъ посланникомъ въ Персію, гдѣ дѣятельно орудовалъ противъ державъ Согласія, пока не былъ по настоянію Англіи «водворенъ» на родину. Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что и Рейссъ, и Люксбургъ занимались въ Индіи тайною агитаціей противъ англичанъ, проявлявшихъ по отношенію къ этимъ дипломатамъ необычайную довѣрчивость. У Рейсса была личина добродушія, и чело-

вѣкъ онъ былъ хитрый, но недалекій. Люксбургъ же отличался большимъ самомнѣніемъ, чванствомъ, и личность его была крайне антипатична. Уѣхалъ онъ изъ Индіи въ началѣ мая 1914 года — вскорѣ послѣ «переселенія» въ Симлу на лѣтній сезонъ. Отъѣздъ этотъ, внезапный и имѣвшій мѣсто въ обстановкѣ, указывавшей на увѣренность Люксбурга въ томъ, что онъ въ Индію не вернется — заставляетъ предполагать, что онъ, благодаря своимъ личнымъ связямъ въ «высшихъ сферахъ» въ Берлинѣ, былъ предувѣдомленъ о надвигающейся войнѣ.

«Spurlos versenkt», разумѣется, въ сильнѣйшей степени взволновало правительство и общественное мнѣніе въ Англіи. Продовольственный вопросъ стоялъ уже довольно остро — и опасность, которой подвергались благодаря дѣятельности Люксбурга въ Аргентинѣ шедшіе въ Англію изъ портовъ этой «житницы» хлѣбные грузы, была чрезвычайно серьезна. Раскрытіе работы Люксбурга и его удаленіе изъ Аргентины слѣдуетъ, поэтому, признать крупнымъ и благопріятнымъ для державъ Согласія событіемъ.

Англійскія войска продолжали одерживать побѣды въ Палестинѣ и продвигаться къ Іерусалиму. На западномъ фронтѣ они стойко держались, въ то время какъ нѣмцы несли колоссальныя потери въ своихъ безплодныхъ усиліяхъ прорвать фронтъ. Велики, однако, были потери и на сторонѣ англичанъ.

Къ осени 1917 года относится первый сильный натискъ нѣмецко-австрійскихъ войскъ на Италію; сначала она его выдержала, но къ октябрю произошелъ прорывъ на Капоретто и на Изонцо, и пришлось посылать на подмогу англійскія войска.

Отвѣтственность за эти пораженія возлагалась на Россію. Въ августѣ уже «братаніе» на нашемъ фронтѣ было въ полной силѣ, и въ результатѣ этого братанія въ сентябрѣ нѣмцами была взята Рига. Послѣдняя «судорога» нашей арміи — частичное наступленіе подъ непосредственнымъ руководствомъ (?) Керенскаго — была кратковременна — результаты ея извѣстны. «The Russian collaps» — уже сдѣлалось обычнымъ выраженіемъ, все чаще мелькавшимъ въ газетахъ.

Періодъ времени съ конца августа 1917 до переворота 7 ноября (25 октября) является третьимъ фазисомъ въ отношеніи Англійскаго правительства къ Россіи, фазисомъ «разочарованія и раздраженія».

Сношенія русскаго представителя съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ становились все болѣе трудными. Каждый разъ, какъ приходилось имѣть личныя свиданія съ Бальфуромъ или лордомъ Хардингомъ, — въ ихъ словахъ звучали нотки упрека, недоумѣнія и досады по адресу «правительства Керенскаго». Русскому читателю, думается мнѣ, особенно памятны событія этихъ трагическихъ дней — съ августа до конца октября, закончившіяся капитуляціей Керенскаго и другихъ передъ Лени-

нымъ и Троцкимъ. Англійское правительство, какъ я уже упоминалъ, негодовало и недоумѣвало по поводу допущенія этихъ явныхъ враговъ Согласія въ Россію. Іюльская попытка захвата власти большевиками казалось всякому здравомыслящему человѣку достаточнымъ предостереженіемъ. Нельзя было найти разумнаго, согласнаго съ интересами государства объясненія попустительству большевистской пропагандѣ, попустительству, отрицать которое не было возможности.

Созывъ московскаго совѣщанія внесъ нѣкоторую искру оптимизма. Но результатъ совѣщанія разочаровалъ даже самыхъ благожелательныхъ и терпѣливыхъ. Одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей въ эту пору въ совершенно интимномъ разговорѣ со мною сказалъ: «Ясно, что Керенскій выдохся («played out»). Скажите, въ чемъ видите вы спасеніе?» Я отвѣчалъ, что по моему мнѣнію есть только одинъ человѣкъ, имя котораго внушаетъ настолько глубокое и всеобщее уваженіе, что ему, быть можетъ, удалось бы, ставши во главѣ правительства, сохранить въ кабинетѣ Керенскаго и оставить за генераломъ Корниловымъ верховное командованіе. Это — генералъ Алексѣевъ. Мой собесѣдникъ высказалъ мнѣніе, что премьерство генерала Алексѣева несомнѣнно подняло бы вѣру въ прочность правительства среди союзниковъ. И это, конечно, такъ. Имя генерала Алексѣева пользовалось огромнымъ престижемъ въ глазахъ англичанъ.

Изъ приведенной въ предыдущей главѣ телеграммы моей къ Терещенко видно, что генералъ Алексѣевъ пользовался уваженіемъ Ллойдъ Джорджа. Получивъ по прошествіи довольно продолжительнаго времени отъ Терещенко увѣдомленіе, что генералъ Алексѣевъ не можетъ исполнить просьбу премьера и пріѣхать въ Англію и Францію — я понялъ, что мысль моя о его премьерствѣ — запоздалая, и что самъ генералъ Алексѣевъ уже считаетъ положеніе безнадежнымъ.

Я, однако, не терялъ надежды на его пріѣздъ. Одному офицеру генеральнаго штаба, отправлявшемуся въ Россію, я поручилъ пойти отъ моего имени къ генералу Алексѣеву, разъяснить ему здѣшнюю обстановку и передать вновь мою настоятельную просьбу о томъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и въ Парижъ, указавъ, какъ сильно желаютъ этого англичане. Черезъ нѣсколько дней послѣ большевистскаго переворота я получилъ письмо отъ этого офицера, пробывшее въ пути болѣе трехъ недѣль, съ извѣщеніемъ, что онъ выполнилъ мое порученіе, и что генералъ Алексѣевъ послѣ долгаго колебанія изъявилъ готовность пріѣхать, но не въ качествѣ уполномоченнаго отъ русскаго верховнаго командованія, а лишь подъ предлогомъ посѣщенія западнаго фронта. Судьба судила иное.

Когда появились въ печати извѣстія о выступленіи Корнилова, — здѣшнее министерство иностранныхъ дѣлъ, разумѣется, воздерживалось отъ ка-

кихъ бы то ни было комментаріевъ, могущихъ служить указаніемъ на то, на чьей сторонѣ были симпатіи Англійскаго правительства. Но угадать направленіе этихъ симпатій было нетрудно. Приблизительно въ это время имѣло мѣсто совмѣстное выступленіе французскаго, англійскаго и итальянскаго пословъ, одновременно посѣтившихъ Керенскаго и предъявившихъ ему тотъ «протестъ», который удалось предотвратить еще въ началѣ августа. У министерства иностранныхъ дѣлъ на основаніи полученныхъ имъ изъ Петрограда донесеній создалось мнѣніе, что Керенскій по этому случаю держалъ себя крайне вызывающе, и это не способствовало престижу правительства. Правды въ этомъ дѣлѣ я не знаю, такъ какъ отчеты лицъ, присутствовавшихъ на этомъ свиданіи — другъ другу противорѣчатъ. Передавая мнѣ о происшедшемъ, Бальфуръ замѣтилъ: «Вы, кажется, были правы, когда въ августѣ возражали противъ такого рода коллективнаго выговора. Пользы онъ не принесъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что послѣ Корниловскаго эпизода Англійское правительство «махнуло рукой» и ожидало казавшагося ему неминуемымъ краха Временнаго правительства. Въ тонѣ и въ словахъ отвѣтственныхъ руководителей министерства иностранныхъ дѣлъ произошла перемѣна; все чаще сквозило огорченіе и недовольство. Долженствовавшая собраться въ Парижѣ въ серединѣ сентября конференція была отложена

примѣрно на мѣсяцъ. Та самая конференція, на которой Ллойдъ Джорджу хотѣлось видѣть генерала Алексѣева.

Въ это время въ Петроградѣ развалъ шелъ уже все глубже, все настойчивѣе становились требованія совpабдепа. Возникало предположеніе о поѣздкѣ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Терещенко, представителя совpабдепа — Скобелева. Помню, съ какою категоричностью — чтобы не сказать больше — мнѣ было заявлено въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что Союзники, и въ частности Англія, будутъ вести переговоры только съ отвѣтственными представителями правительства. Около этого времени Русское правительство, уразумѣвъ, повидимому, изъ донесеній своихъ представителей заграницею, что авторитетъ его падаетъ, рѣшило прибѣгнуть къ чисто внѣшней мѣрѣ для поддержанія этого авторитета, то есть назначить пословъ въ Парижъ и (снова!) въ Лондонъ. Во Францію назначенъ былъ В. А. Маклаковъ, вскорѣ прибывшій въ Лондонъ на пути въ Парижъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ М. А. Стаховичъ, назначенный посломъ въ Мадридъ. Обстоятельства, вызвавшія это послѣднее назначеніе, таковы:

Примѣрно въ серединѣ сентября представители державъ Согласія — послы французскій, американскій, японскій и повѣренный въ дѣлахъ итальянскій и русскій были приглашены на совѣщаніе къ Бальфуру. Когда мы собрались, Бальфуръ про-

читалъ намъ телеграмму отъ англійскаго посла въ Мадридѣ, сообщавшую нижеслѣдующее: Ему, сэру Артуру Хардингу, заявилъ испанскій министръ иностранныхъ дѣлъ, что въ разговорѣ съ испанскимъ посломъ въ Берлинѣ одна «высокая особа» (рѣчь шла, разумѣется, объ императорѣ Вильгельмѣ) сообщила, что Германія была бы рада освѣдомиться, — на какихъ условіяхъ Великобританія согласна была бы приступить къ мирнымъ переговорамъ. Прочитавъ телеграмму, Бальфуръ сказалъ намъ, что пригласилъ насъ для того, чтобы обсудить это сообщеніе. Попросивъ слова внѣ очереди старшинства и «званія», я заявилъ слѣдующее: «Настоящему собранію извѣстно, что нынѣ въ Петроградѣ усиливается, подъ вліяніемъ крайнихъ партій, то есть большевиковъ и ихъ нѣмецкихъ вдохновителей («masters») — давленіе на Временное правительство. Я долженъ со всею откровенностью, присущею такого рода секретнымъ совѣщаніямъ, предостеречь своихъ коллегъ, что моя обязанность — точно передать русскому министру иностранныхъ дѣлъ содержаніе бесѣды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я знаю, что не могу поручиться головой за соблюденіе тайны «на другомъ концѣ телеграфной проволоки». Если же въ соврабдепъ проникнетъ извѣстіе о германскомъ «предложеніи» — такое извѣстіе способно усилить агитацію и принести неисчислимый вредъ. Это положеніе вещей въ Петроградѣ я просилъ бы имѣть въ виду при дальнѣйшемъ нашемъ разговорѣ.» Изъ обсужденія вы-

яснилось, что мы всѣ согласны на толкованіи этого «пробнаго шара», какъ попытки внести разладъ между союзниками, и было поэтому рѣшено отвѣтить уклончиво, указавъ, что никакіе разговоры невозможны иначе, какъ въ результатѣ обращенія непріятельскихъ державъ ко всѣмъ державамъ Согласія одновременно съ конкретными предложеніями. Въ такомъ смыслѣ я телеграфировалъ Терещенко. Впослѣдствіи я узналъ, что моя телеграмма (опубликованная послѣ переворота) была неправильно истолкована, какъ признакъ того, что переговоры о мирѣ начнутся въ Мадридѣ!! Легкомысліе такого вывода ясно само собою . . . и жертвою этого легкомыслія оказался М. А. Стаховичъ, котораго Терещенко убѣдилъ ѣхать въ Мадридъ «для того, чтобы тамъ находился на время мирныхъ переговоровъ видный политическій и общественный дѣятель, какъ представитель Россіи». Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ мнѣ свой поздній дебютъ на дипломатическомъ поприщѣ самъ М. А. Стаховичъ. Разсказъ о мытарствахъ его на посту непризнаннаго и не представившаго вѣрительныхъ грамотъ посла въ Мадридѣ выходитъ изъ рамокъ настоящихъ записокъ, но надо надѣяться, что русское общественное мнѣніе когда-нибудь о нихъ узнаетъ и по достоинству оцѣнитъ горячій патріотизмъ, по вдохновенію котораго только и возможно было пережить и перестрадать все то, что выпало на долю М. А. Стаховича.

Назначеніе посла въ Лондонъ продолжало занимать вниманіе Временнаго правительства. Князь Григорій Трубецкой, на принятіе котораго послѣдовало третье по счету со времени революціи согласіе короля — заявилъ, повидимому, что предпочелъ бы поѣхать въ Римъ — и я получилъ инструкцію испросить согласіе на назначеніе въ Лондонъ нашего посла въ Римѣ М. Н. Гирса. Долженъ сознаться, что при всей моей личной симпатіи къ М. И. Терещенко, я не могъ не почувствовать живѣйшей досады на него за введеніе «кинематографа» въ область посольскихъ назначеній, на то, что будучи круглымъ невѣждою въ области дипломатіи, онъ самоувѣренно распоряжался, не спрашивая предварительно совѣта опытныхъ представителей русской дипломатіи — въ данномъ случаѣ меня самого. Сознавая, что дни Временнаго правительства сочтены, и не желая ставить въ фальшивое положеніе заслуженнаго русскаго дипломата, старшаго изъ нашихъ пословъ, я лишь частнымъ образомъ сообщилъ лорду Хардингу о полученной мною инструкціи и заявилъ, что намѣренъ въ частномъ письмѣ къ нему предложить отсрочить оффиціальные переговоры о назначеніи новаго посла до пріѣзда въ Лондонъ Терещенко, если таковой состоится. Съ живостью, мало свойственной этому сдержанному и холодному англійскому дипломату, лордъ Хардингъ отвѣтилъ мнѣ: «Три раза Временное правительство испрашивало — помимо васъ — согласія короля на назначеніе посла.

Трижды это согласіе было дано. Но лица, назначенныя на посольскій постъ, не появлялись въ Лондонѣ, причемъ ваше правительство ни разу не дало себѣ труда представить извиненія или, по меньшей мѣрѣ, объясненія по поводу того, что ихъ кандидатамъ не заблагоразсудилось пріѣхать, или что ихъ смѣняли. Какъ ни доброжелательно наше отношеніе къ Временному правительству, мы обязаны прежде всего ограждать достоинство короля и правительства. Поэтому могу заявить вамъ, что прежде, нежели мы дадимъ согласіе на назначеніе Гирса, слѣдуетъ представить намъ удовлетворительное объясненіе причинъ, помѣшавшихъ пріѣзду послѣдняго кандидата — князя Трубецкого. Впрочемъ, ваша мысль о частномъ письмѣ, я думаю, наиболѣе цѣлесообразна. Я вамъ отвѣчу тоже частнымъ образомъ». Этотъ обмѣнъ писемъ состоялся . . . но Терещенко въ Лондонъ не пріѣхалъ, ибо черезъ нѣсколько дней Временное правительство было свергнуто.

На главнѣйшемъ изъ театровъ войны — западномъ фронтѣ во Франціи — къ началу зимы 1917 года положеніе становилось все болѣе серьезнымъ. Съ все возростающимъ смятеніемъ и волненіемъ ожидались въ Лондонѣ получаемые 2 раза въ день военные бюллетени. Все длиннѣе становились ежедневно печатаемые списки убитыхъ и раненыхъ. Къ этому же времени относится начало періода постоянныхъ ночныхъ налетовъ германскихъ аэроплановъ на Англію и на Лондонъ. Какъ

только наступало новолуніе — такъ въ теченіе примѣрно двухъ недѣль жители Лондона ежедневно, при условіи яснаго неба — ждали этихъ налетовъ. Въ моментъ появленія аэроплановъ въ раіонѣ наблюдательныхъ постовъ — по всему Лондону раздавались сигналы, обозначавшіе приближеніе врага; по этимъ сигналамъ населеніе «приглашалось» укрываться въ подвалы, станціи подземныхъ дорогъ и тому подобное. Когда аэропланы долетали до города, начиналась стрѣльба по нимъ изъ пушекъ, расположенныхъ по окраинамъ и въ центрѣ города. По небу проносились, необычайно живописно, переплетающіеся снопы свѣта отъ гигантскихъ прожекторовъ. Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе поразительное, чѣмъ аэропланъ, когда на него на 2—3 секунды падалъ свѣтъ такого прожектора: точно гигантская серебряная пчела! Отъ стрѣльбы пушекъ въ воздухѣ стоялъ стонъ — и опасность для жизни обывателя была больше отъ падавшихъ осколковъ снарядовъ, чѣмъ отъ бомбъ. Налеты, стрѣльба, шумъ и смятеніе длились иногда часа 3—4. Въ декабрѣ 1917 года имѣло мѣсто поистинѣ чудесное избавленіе зданія русскаго посольства отъ разрушенія. Въ холодный день, при нависшемъ низко надъ городомъ густомъ туманѣ, часовъ около 5½ пополудни — уже стемнѣло — раздалось «предупрежденіе». Секретари и прислуга посольства укрылись въ подвалы. Будучи фаталистомъ и не испытывая, нутромъ своимъ, ни малѣйшаго страха или волненія при по-

явленіи аэроплановъ, я остался у себя въ кабинетѣ, въ обществѣ доктора Я. О. Гавронскаго и Н. Н. Нордмана. Часовъ въ 8, хотя не было еще «отбоя», секретари посольства разошлись по домамъ. Ушелъ и Гавронскій. Докончивъ въ 8 ч. 40 м. партію въ шахматы, мы съ Н. Н. Нордманомъ пѣшкомъ отправились по домамъ. Пять минутъ спустя послѣ того, какъ мы вышли за ворота, прямо противъ этихъ воротъ на узкой улицѣ, на углу которой находится посольство, другимъ фасадомъ выходящее на площадь, упала бомба. Яма, которую прорыла бомба, была сажени три глубиною и почти во всю ширину улицы. Въ цѣломъ рядѣ домовъ на улицѣ и на площади выбиты были окна, во дворъ посольства свалился вылетѣвшій изъ мостовой каменный блокъ величиною съ карточный столъ. Но въ самомъ зданіи посольства выбито было только одно окно. Будь бомба сброшена на десятую долю секунды раньше — она несомнѣнно разрушила бы зданіе посольства. Такъ какъ мѣста паденія бомбъ тщательно скрывались, то есть, о нихъ не печаталось въ газетахъ, дабы не указывать врагу на вѣрность его «прицѣла» — случай этотъ прошелъ незамѣченнымъ. Принимая во вниманіе продолжительность періода налетовъ и неимовѣрныя усилія нѣмцевъ причинить какъ можно больше разрушенія Лондону — слѣдуетъ признать, что усилія эти увѣнчались сравнительно небольшимъ успѣхомъ. Къ счастью, число невинныхъ жертвъ нѣмецкаго «культурнаго» веденія войны

въ этой области было сравнительно незначительно. Но я отвлекся всторону, возвращаюсь къ разсказу.

Итакъ, на фронтѣ было напряженіе. А между тѣмъ американскія войска прибывали медленно, и боеспособность ихъ была, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, ниже боеспособности французовъ и англичанъ. Настроеніе правительства было, поэтому, нервнымъ и сумрачнымъ. И это, естественно, отражалось на отношеніи къ Россію. Россія, обманувшая легкомысленныя надежды на «наводненіе» Германіи милліонами русскихъ штыковъ; Россія, во время войны совершившая внутренній переворотъ; Россія, потерявшая вслѣдствіе этого переворота боевую энергію и поддавшаяся пропагандѣ воинствующаго анархизма, вдохновляемой Германіей — эта Россія не могла сохранить симпатій правящей англійской бюрократіи. Разбираться въ томъ, насколько русскій народъ оказался жертвою прошлыхъ ошибокъ, насколько безнадежною была задача Львовыхъ, Милюковыхъ и другихъ . . . — никому не было ни досуга, ни охоты. Оцѣнивалась трагическая, гибельная дѣйствительность, — а не причины, ее вызвавшія.

Имѣютъ ли русскіе люди право обвинять Англію за ея тогдашнее отношеніе къ Россіи? Что могли сдѣлать союзники и въ частности Англія для оказанія Россіи такой поддержки, которая предотвратила бы катастрофу? Отвѣта на этотъ вопросъ я не нахожу. Конецъ 1917 года былъ момен-

томъ величайшаго напряженія всѣхъ силъ Великобританіи для предотвращенія разгрома Франціи и побѣды германской коалиціи. Несмотря на это, несмотря на невѣроятныя трудности въ дѣлѣ снабженія Россіи — черезъ Мурманскъ! — армія наша получила огромное количество снаряженія. Помню слова лорда Мильнера, тогдашняго военнаго министра, на завтракѣ, данномъ въ его честь русскимъ правительственнымъ комитетомъ въ Лондонѣ и имѣвшемъ мѣсто вскорѣ послѣ послѣдняго наступленія русской арміи, предводимой уже Керенскимъ, наступленія, кончившагося такъ плачевно. «Пока Россія остается союзницею Англіи», сказалъ онъ, «она будетъ получать отъ насъ помощь въ мѣру нашихъ силъ и возможностей. Но вы должны понять, господа, что каждый патронъ, каждый снарядъ, каждая пушка намъ самимъ «до зарѣзу» нужны, и что съ нашей стороны было бы преступно отдавать то, чѣмъ наши собственныя войска *навѣрное* смогутъ воспользоваться для борьбы, — русской арміи, если у насъ возникнетъ основательное сомнѣніе въ томъ, что она сумѣетъ использовать наше снабженіе». Можемъ ли мы, по совѣсти, осудить лорда Мильнера за это заявленіе?

Что касается поддержки политической — также трудно сказать, въ чемъ она могла проявиться. Въ самомъ корнѣ отношеній между Россіей и союзниками (а въ томъ числѣ и Англіей) лежало уже недоразумѣніе и существовала *фальшь*. Много времени спустя — много, ибо одинъ мѣсяцъ пере-

несенной нами, русскими, страды въ Лондонѣ поистинѣ могъ считаться за годъ! — когда Россія уже переживала крайніе ужасы торжествующаго большевизма — я убѣдился изъ разговоровъ съ нѣкоторыми видными русскими дѣятелями періода «правительства Керенскаго», что были въ Россіи отдѣльные смѣлые и честные патріоты, которые заявляли правительству: «съ тѣхъ поръ, какъ вы допустили разложеніе арміи и оказались безсильными въ борьбѣ съ соврабдепомъ, Ленинымъ и нѣмецкими агитаторами — Россія не въ силахъ продолжать войну. Вы должны объ этомъ заявить союзникамъ. Умолчаніе, утаиваніе дѣйствительнаго положенія Россіи равносильно обману». Но этотъ совѣтъ принятъ не былъ. Керенскій продолжалъ свою пошлую демагогію, а Терещенко продолжалъ посылать представителямъ Россіи при союзникахъ успокоительныя, оптимистическія телеграммы. Между тѣмъ Союзныя правительства получали отъ своихъ представителей въ Россіи все болѣе и болѣе мрачныя сообщенія. Мы, представители Россіи, оказались такимъ образомъ участниками и орудіемъ политики, основанной на обманѣ.

Въ предшествующихъ главахъ я пытался обрисовать читателю отношеніе къ Россіи правительственныхъ круговъ и мало касался того, какъ реагировало на событія въ Россіи общественное мнѣніе, публика. Замѣчательно, что

несмотря на пріостановку, съ конца 1916 года, всякихъ наступательныхъ дѣйствій русской арміи, на цѣлый рядъ газетныхъ корреспонденцій изъ Россіи, съ очевидностью указывавшихъ, что боевая мощь Россіи безвозвратно изсякла — симпатіи англійскаго народа все еще сохранялись. Я имѣлъ тому доказательства въ разсказахъ личныхъ, близкихъ друзей, офицеровъ англійской арміи, о томъ, какъ обсуждались англійскими солдатами на фронтѣ извѣстія изъ Россіи. Эти простодушные люди старались находить оправданіе нашему развалу въ чрезмѣрности уже свершеннаго нашими арміями усилія и подвига. Несомнѣнно, что «массы» въ Англіи были и великодушнѣе, и человѣчнѣе, чѣмъ раздраженные «верхи».

Но наиболѣе яркое доказательство глубины симпатій къ намъ я получилъ слѣдующимъ образомъ. Еще въ началѣ сентября 17-го года одинъ изъ англичанъ, посвятившихъ себя дѣлу англо-русскаго сближенія, сталъ упрашивать меня съѣздить въ Эдинбургъ и Глазго, чтобы прочитать членамъ «англо-русскихъ» обществъ въ этихъ городахъ докладъ о Россіи, о ея участіи въ войнѣ и о положеніи ея въ текущій моментъ, — для того, чтобы оживить интересъ къ Россіи и предотвратить перемѣну въ настроеніи общественнаго мнѣнія. Подъ вліяніемъ извѣстій изъ Россіи, съ каждымъ днемъ становившихся все болѣе безнадежными, я подъ разными предлогами оттягивалъ эту поѣздку, и въ концѣ концовъ вынужденъ былъ на нее согласить-

ся въ серединѣ октября, то есть за три недѣли до большевистскаго переворота, въ тотъ моментъ, когда у меня самого уже не было и тѣни сомнѣнія въ неизбѣжности катастрофы. Въ собраніяхъ англо-русскихъ обществъ въ Эдинбургѣ и Глазго мною были прочитаны лекціи о современномъ положеніи Россіи. Собранія имѣли мѣсто въ теченіе одного дня — въ Эдинбургѣ днемъ, въ Глазго — вечеромъ. Обоимъ собраніямъ предшествовали «банкеты»,то есть завтракъ въ Эдинбургѣ и обѣдъ въ Глазго. На эти банкеты приглашены были «именитые» граждане и представители научной среды въ обоихъ городахъ, и произнесены были привѣтственныя рѣчи, проникнутыя искренней, глубокой симпатіей къ Россіи. Отвѣчая на эти привѣтствія, я явственно чувствовалъ, что жертвы, принесенныя Россіей, вполнѣ оцѣнены, и что къ скорби по поводу «болѣзни», одолѣвшей Россію, не примѣшивается никакой горечи. Доклады мои встрѣчены были въ высшей степени сочувственно — и настроеніе аудиторіи произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе.

Эта поѣздка въ Шотландію была послѣднимъ отраднымъ впечатлѣніемъ, послѣднимъ яснымъ днемъ. Черезъ три недѣли начался періодъ страданій и униженій, безпримѣрныхъ въ исторіи дипломатическихъ сношеній представителей великихъ европейскихъ державъ съ иностранными правительствами.

ГЛАВА IX.

25-го января 1917 года мною было получено приглашеніе отъ Бальфура принять участіе въ совѣщаніи съ французскимъ и итальянскимъ послами по мало-азіатскимъ дѣламъ, причемъ первое засѣданіе было назначено на 29-ое. Поставленный въ извѣстность объ этомъ совѣщаніи великобританскимъ посломъ въ Петроградѣ, Н. Н. Покровскій сдѣлалъ попытку добиться отсрочки совѣщанія, мотивируя ее, между прочимъ, отсутствіемъ въ Лондонѣ русскаго посла. Во вниманіе къ переданному мною желанію Русскаго правительства, Бальфуръ телеграфировалъ въ Римъ, дабы склонить Итальянское правительство отложить переговоры. Но баронъ Соннино остался непреклоненъ, и первое засѣданіе состоялось въ назначенный день.

Оно началось съ заявленія итальянскаго посла, маркиза Имперіали, что ему поручено поддерживать пожеланія Италіи, изложенныя въ двухъ меморандумахъ. Французскій посолъ Камбонъ представилъ возраженія противъ притязаній Италіи на Адану, Мерсину и прилегающую къ нимъ область до мыса Анамуръ, указавъ, что Адалія является бо-

лѣе естественнымъ выходомъ къ морю для Коніи, чѣмъ Мерсина, и что Аданскій округъ имѣетъ историческія связи съ Сиріей и является ея житницею; далѣе, онъ высказалъ, что югозападная часть Анатоліи — область, въ которой намѣчались для Италіи территоріальныя пріобрѣтенія — является наиболѣе плодородной и надѣленной естественными богатствами, легко поддающимися эксплоатаціи, тогда какъ территоріи, долженствующія отойти къ Россіи, Франціи и Англіи, хотя по пространству и обширнѣе, но значительно менѣе богаты. Бальфуръ заявилъ, что цѣль совѣщанія — соблюсти букву и духъ лондонскаго соглашенія (на основаніи котораго Италія вступила въ войну), то есть, отвести Италіи зону, справедливо соотвѣтствующую зонамъ другихъ державъ, не отступая отъ установленныхъ уже соглашеніями державъ размежеваній.

На это я замѣтилъ, что къ руководящимъ основаніямъ нашихъ переговоровъ, кромѣ высказанныхъ англійскимъ министромъ, слѣдуетъ прибавить слѣдующее: раздѣляемое всѣми нами убѣжденіе, что на малоазіатскомъ полуостровѣ должна найти мѣсто «жизнеспособная» Турція, для чего, по мнѣнію Русскаго правительства, существенно важнымъ является сохраненіе за Турціей Смирны. Въ отвѣтъ на эти мои слова, итальянскій посолъ, въ тонѣ котораго сразу начало сквозить нѣкоторое возбужденіе, просилъ меня вспомнить ту «дружественную готовность», съ которою Италія безъ ко-

лебаній согласилась на уступку Россіи Константинополя, и выразилъ надежду, что въ вопросѣ о Смирнѣ мы проявимъ по отношенію къ Италіи ту же благожелательность.

По предложенію Бальфура совѣщаніе рѣшило поручить бывшему англійскому послу въ Константинополѣ Маллету выработать планъ разграниченія итальянской и французской зонъ, и слѣдующее засѣданіе отложено было до представленія имъ своего проекта.

Изъ перваго засѣданія я вынесъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что Италія очень дорожитъ пріобрѣтеніемъ Смирны, и что только твердое заявленіе наше, поддержанное другими союзниками, о важности этого порта для Турціи — можетъ сократить чрезмѣрныя вожделѣнія Италіи.

На другой день, въ бесѣдѣ съ лордомъ Хардингомъ я высказалъ ему, насколько Англія, какъ крупнѣйшее «мусульманское» государство (мусульманъ въ одной Индіи свыше 70 милліоновъ), заинтересована въ жизнеспособности будущаго малоазіатскаго турецкаго султана, а слѣдовательно и въ сохраненіи за нимъ Смирны, гдѣ, кромѣ того, имѣются и крупнѣйшіе интересы у самихъ англичанъ. Лордъ Хардингъ со мною вполнѣ согласился, сославшись, однако, на то, что точку зрѣнія правительства на вопросъ о Смирнѣ долженъ формулировать не онъ, а Бальфуръ. Сообщая по телеграфу Н. Н. Покровскому объ этой бесѣдѣ въ личной и строго довѣрительной телеграммѣ, я просилъ его

по возможности поддержать сдѣланныя мною на совѣщанiи заявленiя въ бесѣдѣ съ англiйскимъ посломъ въ Петроградѣ, для передачи Бальфуру.

Второе засѣданiе совѣщанiя по малоазiатскому вопросу, 12-го февраля, открылось заявленiемъ Бальфура, что во исполненiе принятаго нами рѣшенiя англiйскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ выработана схема территорiальной зоны, подлежащей прiобрѣтенiю Италiей. Граница намѣчалась отъ западнаго побережья «Скалы Новы» по прямой линiи до Эржисъ-Яга, сворачивала на югъ и шла затѣмъ до мыса Анамура, вдоль французской зоны. При этомъ Бальфуръ пояснилъ, что область, уступаемая Италiи, признана экспертами «равноцѣнною» прiобрѣтенiямъ другихъ Союзныхъ державъ. Смирна оставалась за Турцiей. Англiя, ради достиженiя соглашенiя, уступала Айдинскую желѣзную дорогу.

Итальянскiй посолъ отказался войти въ обсужденiе этого предложенiя, какъ не соотвѣтствующаго итальянскимъ требованiямъ, и всѣ усилiя наши заставить его отказаться отъ своего «non possumus» не привели на сей разъ ни къ чему. Поэтому рѣшено было передать Итальянскому правительству меморандумъ съ изложенiемъ мотивовъ, поведшихъ къ предложенному разграниченiю, и высказано было пожеланiе, чтобы маркизу Имперiали дано было полномочiе обсуждать вопросъ по существу, не ограничиваясь простымъ отказомъ. Меморандумъ, заключавшiй въ себѣ без-

пристрастный и исчерпывающій анализъ предлагаемой Италіи зоны на юго-западномъ побережьѣ Малой Азіи, въ отношеніи народонаселенія, плодородія, естественныхъ богатствъ, путей сообщенія и пр., былъ, поэтому, сообщенъ въ Римъ.

Засѣданіе произвело, въ общемъ, очень тягостное впечатлѣніе на Бальфура и на французскаго посла. На другой день, въ довѣрительной бесѣдѣ со мною лордъ Хардингъ заявилъ мнѣ, что, если итальянскій посолъ и впредь будетъ держаться того взгляда, что никакія возраженія противъ итальянскихъ притязаній не могутъ подлежать обсужденію, то намъ ничего не останется, какъ, сговорившись между собою, сообщить ему наше рѣшеніе въ окончательной формѣ. По этому поводу я напомнилъ лорду Хардингу разговоръ, имѣвшій мѣсто между нами весною 1915 года. Я лежалъ въ госпиталѣ въ Симлѣ, оправляясь отъ тифа. Вице-король, лордъ Хардингъ, посѣтилъ меня, и съ воодушевленной радостью сообщилъ мнѣ полученное имъ извѣстіе о присоединеніи Италіи къ державамъ Согласія. Мое крайне равнодушное отношеніе къ этому извѣстію озадачило его, и онъ спросилъ меня, чѣмъ оно мотивировано. «Итальянцы», сказалъ я, «поютъ сладко, но разговариваютъ рѣзко. Вы увидите, что участіе Италіи въ войнѣ будетъ незначительно по сравненію съ тѣмъ, во что оно вамъ обойдется, и съ тѣмъ, чего она потребуетъ, когда сядетъ за «зеленый столъ». Лордъ Хардингъ впослѣдствіи — по

поводу притязаній на Смирну, призналъ, что мое тогдашнее предсказаніе было недалеко отъ истины.

Нѣсколько времени спустя я узналъ отъ Камбона, что итальянскій первый министръ сдѣлалъ попытку склонить Францію къ уступчивости въ вопросѣ о мало-азіатскомъ разграниченіи путемъ личнаго обращенія къ Бріану, но что французскій первый министръ отклонилъ обсужденіе вопроса по существу и сослался на Совѣщаніе представителей 4-хъ державъ въ Лондонѣ. Маркизъ Имперіали сдѣлалъ также попытку обратиться непосредственно къ Ллойдъ Джорджу — но потерпѣлъ неудачу.

22 февраля мною получена была отъ Н. Н. Покровскаго телеграмма, сводившаяся къ тому, что въ видахъ устраненія «мертвой точки», на которую стали переговоры, и для того, чтобы разсѣять впечатлѣніе о разладѣ между Союзниками, онъ находитъ возможнымъ предложить на обсужденіе Бальфура слѣдующую мысль, которая могла бы лечь въ основу нашего компромисса съ Италіей: Россія продолжаетъ настаивать на оставленіи Смирны за Турціей въ предположеніи, что вновь образуемое государство будетъ жизнеспособно; если же по ходу дѣлъ обнаружится, что оно жизнеспособностью не обладаетъ, и возникнетъ вопросъ о его ликвидаціи, то Россія согласится на присоединеніи къ Италіи Смирны при условіи, что Италія этимъ удовлетворится и предо-

ставитъ Союзникамъ свободу дѣйствій въ малоазіатскихъ дѣлахъ. Покровскій также передалъ мнѣ, что Соннино поручилъ послу въ Петроградѣ Карлотти передать ему сѣтованія на ту «обструкцію», которую, будто бы, я лично дѣлалъ на засѣданіяхъ всѣмъ притязаніямъ Италіи.

Предварительно какихъ либо объясненій съ Бальфуромъ я послалъ Покровскому пространную телеграмму, содержаніе которой сводилось къ слѣдующему: Указанія итальянскаго посла на несговорчивость державъ не соотвѣтствуютъ истинѣ. Перерывъ совѣщанія созданъ не нами, а Италіей, то есть ея посломъ въ Лондонѣ, отказавшимся обсуждать наше предложеніе и вынудившимъ насъ направить его въ Римъ. О составленномъ въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ меморандумѣ я высказался, что онъ написанъ «настолько исчерпывающе и основательно, что запасъ имѣющихся у итальянскаго посла знаній о географіи, естественныхъ богатствахъ и торгово-промышленныхъ возможностяхъ удѣляемой Италіи зоны оказался бы недостаточнымъ для опроверженія данныхъ меморандума, еслибы онъ взялся обсуждать его по существу». (Дѣйствительно, меморандумъ этотъ представлялъ собою документъ скорѣе научный, чѣмъ дипломатическій, и нужно было самому быть спеціалистомъ, чтобы обсуждать его). Далѣе, я указывалъ, что рѣшающій голосъ въ малоазіатскихъ дѣлахъ долженъ принадлежать Россіи и Англіи; что Россія,

Англія и Франція принесли дѣлу торжества права и свободы неизмѣримо большія жертвы, чѣмъ Италія; что дали Россіи Эрзерумъ и Трапезундъ русскія войска, а не предварительныя соглашенія, и что возникшее съ Италіей недоразумѣніе слѣдуетъ пытаться устранить путемъ передачи Италіи порта Мерсины, о чемъ телеграфировалъ нашъ посолъ въ Римѣ. Въ виду важности оставленія Смирны за Турціей по соображеніямъ, отнюдь, съ моей точки зрѣнія, не опровегнутымъ упрямствомъ Италіи — я считаю, что предложенная Покровскимъ уступка можетъ быть сдѣлана лишь тогда, когда всѣ остальные пути къ улаженію спора будутъ закрыты. На этихъ основаніяхъ я просилъ разрѣшенія выждать отвѣта Итальянскаго правительства на нашъ меморандумъ, прежде чѣмъ бесѣдовать съ Бальфуромъ, и указалъ на необходимость срочнаго отвѣта. Отвѣтъ этотъ былъ мною полученъ въ слѣдующей редакціи: «Раздѣляемъ высказанныя вами соображенія».

6-го марта итальянскій посолъ передалъ Бальфуру сообщенный затѣмъ послѣднимъ Камбону и мнѣ меморандумъ съ возраженіями противъ предложеннаго нами разграниченія. Центръ тяжести этихъ возраженій состоялъ въ указаніи на имѣющіеся во французской зонѣ оборудованные порты — Бейрутъ и Александретта — и на отсутствіе таковыхъ въ зонѣ итальянской, если въ нее не войдетъ Смирна.

Между тѣмъ, въ Италіи положеніе дѣлъ обо-

стрялось. Соннино нервничалъ, жаловался на образъ дѣйствій Союзниковъ, не желавшихъ удовлетворять итальянскія притязанія; онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что уже послѣ вступленія Италіи въ войну — между Франціей и Англіей было въ Saint Jean de Maurienne заключено тайное соглашеніе о дѣлежѣ Малой Азіи; соглашеніе, много мѣсяцевъ отъ Италіи тщательно скрываемое. Оппозиція, въ лицѣ главнымъ образомъ Джіолитти и Титтони, готовилась использовать малоазіатскій вопросъ для причиненія правительству серьезныхъ затрудненій и для попытки сверженія его. Правда, Соннино придерживался въ парламентѣ системы не отвѣчать на запросы и умалчивать о международныхъ соглашеніяхъ, но струна натягивалась — и даже нашъ посолъ, всегда осторожный въ своихъ предсказаніяхъ, допускалъ возможность министерскаго кризиса въ Италіи. Соннино, однако, удалось удержаться.

Между тѣмъ, въ Россіи произошла революція. Покровскаго замѣнилъ Милюковъ. На посланный мною 22 марта телеграфный запросъ о томъ, одобряетъ ли онъ высказанныя мною ранѣе соображенія о нежелательности уступокъ въ вопросѣ о Смирнѣ — на случай возобновленія переговоровъ — новый министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ мнѣ — много позже — телеграммой, гласившей, что «въ вопросѣ о Смирнѣ мы продолжаемъ оставаться на прежней точкѣ зрѣнія».

На прежней точкѣ зрѣнія стояла и Италія, что

не замедлило особенно рельефно обнаружиться на состоявшемся въ половинѣ апрѣля совѣщанiи англiйскаго, французскаго и итальянскаго министровъ въ Савойѣ. На этомъ совѣщанiи, имѣвшемъ главною цѣлью урегулированiе греческаго вопроса, — Соннино потребовалъ уступки уже не только Конiйскаго вилайета и Смирны, но и всего Смирнскаго вилайета. Рибо и Ллойдъ Джорджъ на его настоянiя отвѣтили лишь обѣщанiемъ довести о его требованiяхъ до свѣдѣнiя своихъ правительствъ.

Въ серединѣ мая Милюковъ ушелъ изъ состава правительства, и его замѣнилъ Терещенко. Вскорѣ затѣмъ итальянскiй посолъ въ бесѣдѣ съ нимъ коснулся вопроса о возобновленiи малоазiатскихъ совѣщанiй въ Лондонѣ. Терещенко отвѣтилъ, что въ принципѣ ничего противъ этого не имѣетъ, но что находитъ желательнымъ участiе въ нихъ русскаго посла (опять!) — относительно назначенiя котораго еще не было принято рѣшенiя . . . послѣ задержанiя на вокзалѣ Сазонова.

Потому ли, что посла въ Лондонъ назначить не удалось, или теченiе событiй на театрахъ войны отодвинуло вопросъ о малоазiатскомъ разграниченiи на заднiй планъ — переговоры въ Лондонѣ (при участiи русскаго представителя) не возобновлялись, и Смирна «по предварительному соглашенiю» уступлена Италiи не была.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА X.

25 октября (7 ноября) 1917 г. великобританское посольство въ Петроградѣ получило утромъ достовѣрныя свѣдѣнія о предстоящемъ въ этотъ день переворотѣ и арестѣ членовъ Временнаго правительства. Къ завтраку сэромъ Джорджемъ Бюкананомъ были приглашены Терещенко и, кажется, еще двое изъ состава Временнаго правительства. Посолъ сообщилъ о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ Терещенко, который беззаботно увѣрилъ его, что ничего подобнаго не будетъ, что правительствомъ приняты всѣ необходимыя мѣры, и оно вполнѣ «хозяинъ положенія». Не прошло шести часовъ, какъ Временное правительство было арестовано . . . за исключеніемъ Керенскаго. Снова, такимъ образомъ, какъ и прежде, русское посольство въ Лондонѣ узнало о переворотѣ въ Петроградѣ изъ агентскихъ телеграммъ.

Трудно въ конкретныхъ словахъ описать впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ извѣстіемъ о захватѣ власти въ Россіи Ленинымъ и Троцкимъ.

Всѣмъ, разумѣется, было ясно, что произошло событіе, безповоротно исключающее Россію изъ числа Союзныхъ державъ, ведущихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ борьбу противъ общаго врага. О томъ, что удалились со сцены Керенскій и его товарищи — жалѣть Союзникамъ не приходилось, ибо неспособность Временнаго правительства управлять Россіей была для всѣхъ очевидною. Захватъ власти людьми, нарочито «доставленными» изъ Германіи, возбуждалъ враждебное отношеніе и негодованіе противъ всего русскаго народа. Но ни общественное мнѣніе, ни правительство въ то время не имѣли понятія о томъ, до какихъ предѣловъ способна была дойти звѣрская разрушительность большевистскаго режима; въ то же время — преобладало убѣжденіе, что переворотъ есть явленіе кратковременное, что удержаться у власти Ленинъ, казалось бы, не имѣвшій никакой опоры въ народныхъ массахъ, — не сможетъ. Гадали, какъ скоро они будутъ въ свою очередь свергнуты, и кто ихъ замѣнитъ.

Русскіе люди были ошеломлены, но и въ ихъ средѣ немногіе отдавали себѣ отчетъ въ размѣрахъ постигшаго Россію позора и ужаса и въ длительности ихъ. «Дѣло нѣсколькихъ дней», — отзывъ, который чаще всего приходилось слышать и который, помнится, былъ данъ въ газетномъ интервью однимъ виднымъ русскимъ политическимъ дѣятелемъ.

Большевистскій переворотъ знаменуетъ собою

новую страницу въ исторіи англорусскихъ отношеній. Дальнѣйшему повѣствованію о тяжелыхъ временахъ, пережитыхъ русскими людьми въ Лондонѣ, и въ частности русскимъ посольствомъ, необходимо предпослать нѣкоторыя замѣчанія общаго характера, въ свѣтѣ которыхъ яснѣе будутъ происшедшія событія, колебанія и кажущіяся вопіющими нѣкоторыя дѣйствія Англійскаго правительства.

Слѣдуетъ при оцѣнкѣ событій неизмѣнно имѣть въ виду, что всѣ силы націи, всѣ шаги правительства были направлены къ одной цѣли — къ побѣдѣ надъ Германіей. Поэтому мнѣ представляется разумнымъ примѣнять къ истолкованію дѣйствій Англійскаго правительства двѣ различныя мѣрки сообразно двумъ періодамъ, на которые я подраздѣляю англо-русскія отношенія за послѣдніе два года, а именно: до 11-го ноября 1918 г., фактической даты окончанія войны, и послѣ этого дня.

«Россія перестала воевать, перестала быть нашей союзницей. Въ Россіи находятся полтора милліона военноплѣнныхъ-нѣмцевъ и австрійцевъ. Россія располагаетъ колоссальными боевыми запасами, полученными ею отъ насъ. Намъ слѣдуетъ, поэтому, приложить всѣ усилія къ тому, чтобы удержать правительство Ленина отъ передачи этого огромнаго числа боеспособныхъ непріятельскихъ солдатъ и боевого матеріала — Германіи. Для достиженія э т о й цѣли всѣ средства хороши». Таковъ, думается мнѣ, былъ ходъ мыслей и

девизъ Союзниковъ и главный руководящій мотивъ ихъ дѣятельности. Я не сомнѣваюсь, что будущій безпристрастный историкъ распознаетъ этотъ мотивъ и имъ оправдаетъ многое изъ того, что совершили Союзники (а въ особенности Англія и Франція) въ Россіи съ 7 ноября 1917 по 11 ноября 1918 года. Для насъ, русскихъ людей заграницею,трудно было въ эти жестокіе 12 мѣсяцевъ пріобрѣсти «историческую перспективу» . . . какъ трудно не стонать человѣку, котораго оперируютъ безъ хлороформа!

Въ особенности въ періодъ времени между заключеніемъ брестъ-литовскаго мира и осенними военными операціями Союзниковъ во Франціи, завершившимися полнымъ пораженіемъ Германіи — нельзя не понять и не оцѣнить всей трудности положенія Союзниковъ. Нѣмецкія войска были въ 50-и верстахъ отъ Парижа — гдѣ же было думать о «спасеніи Россіи»!!

Самообладаніе — характерное качество англичанъ — какъ отдѣльныхъ людей, такъ и общества — проявилось въ эти весенніе мѣсяцы 18-го года съ необычайной яркостью и силой. Всѣ сознательные элементы націи, правительство, печать, сама армія — чувствовали, что исходъ войны, а съ нимъ и судьба Европы — виситъ на волоскѣ. Еще удачный натискъ нѣмцевъ, еще крупный прорывъ фронта — и участь Франціи рѣшена. Какъ я уже указывалъ, въ Англіи понимали, что разгромъ Франціи равносиленъ побѣдѣ надъ Англіей. В с е годное

къ строю населеніе Англіи (исключая Ирландію) было уже призвано. Брали стариковъ: служившій у меня лакей, старше 50-и лѣтъ и совершенно глухой, былъ призванъ. Несмѣтное количество женщинъ служили уже въ различныхъ вспомогательныхъ корпусахъ. Словомъ — было ясно, что войну нужно вести имѣющимся на лицо живымъ матеріаломъ, убыль котораго свѣжими силами пополнена быть уже не можетъ. И за все это время не раздалось въ Англіи ни одного паническаго выкрика, ни одного ясно выраженнаго слова злобы и ненависти по отношенію къ русскому народу. Сравнивая это отношеніе къ намъ со стороны Англіи . . . съ тѣмъ, что приходилось испытывать и выслушивать въ это же время въ другихъ странахъ, я не могу, несмотря на всѣ послѣдующія ошибки англійскихъ государственныхъ людей, не признать, что по отношенію къ Россіи Англія проявила большее великодушіе, нежели другіе наши союзники.

Съ заключеніемъ перемирія въ ноябрѣ 1918 года обстановка радикально измѣнилась и съ этого момента политика Союзниковъ по отношенію къ Россіи можетъ подлежать разбору и критикѣ подъ инымъ угломъ зрѣнія. Насколько, до 11-го ноября, отсутствіе дальновидности и благородства могло быть оправдываемо безпокойствомъ и боязнью «за завтрашній день», — настолько же освобожденіе отъ германской угрозы налагало на Союзныя державы нравственный долгъ всѣми до-

ступными имъ средствами притти на помощь Россіи. Этого долга Союзники не исполнили. Будущее покажетъ, одна ли Россія окажется пострадавшею отъ этого коллективнаго грѣха нынѣшнихъ вершителей судебъ міра, — или и другіе народы Европы за грѣхи своихъ вождей подвергнутся тяжкимъ испытаніямъ и потрясеніямъ.

Согласно всѣмъ международнымъ традиціямъ и праву — паденіе Временнаго правительства означало прекращеніе формальныхъ полномочій представителей Россіи заграницею. Иностраннымъ державамъ предстоялъ, поэтому, выборъ между продолженіемъ неоффиціальныхъ (или полу-оффиціальныхъ) сношеній съ представителями послѣдняго законнаго Русскаго правительства и признаніемъ совѣтской власти, необходимымъ послѣдствіемъ котораго было бы прекращеніе дѣятельности прежнихъ русскихъ представителей и вступленіе большевистскихъ агентовъ въ должности представителей Россіи.

Державы Согласія, всѣ, кромѣ Англіи, избрали первый путь, причемъ отношенія правительства къ русскимъ представителямъ нѣсколько разнились въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а впослѣдствіи видоизмѣнялись въ силу измѣнявшихся обстоятельствъ. Въ Римѣ, Токіо и Вашингтонѣ — въ первые мѣсяцы послѣ переворота отношеніе правительствъ къ русскимъ посламъ остались по-

чти безъ перемѣны, и лишь въ Вашингтонѣ признано было необходимымъ установить нѣкоторый контроль надъ кредитами, принадлежавшими Россіи. Нѣсколько иное было положеніе В. А. Маклакова, назначеннаго Временнымъ правительствомъ, но не успѣвшаго представить своихъ ввѣрительныхъ грамотъ. Въ сношеніяхъ съ Французскимъ правительствомъ его личность, думается мнѣ, имѣла большее значеніе, чѣмъ званіе посла.

Англія вскорѣ послѣ переворота примѣнила нѣсколько иной методъ. А именно — на ряду съ русскимъ посольствомъ, на фонды котораго былъ наложенъ арестъ, которое лишено было права сноситься шифрованными телеграммами съ другими русскими учрежденіями заграницею, и которое подверглось всякого рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ, въ Лондонѣ появился (при обстоятельствахъ, уже упомянутыхъ въ главѣ V) «посолъ» отъ большевиковъ, Финкельштейнъ-Литвиновъ, съ которымъ министерство иностранныхъ дѣлъ имѣло постоянныя сношенія. Хотя этотъ «посолъ» официально признанъ не былъ, не подлежитъ сомнѣнію, что сношенія съ нимъ были оффиціальныя, и что онъ пользовался нѣкоторыми привилегіями (шифрами, правомъ посылать дипломатическихъ курьеровъ), которыхъ посольство было лишено, и которыми, разумѣется, частное лицо ни въ какомъ случаѣ надѣлено быть не могло.

На другой день послѣ полученія изъ Петрограда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ оффиціальнаго подтвержденія о сверженіи Временнаго правительства и захватѣ власти большевиками, я имѣлъ свиданіе съ Бальфуромъ. На мой вопросъ о томъ, будутъ ли продолжаться сношенія Великобританскаго правительства съ посольствомъ въ Лондонѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ, что хотя формально онъ не можетъ считать меня «представителемъ законнаго правительства», онъ всегда будетъ радъ видѣть меня и выслушивать отъ меня все, что я сочту нужнымъ ему сказать. Перейдя затѣмъ къ обсужденію положенія, я высказалъ Бальфуру мнѣніе, что желательно 1) приложить всѣ усилія къ поддержанію румынскаго фронта, гдѣ оставались еще не вполнѣ поддавшіяся всеобщему разложенію арміи русскія части, 2) немедленно принять мѣры къ отъѣзду изъ Россіи всѣхъ оффиціальныхъ представителей союзниковъ и въ томъ числѣ Англіи, съ передачею заботъ объ охранѣ и защитѣ подданныхъ Союзныхъ державъ представителямъ дружественныхъ нейтральныхъ державъ, и 3) изыскать способъ обратиться отъ имени Союзниковъ съ воззваніемъ къ русскому народу, которое указало бы всѣмъ сколько нибудь сознательнымъ элементамъ въ Россіи на всѣ тѣ бѣдствія, которыя причинитъ Россіи продолженіе режима ставленниковъ Германіи.

Передавая на другой день содержаніе своего

разговора съ Бальфуромъ французскому послу Камбону, я просилъ его поддержать эти мои предложенія предъ своимъ правительствомъ, и особенно настаивалъ на воззваніи къ Россіи. Посолъ отвѣтилъ мнѣ, что «воззваніе къ народу» со стороны иностраннаго государства — дѣло необычное, нарушающее дипломатическія традиціи, и поэтому врядъ ли осуществимое. Я возражалъ, что при нормальныхъ условіяхъ воздѣйствіе со стороны одного государства на общественное мнѣніе другого можетъ быть достигнуто путемъ опубликованія обращеній, адресованныхъ правительствамъ, но предназначенныхъ для народовъ; въ данномъ же случаѣ — когда нарушено нормальное теченіе жизни государства, возможно и уклоненіе отъ традиціонныхъ методовъ. Но убѣдить маститаго дипломата мнѣ не удалось. Мѣсяца два спустя, въ бытность мою на короткое время въ Парижѣ, я снова возбудилъ этотъ вопросъ въ разговорѣ съ давнишнимъ знакомымъ, американцемъ г. Кросби, въ то время стоявшимъ во главѣ американской финансовой миссіи въ Парижѣ, человѣкомъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ президента Вильсона. Кросби отнесся къ моему предложенію очень сочувственно, предложилъ мнѣ составить текстъ воззванія и обѣщалъ телеграфировать Вильсону. Отъ составленія воззванія я отказался, замѣтивъ, что Президентъ врядъ ли захочетъ писать подъ мою диктовку и самъ владѣетъ стилемъ въ достаточной мѣрѣ. Не

знаю, не получила ли эта мысль неправильнаго осуществленія въ извѣстномъ воззваніи, посланномъ въ Москву — не по адресу! — президентомъ Вильсономъ съѣзду совѣтовъ вскорѣ послѣ моей бесѣды съ г. Кросби.

Бальфуръ отвѣтилъ мнѣ, что помощь румынскому фронту — задача едва ли выполнимая не только по причинамъ техническимъ, но и въ силу невозможности оттянуть даже незначительныя силы отъ западнаго фронта. Что же касается отозванія англійскихъ представителей изъ Петрограда — Бальфуръ полагалъ, что слѣдуетъ предоставить рѣшеніе вопроса имъ самимъ, то есть сэру Джорджу Бюканану, въ зависимости отъ дальнѣйшихъ событій. Я возражалъ, что пребываніе англійскихъ оффиціальныхъ представителей несомнѣнно составитъ благопріятную почву для «шантажа», то есть, что большевики будутъ требовать признанія своихъ агентовъ и предоставленія имъ дипломатическихъ привилегій, угрожая въ случаѣ отказа репрессіями надъ англійскими представителями. Я указывалъ, что въ дѣлѣ защиты жизни и имущества англійскихъ подданныхъ англійскія дипломатическія и консульскія учрежденія врядъ ли смогутъ принести пользу, ибо разнузданные матросы и красногвардейцы, а за ними и всѣ прочіе подонки населенія столицы врядъ ли склонны будутъ уважать авторитетъ иностранной власти. Наконецъ, я самымъ серьезнымъ образомъ предостерегъ г. Бальфура, что жизнь и безопасность самого посла

и другихъ англійскихъ оффиціальныхъ лицъ несомнѣнно будутъ въ опасности, если они не воспользуются нѣкоторой растерянностью, царящею въ Петроградѣ, и во время не покинутъ Россію. Позднѣйшее убійство капитана Кроми и разгромы посольствъ и миссій — сперва англійскаго, а затѣмъ и другихъ, казалось бы, подтвердили правильность моего тогдашняго предостереженія! Сэръ Джорджъ Бюкананъ, какъ извѣстно, оставался еще нѣкоторое время въ Петроградѣ и выѣхалъ только тогда, когда ему стало вполнѣ очевидно, что большевики всецѣло служатъ орудіемъ Германіи, и что его дальнѣйшее пребываніе англійскаго посла въ Совдепіи безцѣльно и безполезно. Совѣтникъ посольства г. Линдлей, послы французскій и американскій, какъ извѣстно, не пропущены были «красными» черезъ финскій внутренній фронтъ и были «эвакуированы» сначала въ Вологду, затѣмъ послѣ цѣлаго ряда мытарствъ — въ Архангельскъ, а позднѣе — всѣ покинули Россію.

Послѣ захвата Троцкимъ министерства иностранныхъ дѣлъ, естественно, прекратились всякія сношенія русскихъ посольствъ и миссій съ Петроградомъ. Произошла «всеобщая забастовка» служащихъ, и только нѣкто Доливо-Добровольскій, изъ II-го департамента, оставшись на службѣ у большевиковъ, прислалъ намъ нѣсколько дѣловыхъ телеграммъ, на которыя посольство не отвѣчало. На циркуляръ Троцкаго, предлагавшій признать большевистское правительство и при-

нять на себя его представительство — посольство въ Лондонѣ, разумѣется, не отвѣтило. Насколько мнѣ извѣстно, Троцкій получилъ отвѣтъ только отъ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лиссабонѣ, русскаго барона Унгернъ-Штернберга. Послѣдній прислалъ и мнѣ копію своего отвѣта, на что получилъ отъ меня открытую телеграмму, извѣщавшую, что поступокъ его я считаю предательствомъ и прекращаю съ нимъ всякія сношенія.

Любопытно, что въ своемъ обращеніи къ представителямъ Россіи Троцкій указывалъ на предѣльную сумму жалованья, которую они сохранили бы, оставшись на службѣ у большевиковъ; онъ, повидимому, допускалъ возможность того, что нѣкоторые изъ насъ признаютъ большевистскій режимъ. Изъ состава министерства иностранныхъ дѣлъ только, кажется, нѣсколько въ свое время обиженныхъ начальствомъ — ибо оказавшихся непригодными — чиновъ консульской службы въ Персіи — превратились въ большевистскихъ дипломатовъ. Слѣдуетъ безусловно поставить въ заслугу петроградскимъ чиновникамъ ихъ бойкотъ большевиковъ; они рисковали состояніемъ и даже, вѣроятно, жизнью, между тѣмъ какъ со стороны нашей, представителей Россіи заграницею, рискъ былъ лишь «отдаленный» — рискъ потери имущества, находившагося въ Россіи. Когда появилось въ лондонскихъ газетахъ извѣстіе, что мои «имѣнія» конфискованы и что я, вмѣстѣ съ Маклаковымъ, Крупенскимъ и другими долженъ

явиться на революціонный судъ — я получилъ рядъ соболѣзнующихъ писемъ отъ друзей-англичанъ, которыхъ утѣшилъ отвѣтомъ, что никакого имущества большевики конфисковать не могутъ, ибо у меня таковаго въ наличности не имѣется.

Вскорѣ затѣмъ начались попытки со стороны Троцкаго навязать иностраннымъ державамъ большевистскихъ «пословъ» и «посланниковъ». Изъ нейтральныхъ державъ, кажется, только Швеція и Швейцарія допустили большевистскія «миссіи», причемъ въ Бернѣ прекращены были всякія сношенія съ представителями Временнаго правительства, которые вынуждены были даже выѣхать изъ помѣщенія миссіи и предоставить его бандѣ пьяныхъ авантюристовъ, называвшихъ себя представителями Совдепіи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя имѣло мѣсто «выселеніе» этой банды изъ Швейцаріи при обстановкѣ, отъ которой стыдно должно быть не намъ, а Швейцарскому правительству.

Большевистскихъ «пословъ» «en fonctions» было двое: въ Лондонѣ — Финкельштейнъ и въ Берлинѣ — Іоффе.

Телеграмма Троцкаго, извѣщавшая Финкельштейна-Литвинова о его назначеніи, была опубликована во всѣхъ газетахъ. Въ погонѣ за сенсаціей, вся пресса отвела этому знаменательному факту почетное мѣсто на своихъ столбцахъ. Появились портреты Литвинова, его жены (англійской еврейки), его біографія и такъ далѣе. Безчисленные

«интервью» новоявленнаго «дипломата» печатались ежедневно.

Нѣсколько позднѣе — забѣгаю впередъ, чтобы не возвращаться болѣе къ вопросу о представительствѣ Совдепіи внѣ Англіи — сдѣлана была попытка прислать въ Парижъ большевистскаго посла, каковымъ былъ назначенъ Каменевъ. Англійское правительство, не справившись предварительно во Франціи о томъ, будетъ ли Каменевъ принятъ, разрѣшило ему въѣздъ въ Англію. Узнавъ объ этомъ, я спросилъ одного изъ старшихъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, справедливо ли извѣстіе о данной Каменеву визѣ въ Англію, и думаетъ ли министерство, что Французское правительство допуститъ большевистскаго агента въ Парижъ. «Сомнѣваюсь», отвѣчалъ онъ. «Тогда какой же смыслъ», спросилъ я, «пускать его въ Англію, гдѣ онъ несомнѣнно займется зловредною пропагандой»? Мой собесѣдникъ сталъ объяснять мнѣ, что симпатизирующая большевикамъ группа соціалистовъ въ палатѣ настаиваетъ на пропускѣ Каменева. Долженъ признаться, что по этому случаю впервые я не выдержалъ «дипломатическаго» тона и сказалъ своему собесѣднику: «Вы влѣзли въ грязь и въ этой грязи выпачкались». Визитъ Каменева въ Англію окончился, однако, довольно плачевно. Получивъ категорическое заявленіе Клемансо, что Каменевъ во Францію допущенъ не будетъ, и видя, что пребываніе его въ Англіи ведетъ къ усиленію пропаган-

ды большевизма, англійскія власти въ концѣ концовъ рѣшились его водворить обратно въ Россію, причемъ дѣло не обошлось безъ протестовъ со стороны Каменева и его спутниковъ, такъ что пришлось даже, какъ я слышалъ потомъ отъ «властей», непосредственно участвовавшихъ въ дѣлѣ выпроваживанія русскихъ гостей, примѣнить нѣкотораго рода вѣжливое насиліе.

Очутившись въ положеніи представителя «бывшаго» правительства, я счелъ необходимымъ искать опоры и помощи русскихъ круговъ въ Лондонѣ. Прежняя изолированность посольства и оторванность его отъ русскаго общественнаго мнѣнія, отмѣченныя мною выше, уже въ значительной степени были устранены со времени революціи. За восемь мѣсяцевъ существованія Временнаго правительства произошла большая перемѣна въ этихъ взаимоотношеніяхъ, и мнѣ казалось, что цѣль превращенія посольства въ подлинный «центръ», доступный и пріемлемый для русскихъ людей «всякаго званія» и независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій — была уже до нѣкоторой степени достигнута. Одною изъ первыхъ моихъ задачъ послѣ большевистскаго переворота было достичь полнаго объединенія русскихъ людей въ вопросѣ объ отношеніи къ этому событію. Съ

этою цѣлью я собралъ въ посольствѣ въ послѣднихъ числахъ ноября засѣданіе изъ представителей русской общественности и бюрократіи, на которомъ принята была составленная мною нижеслѣдующая резолюція:

«Мы, граждане возрожденной Россіи, живущіе заграницею, не можемъ остаться молчаливыми свидѣтелями униженія и позора, причиненныхъ родинѣ узурпаторами, преступно захватившими власть путемъ насилія и предательства; провозглашая справедливость и свободу, они въ дѣйствительности ведутъ къ насилію и деспотизму. Они успѣли уже принести разореніе и крамолу, и быстро ведутъ Россію къ гибели.

Для того, чтобы нарушить братскій союзъ съ западными демократіями и расчленить Великую Россію, отдавъ ее въ руки Германіи, они порвали священный договоръ, заключенный Россіей съ Союзниками, и, по ихъ собственному выраженію, «бросили въ корзину» этотъ договоръ. Отовсюду — со всѣхъ концовъ Россіи — доходятъ къ намъ вѣсти о возмущеніи и противодѣйствіи противъ этого насильственнаго захвата власти, и мы считаемъ своимъ долгомъ присоединиться къ этому движенію и заявить, что преступная кучка не смѣетъ говорить отъ имени русскаго народа. Мы, русскіе граждане въ Великобританіи, сознаемъ, что дѣятельная помощь, которую мы можемъ принести нашимъ согражданамъ въ Россіи въ борьбѣ противъ предателей — не можетъ быть значитель-

ной, благодаря тому, что мы находимся вдали отъ нихъ. Мы тѣмъ не менѣе даемъ зарокъ объединиться и использовать всѣ доступныя намъ средства для того, чтобы активно бороться съ измѣнниками, нынѣ съ помощью врага губящими честь, независимость, единство и свободу Россіи. Въ этой борьбѣ мы расчитываемъ на отзывчивую поддержку всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, не подчиняющихся волѣ захватчиковъ власти и своимъ геройскимъ сопротивленіемъ поддерживающихъ въ насъ и нашихъ союзникахъ вѣру въ скорое торжество правды и свободы».

(У меня подъ рукою только англійскій текстъ резолюціи, такъ что въ вышеприведенномъ переводѣ могутъ быть несоотвѣтствія съ оригиналомъ, который я составилъ одновременно на обоихъ языкахъ).

Резолюція была сообщена лондонской печати черезъ агентство Рейтера, передавшаго ее также въ Парижъ. Только газета «Morning Post» помѣстила ее цѣликомъ, причемъ «не нашлось мѣста» для всѣхъ подписей. По поводу этого моего шага — открытаго, публичнаго заявленія отъ имени представителя Россіи, поддержаннаго русскою общественностью въ Лондонѣ — о нашей рѣшимости всѣми доступными намъ средствами вести борьбу противъ большевистскаго режима — сразу обнаружилось разномысліе между англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и мною. Они опредѣленно «не одобрили» этого выступленія,

считая, что «полемика» наша съ одержавшимъ въ Россіи верхъ режимомъ «противна дипломатической традиціи» и является для нихъ затрудненіемъ.

ГЛАВА XI.

Въ теченіе ноября 1917 года нашимъ посломъ въ Парижѣ Маклаковымъ и мною была одновременно сдѣлана попытка установить полную согласованность дѣйствій между представителями Россіи заграницею, въ особенности же между представителями при державахъ Согласія. Этого единства, однако, не удалось достичь. Сразу же обнаружилось несогласіе во взглядахъ между Маклаковымъ, Гирсомъ и Бахметевымъ съ одной стороны, — и мною. Всѣ трое считали, что слѣдуетъ «выждать событій», не предпринимать никакихъ «слишкомъ рѣшительныхъ» мѣръ, и «въ случаѣ образованія въ Россіи какой-либо коалиціи или компромисса между большевиками и другими партіями — выждать ихъ програмнаго отношенія къ войнѣ, сообразоваться съ отношеніемъ къ такому компромиссу Союзниковъ» и тому подобное. Въ отвѣтъ на полученныя мною телеграммы въ этомъ смыслѣ отъ Маклакова, Гирса и Бахметева, я телеграфировалъ Маклакову слѣдующее:

«Въ виду того, что въ телеграммахъ Гирса и Бахметева имѣется указаніе на то, что они раздѣ-

ляютъ вашу точку зрѣнія на возможность образованія новаго правительства на почвѣ соглашенія съ большевиками, и на наше отношеніе къ этому исходу, считаю долгомъ высказать слѣдующее. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что въ глазахъ Англійскаго правительства и общественнаго мнѣнія, такое правительство, если бы оно и было формально признано ради избѣжанія полнаго разрыва съ Россіей, ни престижемъ, ни авторитетомъ, ни довѣріемъ пользоваться не могло бы. Говорить и дѣйствовать отъ имени такого правительства здѣсь было бы поэтому задачею, которую я ни въ коемъ случаѣ не могъ бы взять на себя. Въ настоящій моментъ, разумѣется, ничего предрѣшать нельзя. Но я считаю, что только такое правительство способно будетъ возстановить честь и силу Россіи, которому обезпечено будетъ полное довѣріе и помощь Союзниковъ. Поскольку это соображеніе способно повліять на тѣхъ людей въ Россіи, кто возьметъ власть, узурпированную большевиками, — мнѣ кажется, что намъ нужно будетъ его высказать вполнѣ опредѣленно, если къ тому представится возможность».

Послѣ этого обмѣна телеграммъ, переговоры между тремя названными послами и мною по принципіальнымъ вопросамъ свелись на нѣтъ. Большинство русскихъ представителей въ союзныхъ и нейтральныхъ странахъ высказали мысль о желательности предоставить Маклакову «руководство» нашими дѣйствіями. Считая, съ одной стороны,

что по формальнымъ основаніямъ такое руководство должно бы — въ случаѣ его необходимости и цѣлесообразности — принадлежать Гирсу, какъ старѣйшему и «надлежаще аккредитованному» послу Россіи, а съ другой — усматривая, что по принципіальнымъ соображеніямъ я не въ состояніи былъ бы принимать директивъ, выполненіе которыхъ сопряжено было бы съ «компромиссами», — я опредѣленно высказался противъ какого бы то ни было руководства изъ Парижа. Прошло нѣсколько недѣль, и вопросъ потерялъ практическое значеніе, ибо Англійское правительство лишило меня права пользоваться шифромъ для сношеній съ моими товарищами по службѣ заграницею.

Начавшись 7 ноября 1917 года — свыше 12 мѣсяцевъ длился періодъ полной «автономіи» или, выражаясь по модному, «самоопредѣленія» русскаго посольства въ Лондонѣ. Правительства, отъ котораго посольство получало указанія — не существовало. Всѣ мои дѣйствія, всѣ сношенія съ англичанами предпринимались исключительно на основаніи моего личнаго сужденія. Само собою разумѣется, что въ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ пришлось работать, я не могъ обойтись безъ поддержки и содѣйствія русскихъ общественныхъ силъ въ Лондонѣ, съ которыми въ теченіе всего этого страднаго времени я сохранялъ самое тѣсное соприкосновеніе. Наиболѣе цѣнными моими совѣтниками, людьми, придававшими мнѣ бодрость духа и ясность мысли за

это время, людьми, которымъ я до конца жизни буду благодаренъ за оказанную ими мнѣ нравственную поддержку, были: бывшій корреспондентъ «Новаго Времени» Г. С. Веселицкій-Божидаровичъ (82-хъ лѣтній старикъ, человѣкъ совершенно исключительныхъ ума, сердца и знаній), давнишній мой другъ Г. А. Виленкинъ (бывшій русскій финансовый агентъ въ Лондонѣ, Вашингтонѣ и Токіо), С. Л. Поляковъ—Литовцевъ («Русское Слово») и лейтенантъ Абаза — свѣтлѣйшій образецъ самозабвеннаго патріотизма. Въ моменты тягчайшихъ испытаній, въ тѣ мрачные дни, когда я начиналъ терять вѣру въ благородство англичанъ и въ возможность дальнѣйшей работы на пользу Россіи подъ знаменемъ вѣрности ея союзу съ Англіей, когда мнѣ начинало казаться, что прекращеніе всякихъ сношеній съ англичанами со стороны посольства принесетъ меньше ущерба Россіи, чѣмъ заслуженныхъ затрудненій и возмездія англичанамъ за ихъ издѣвательства надъ нами — эти люди своимъ совѣтомъ, помощью и болѣе покорнымъ патріотизмомъ, нежели мой, словомъ, «благоразуміемъ», минутами покидавшимъ меня подъ вліяніемъ болѣзненно испытуемой національный гордости — не разъ уберегли меня отъ непоправимыхъ шаговъ.

Прошло 2 мѣсяца. Большевики заключили перемиріе съ Германіей, и послѣдовало объявленіе о предстоящихъ мирныхъ переговорахъ въ Брестъ-Литовскѣ. Въ то же время выяснилось съ несомнѣнностью, что захватъ власти большевиками не

есть «чудовищный эпизодъ», который продлится 4—5 дней. Люди, еще 25-го октября увѣрявшіе иностраннаго посла, что они «хозяева положенія» — сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Вчерашній кумиръ толпы, неудавшійся Наполеонъ — Керенскій — исчезъ безслѣдно (къ своему собственному несчастью, онъ «всплылъ» въ Англіи 6 мѣсяцевъ спустя). И никто не поднимался въ защиту этихъ воспріемниковъ «свободной Россіи». Стало ясно, что русскій народъ, доведенный чрезмѣрными жертвами и усиліями до состоянія изнеможенія и желающій только одного — окончанія войны — не пойдетъ ни за кѣмъ, кто попытается отнять власть у большевиковъ во имя «вѣрности союзникамъ». Отнявъ у арміи лозунгъ «за Царя», — Временное правительство не сумѣло замѣнить его лозунгомъ «за отечество». Приказавъ «нести знамена» въ обозѣ, военный министръ Временнаго правительства лишилъ саратовскихъ и пензенскихъ мужиковъ стимула воевать съ нѣмцами за Виленскую губернію. Тотъ стягъ, съ котораго Временное правительство смыло двуглаваго орла, на мѣстѣ котораго оно пыталось разрисовать непонятныя русскому солдату слова: «равенство, братство, свобода» — стягъ этотъ большевики сорвали, скомкали и бросили въ кроваво-помойную яму, а на мѣсто его выбросили лозунгъ: «ступай домой, а на пути грабь и убивай, кого хочешь».

Стало ясно также, что культурные элементы въ

Россіи оказались вполнѣ изолированными и безсильными.

Передъ Англіей всталъ вопросъ: не цѣлесообразно ли было бы войти въ оффиціальныя сношенія съ совѣтскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы оказать посильное вліяніе на ходъ брестъ-литовскихъ переговоровъ. Этимъ, мнѣ кажется, объясняется тотъ фактъ, что въ февралѣ 1918 года признаніе совѣтской власти не только обсуждалось между Союзниками, но было весьма близко къ осуществленію.

Къ этому времени относится первая и единственная попытка большевистскаго «посла» Финкельштейна (Литвинова) водвориться въ русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и заставить насъ прекратить нашу дѣятельность. Попытка эта сдѣлана была слѣдующимъ путемъ: ко мнѣ обратился по телефону нѣкто В. А. Крысинъ (членъ правленія народнаго банка, кооператоръ) съ просьбою «принять его по дѣлу». Такъ какъ я поставилъ себѣ непреложнымъ правиломъ принимать всѣхъ соотечественниковъ, обращавшихся ко мнѣ, и поручать разговоръ съ ними совѣтнику или первому секретарью посольства только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло входило всецѣло въ компетенцію канцеляріи посольства, — я попросилъ г. Крысина притти на другой день. Явившись въ назначенный часъ, онъ предъявилъ мнѣ письмо отъ Финкельштейна (подписанное: Максимъ Литвиновъ). Г. Крысинъ чрезвычайно волновался; губы его дрожали, и онъ уси-

ленно старался принять «уничтожающій» тонъ, разбивавшійся однако, къ вящшему его смущенію, о добродушно-любезную иронію, съ которою я обращался къ этому растерянному болванчику въ рукахъ несуразнаго, трагическаго паяца-еврея — эмигранта, притворявшагося представителемъ Россіи. (Я считаю, что положеніе «Литвинова» было поистинѣ трагическимъ: въ то время, какъ онъ, будучи несомнѣнно человѣкомъ неглупымъ, не могъ принимать самого себя въ серьезъ, великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ — excusez du peu! — сносилось съ нимъ оффиціально!!). Въ письмѣ «Литвинова» (для краткости буду въ послѣдующемъ изложеніи называть Финкельштейна Литвиновымъ въ кавычкахъ) заключалось предложеніе «передать ему посольство», мотивированное тѣмъ, что Временное правительство болѣе не существуетъ и власть въ Россіи принадлежитъ большевикамъ. На мой вопросъ, что собственно г. Литвиновъ подразумѣваетъ подъ «передачею посольства», Крысинъ отвѣчалъ: «Англійское правительство очень дорожитъ тѣмъ, чтобы имѣть сношенія съ совѣтской властью. Для установленія этихъ сношеній представитель совѣтской власти долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи надлежащій «аппаратъ», то есть зданіе посольства, личный составъ, архивы, шифры и фонды». «Зачѣмъ вамъ шифры?» спросилъ я. «Вѣдь г. Бронштейнъ-Троцкій проповѣдуетъ принципъ открытой дипломатіи». — «Бываютъ такія важ-

ныя сообщенія», отвѣчалъ Крысинъ, «въ полученіи которыхъ Троцкому долженъ принадлежать пріоритетъ; отъ него будетъ зависѣть, опубликовывать ли или нѣтъ такого рода сообщенія». «Если Англійское правительство — въ чемъ я не сомнѣваюсь — дорожитъ переговорами съ Троцкимъ — я увѣренъ, что оно приметъ мѣры къ секретной передачѣ ему своихъ сообщеній. Но я способствовать этому любовному дуэту не могу. Кромѣ того, зданіе посольства, личный составъ, архивы, шифры, фонды посольства были мнѣ ввѣрены законнымъ Русскимъ правительствомъ, и я считалъ бы измѣною по отношенію къ Россіи и къ власти — передачу чего бы то ни было въ руки представителя банды измѣнниковъ Россіи. Если бы эта шайка была Англійскимъ правительствомъ признана законною россійскою властью — для меня такое признаніе не было бы обязательно, и я конечно принялъ бы всѣ мѣры къ тому, чтобы ввѣренное мнѣ достояніе Русскаго государства осталось въ сохранности и не попало въ руки измѣнниковъ». — «Это ваше послѣднее слово?» — спросилъ Крысинъ. «Разумѣется. Такъ и передайте г. Литвинову». Крысинъ удалился. Одновременно съ его визитомъ ко мнѣ — въ генеральное консульство (помѣщающееся въ другомъ кварталѣ Лондона) явился другой посланецъ съ требованіемъ «передачи», причемъ заявилъ, что «Набоковъ сегодня передаетъ посольство «Литвинову». Генеральный консулъ (А. М. Ону), разумѣется, этому

не повѣрилъ и выпроводилъ большевистскаго посланца. Послѣ этого эпизода до насъ дошелъ слухъ, что большевики собираются произвести «набѣгъ» на посольство и захватить его силою. Лично я сомнѣваюсь, что такое намѣреніе существовало — но для огражденія отъ возможности всякихъ попытокъ въ этомъ направленіи отдалъ распоряженіе, чтобы по прошествіи присутственныхъ часовъ ворота, ведущія въ посольство, запирались; полицейскія власти по собственной иниціативѣ поставили къ воротамъ второго «полисмэна» — и дальнѣйшихъ покушеній на «захватъ» посольства сдѣлано не было.

Англійское правительство понимало, что только въ случаѣ признанія большевистскаго правительства и полнаго прекращенія сношеній съ представителями Временнаго правительства возможно удаленіе наше изъ посольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что мы потеряли право голоса въ международныхъ дѣлахъ, оно пришло къ заключенію о своевременности примѣненія къ посольству цѣлаго ряда стѣснительныхъ мѣръ. Послѣдовалъ отказъ въ пользованіи шифромъ, превратившій «автономію» посольства въ полную его изолированность; конфискованы были всѣ деньги, числившіяся на текущемъ счету посольства и другихъ русскихъ правительственныхъ установленій въ Лондонѣ, и произошло «принудительное» закрытіе русскаго правительственнаго комитета.

Пріемы, примѣненные Англійскимъ правитель-

ствомъ при закрытіи русскаго правительственнаго комитета и конфискаціи русскихъ кредитовъ были таковы, что даже теперь, два года спустя, вспоминать о нихъ — мучительно.

Закрывая правительственный комитетъ, задачею котораго было снабженіе русской арміи, правительство по существу было совершенно право. Нельзя также отрицать того, что комитетъ, по своей организаціи, по чрезмѣрной величинѣ окладовъ, получаемыхъ отъ мала до велика всѣми служащими, общее число которыхъ превышало 700 — нуждался въ коренныхъ преобразованіяхъ. Бывшій во главѣ комитета генералъ Э. К. Гермоніусъ — человѣкъ безупречный, стоящій выше всякаго подозрѣнія въ смыслѣ честности и добросовѣстности, не имѣлъ возможности вникать во всѣ детали административнаго характера и достаточно строго слѣдить за личнымъ составомъ комитета, въ которомъ были «черныя овцы». Въ своихъ телеграммахъ и донесеніяхъ Временному правительству я неоднократно указывалъ на эти недостатки комитета, на слишкомъ щедрое расходованіе имъ казенныхъ суммъ, и просилъ о назначеніи ревизіи. Но, какъ и въ вопросѣ о смѣнѣ военнаго агента, престарѣлаго генерала Ермолова, совершенно непригоднаго къ несенію обязанностей этого поста — такъ и тутъ всѣ мои представленія, къ несчастью, остались неуслышанными. За исключеніемъ описаннаго выше комическаго «номера», — посѣщенія Лондона коммиссаромъ С. и 2—3 мелкихъ чиновниковъ, при-

сланныхъ изъ Россіи съ ограниченными полномочіями — Русское правительство не сдѣлало ни малѣйшей попытки ближе ознакомиться съ дѣятельностью комитета. Все это, однако, не можетъ служить оправданіемъ тому грубому «наложенію рукъ», которому подвергся комитетъ со стороны Англійскаго правительства. Подробный докладъ объ этомъ актѣ насилія, составленный отвѣтственными членами комитета, несомнѣнно будетъ со временемъ опубликованъ, и я поэтому считаю неумѣстнымъ въ настоящихъ своихъ запискахъ болѣе подробно останавливаться на этомъ печальномъ инцидентѣ.

Фонды наши были конфискованы безъ остатка, включая всѣ суммы, стоявшія на текущемъ счету посольства. За исключеніемъ небольшой суммы, къ счастью, бывшей на личномъ текущемъ счету перваго секретаря посольства, мы оказались такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Правительство, однако, заявило мнѣ, что имѣетъ намѣреніе «поддерживать» насъ. Признаюсь, что всѣ связанные съ матеріальнымъ обезпеченіемъ посольства переговоры мои съ правительствомъ, запросы въ палатѣ и комментаріи печати — одно изъ самыхъ болѣзненныхъ, жгучихъ воспоминаній всего этого страднаго періода.

Согласно смѣтѣ, утвержденной Временнымъ правительствомъ, на расходы посольства — содержаніе штата посольства, прислуги, канцеляріи, плата за отопленіе, освѣщеніе, и такъ далѣе, включая

содержаніе церкви — ежемѣсячное ассигнованіе было 829 фунтовъ стерлинговъ. Предвидя, что англійское казначейство, опасаясь запросовъ въ палатѣ, будетъ возражать противъ заимообразнаго ассигнованія всей указанной суммы, я взялъ иниціативу, обратившись съ письмомъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ представилъ сильно сокращенную смѣту. Мотивировалъ я это сокращеніе «нежеланіемъ отягощать казначейство излишнимъ бременемъ заимообразной выплаты намъ содержанія въ полномъ размѣрѣ». Въ отвѣтъ я получилъ извѣщеніе, что мнѣ будетъ выплачиваться сумма въ 286 ф. ст. на жалованье личному составу (повѣренный въ дѣлахъ, совѣтникъ посольства, 1-ый секретарь, 2 вторыхъ секретаря, четверо причисленныхъ, письмоводитель и англійская стенографистка-переписчица), 200 — на содержаніе дома (8 человѣкъ прислуги — минимальное число по сравненію съ размѣрами помѣщенія, уголь, электричество, канцелярскія принадлежности, телефонъ, телеграммы, почтовые расходы и такъ далѣе) и 100 фунтовъ на церковь (вмѣсто полагавшихся по штату 286 — на священника, діакона, псаломщика, пѣвчихъ и содержаніе церковнаго дома), причемъ было прибавлено, что ассигнованіе на церковь временное, ибо таковая должна, по мнѣнію казначейства, содержаться на счетъ прихожанъ.

Смѣты военной и морской агентуръ были также подвергнуты безпощадной урѣзкѣ, такой, которая

вынудила бы эти агентуры прекратить свое существованіе, еслибы въ ихъ распоряженіи не оказалось нѣкоторыхъ суммъ, отчетомъ въ коихъ онѣ будутъ обязаны возстановленному въ Россіи законному правительству, а не англичанамъ.

Вскорѣ затѣмъ вопросъ о денежной помощи, оказываемой Англійскимъ правительствомъ представителямъ бывшаго Временнаго правительства, привлекъ вниманіе сочувствующихъ большевикамъ членовъ палаты общинъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что постоянно дѣлавшіеся въ палатѣ запросы на эту тему диктовались русскими большевистскими агентами въ Лондонѣ. Имя русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ упоминалось со всевозможными комментаріями пренебрежительнаго характера. Въ то время, какъ лидеры большевиковъ въ Петроградѣ и Москвѣ при своихъ выступленіяхъ въ совразбдепахъ глумились надъ державами Согласія и ихъ правительствами — въ англійской палатѣ болѣе утонченному издѣвательству подвергалось представительство анти-большевистской Россіи. Ни разу за все это время ни одинъ представитель правительства (не говоря уже о прочихъ членахъ палаты) не счелъ нужнымъ указать, что русскій повѣренный въ дѣлахъ остается на своемъ посту по чувству долга, и что личныя нападки на него не только, поэтому, неумѣстны съ точки зрѣнія международной вѣжливости, но по существу неприличны. Отвѣчая на одинъ изъ подобнаго рода запросовъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ

лордъ Робертъ Сесиль однажды заявилъ, что «г. Набоковъ получаетъ субсидію (a grant) отъ Великобританскаго правительства». Попросивъ на другой день свиданія съ нимъ, я указалъ, что въ той формѣ, въ которой онъ отвѣтилъ на запросъ, кроется недомолвка, извращающая существо дѣла. Въ качествѣ русскаго представителя, призваннаго по мѣрѣ силъ отстаивать интересы Россіи — той Россіи, которая остается вѣрной союзу съ Англіей, — я, разумѣется, нахожусь въ не полноправномъ положеніи въ силу того, что большевики захватили власть. Но пока это правительство захватчиковъ не признано, пока я продолжаю имѣть сношенія съ Англійскимъ правительствомъ, я долженъ сохранить уваженіе русскихъ людей и самихъ англичанъ. Милостыни (а что такое «субсидія», какъ не милостыня) я поэтому принимать не могу, не могу допустить, чтобы кто бы то ни было имѣлъ право сказать, что я состою на содержаніи иностраннаго правительства. Заимообразно я могу принимать суммы, которыя будутъ зачислены въ національный долгъ Россіи, составляя къ этому долгу очень незначительный придатокъ. «Не упомянувъ о заимообразномъ характерѣ ссуды», сказалъ я лорду Роберту, «вы дали поводъ къ толкованію, несовмѣстимому съ моимъ достоинствомъ не только какъ представителя Россіи, но какъ уважающаго себя русскаго человѣка». Лордъ Робертъ Сесиль призналъ свою ошибку, но первоначально предложилъ исправить ее путемъ

отвѣта на оффиціальную ноту протеста, адресованную Бальфуру, копію которой я предъявилъ ему при нашемъ разговорѣ. Онъ при этомъ замѣтилъ, что поднятіе вновь этого вопроса въ палатѣ грозило бы дальнѣйшими «непріятными комментаріями» по моему адресу. «Повѣрьте», отвѣчалъ я, «я уже настолько привыкъ къ тому, что мое имя треплется въ палатѣ общинъ, что лишній разъ это меня не пугаетъ. Но вы сдѣлали заявленіе публично и вамъ, казалось бы, слѣдовало бы публично же его исправить». Съ этимъ доводомъ онъ согласился и черезъ нѣсколько дней на вторичный запросъ отвѣтилъ въ должномъ смыслѣ.

Вспомоществованія эти длились немного болѣе года и прекратились 31-го марта 1919 года, когда стали поступать къ намъ ассигнованія отъ Омскаго правительства. За это время мы (то есть всѣ русскія учрежденія въ Лондонѣ) получили заимообразно около 190 000 ф. ст. И по поводу этой сравнительно ничтожной суммы мы воистину испили до дна чашу униженія.

Къ тому же времени — ранней веснѣ 1918 г. — относится другая мѣра Англійскаго правительства, которая будетъ всесторонне освѣщена русскому общественному мнѣнію въ свое время, когда будетъ написана подкрѣпленная документами подробная исторія нашихъ отношеній съ Англіей. Я разумѣю реквизицію русскаго торговаго флота. Описаніе тѣхъ пріемовъ, которые были примѣнены англи-

чанами при этой реквизиціи, обращенія ихъ съ командами, русскимъ флагомъ и такъ далѣе, заняло бы цѣлый томъ. По существу, опять-таки, англичане были правы. Суда, рисковавшія благодаря броженію командъ перейти къ непріятелю, лишенныя возможности въ то время обслуживать Россію, заключившую миръ съ Германіей — естественно было обратить на нужды войны. Все дѣло было въ томъ, как ъ они были захвачены. Мнѣ пришлось выдержать тяжелую борьбу съ нѣкоторыми соотечественниками, ближайшимъ образомъ прикосновенными къ этому дѣлу, настаивавшими на томъ, что мнѣ слѣдуетъ «рѣзко протестовать» и противиться этому захвату. Сознавая, что рѣзкіе протесты лишь тогда достигаютъ цѣли, когда за предъявляющимъ ихъ дипломатомъ стоитъ правительство, способное поддержать этотъ протестъ, — я вынужденъ былъ избрать методъ устныхъ протестовъ и письменныхъ «представленій» и переговоровъ. Въ результатѣ этихъ переговоровъ я получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что реквизированныя суда будутъ намъ возвращены, какъ только окончится война или установится въ Россіи такое правительство, которое будетъ признано и сможетъ принять на себя распоряженіе русскими судами. Слѣдуетъ отмѣтить, что Англійское правительство лояльно выполнило это обязательство. Непоправимыми остались, конечно, ошибки, сдѣланныя имъ по отношенію къ офицерскому составу

и командамъ нѣкоторыхъ судовъ, которыхъ снимали и съ большою поспѣшностью выселяли изъ Англіи на сѣверъ Россіи. Нѣкоторые эпизоды, связанные съ этими реквизиціями, не скоро изгладятся изъ памяти ихъ свидѣтелей и участниковъ.

ГЛАВА XII.

Одновременное присутствіе въ Лондонѣ представителей Временнаго правительства и совѣтской власти было, разумѣется, явленіемъ ненормальнымъ и порождало ежедневныя затрудненія и недоразумѣнія. Но были послѣдствія и болѣе серьезныя. Приведу въ примѣръ слѣдующій эпизодъ.

Весною 1918 года на одномъ изъ русскихъ миноносцевъ, стоявшихъ въ Ливерпулѣ, произошелъ бунтъ. Нѣсколько дней офицеры замѣчали возбужденное настроеніе команды, проявлявшей такіе признаки зараженія большевистскимъ лозунгомъ «избіенія офицеровъ», что пришлось день и ночь не разставаться съ заряженными револьверами. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день команда потребовала офицеровъ на «митингъ», причемъ обращеніе съ офицерами было таково, что они считали себя уже обреченными на смерть. Въ это время на миноносецъ явился англійскій офицеръ и заявилъ, что желаетъ переговорить съ командиромъ. Команда не противодѣйствовала. Оставшись наединѣ съ командиромъ и отдавъ себѣ от-

четъ въ положеніи, англійскій офицеръ спросилъ: «Какой вашъ совѣтъ? Хотите, я арестую всю команду. Хотите — только зачинщиковъ. Хотите — освобожу всѣхъ офицеровъ, а потомъ посмотримъ, какъ быть». Въ это время въ каюту вбѣжалъ одинъ изъ младшихъ офицеровъ и заявилъ, что команда окончательно разбушевалась, и что черезъ нѣсколько минутъ несомнѣнно произойдетъ расправа съ офицерами. Англичанинъ отвѣчалъ: «Идите на мостикъ. Даю вамъ полчаса». — И немедленно сошелъ на берегъ. Команда бунтовала, раздавались крики: «Бей ихъ», «за бортъ» и тому подобное. Черезъ семь минутъ на миноносецъ взошло 20 человѣкъ англійскихъ матросовъ съ винтовками. Наступило гробовое молчаніе. Команда въ одинъ мигъ присмирѣла, затряслись губы, опустились руки — и ихъ, человѣкъ 150, какъ безсловесныхъ ягнятъ, отвели въ тюрьму. Такъ спасена была находчивостью и смѣлостью одного англичанина жизнь пяти русскихъ офицеровъ.

Дознаніе выяснило, что подстрекателемъ къ бунту былъ Литвиновъ. Когда я, разсказавъ лорду Хардингу этотъ фактъ, въ осторожной формѣ обратилъ его вниманіе на вредъ, причиняемый пребываніемъ въ Лондонѣ большевистскаго посла, товарищъ министра отвѣтилъ мнѣ: «Намъ вовсе не пріятно имѣть дѣло съ большевистскимъ представителемъ. Но, разъ мы это признаемъ необходимымъ — это наше дѣло». — «Со-

вершенно вѣрно», возразилъ я — «насъ, Россіи, это не касается, и не мы будемъ нести послѣдствія большевистской пропаганды въ Англіи». Впервые, по этому случаю, мелькнула у лорда Хардинга нотка раздраженія противъ меня лично, которая вскорѣ перешла въ откровенную враждебность.

Цѣлый рядъ мелкихъ эпизодовъ, подобныхъ вышеописанному, не могъ не наложить извѣстнаго отпечатка холодности и неловкости на мои личныя сношенія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Чувствовалось, что струны натянуты настолько, что когда-нибудь должны будутъ лопнуть. Въ серединѣ іюля произошелъ инцидентъ, поведшій къ фактическому прекращенію моихъ личныхъ отношеній съ лордомъ Хардингомъ.

15-го іюля, выходя изъ клуба, я встрѣтилъ секретаря японскаго посольства, который спросилъ меня, съ моего ли вѣдома и согласія Россія «вычеркнута изъ дипломатическаго списка». Мой коллега при этомъ прибавилъ, что крайне былъ удивленъ увидать въ дипломатическомъ спискѣ: «Russia — vacant». «Въ Токіо положеніе вашего посла ни на іоту не измѣнилось, и мы относимся къ нему, какъ къ законному представителю Россіи». Слѣдуетъ пояснить, что «списокъ дипломатическаго корпуса», періодически составляемый министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, является до нѣкоторой степени «дипломатическимъ паспортомъ», то есть нахожденіе въ этомъ спискѣ даетъ цѣлый

рядъ привилегій и преимуществъ, связанныхъ съ званіемъ дипломата. Исключеніе изъ списка, такимъ образомъ, равносильно формальному отрицанію за тѣми, кто снятъ со списка, тѣхъ правъ, которыми пользуются члены дипломатическаго корпуса. Отвѣтивъ японскому секретарю, что тутъ, вѣроятно, произошла канцелярская ошибка, я тотчасъ поручилъ секретарю посольства отправиться въ министерство иностранныхъ дѣлъ и узнать, въ чемъ дѣло. Ему сказали въ министерствѣ, что «свыше» (то есть министромъ иностранныхъ дѣлъ) отдано было приказаніе исключить русское посольство изъ дипломатическаго списка. Можно было, разумѣется, отнестись къ этой мѣрѣ, какъ къ чистой формальности, не вносящей никакой фактической перемѣны въ сношенія посольства съ правительствомъ и не являющейся «лишеніемъ правъ» въ глазахъ общественнаго мнѣнія, для котораго она могла пройти незамѣченной. И это, впрочемъ, сомнительно, ибо большевиствующіе члены палаты общинъ несомнѣнно, по наущенію своихъ «русскихъ» друзей, обратили бы на этотъ фактъ вниманіе печати.

Но исключеніе изъ списка — безъ всякаго предупрежденія — было, такъ сказать, кульминаціоннымъ пунктомъ цѣлаго ряда унизительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ — и я, поэтому, пришелъ къ заключенію, что слѣдуетъ бросить министерству иностранныхъ дѣлъ рѣшительный вызовъ, дать понять ему, что пока въ Лондонѣ существуетъ

представительство Россіи, вѣрной союзу — этому представительству должно быть оказываемо надлежащее уваженіе. Слѣдуетъ отмѣтить, что, не въ примѣръ министерству иностранныхъ дѣлъ, англійскія военное министерство и адмиралтейство сохраняли съ посольствомъ и въ частности со мною наилучшія отношенія. Благодаря полной непригодности нашей военной агентуры къ веденію деликатныхъ сложныхъ переговоровъ въ связи съ отправкою въ Россію офицеровъ для борьбы съ большевиками — мнѣ приходилось имѣть постоянныя и довѣрительныя сношенія съ военнымъ министерствомъ. Лѣто 1918 года было какъ разъ періодомъ самыхъ оживленныхъ сношеній, ибо, съ одной стороны, нарождались движенія въ Сибири и на югѣ Россіи, а съ другой — шла подготовка посылки союзныхъ отрядовъ въ сѣверную область. Еще тѣснѣе, быть можетъ, были мои сношенія съ адмиралтействомъ, — ни на одинъ день — за все время большевистскаго режима, не измѣнившимъ своего отношенія къ намъ, какъ къ союзникамъ, доказавшимъ на дѣлѣ, что оно цѣнило и помнило оказанныя Россіей услуги въ общей борьбѣ, и не перестававшимъ оказывать намъ самую дѣятельную помощь.

Явившись къ лорду Хардингу, я сказалъ ему, что пришелъ съ нимъ распрощаться. «Вы объявили, что русское посольство «вакантно». Разъ это такъ, мнѣ и моимъ товарищамъ тамъ не мѣсто. Одновременно съ посольствомъ завтра прекраща-

ютъ свою дѣятельность военная и морская агентуры, генеральное консульство и всѣ другія русскія учрежденія». Лордъ Хардингъ выразилъ крайнее удивленіе, что я придаю такое значеніе «мелочи», и затѣмъ, увѣряя меня въ отсутствіи у министерства иностранныхъ дѣлъ намѣренія прекратить сношенія съ нами, сталъ довольно раздраженно указывать мнѣ, что я «никого не представляю», что сношенія со мною носятъ частный характеръ, и что Литвиновъ имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, такое же право быть помѣщеннымъ въ дипломатическомъ спискѣ, какъ я. «Для меня», отвѣтилъ я, «нѣтъ ни чести, ни радости въ этомъ «равноправномъ съ Литвиновымъ» положеніи, которое я занимаю въ Лондонѣ благодаря тому, что Англія, единственная изъ Союзныхъ державъ, допустила присутствіе большевистскаго агента. Но въ глазахъ Россіи, въ глазахъ русской колоніи въ Лондонѣ, на мнѣ лежитъ долгъ отстаивать по мѣрѣ силъ интересы Россіи, а это возможно лишь при соблюденіи вами по отношенію ко мнѣ извѣстныхъ формъ. Если вы желаете прекратить со мною сношенія — моментъ, вами избранный 8 мѣсяцевъ послѣ переворота въ Россіи — врядъ ли удаченъ. Вы посылаете войска въ Россію (англійскія войска находились уже на пути въ Архангельскъ) — и одновременно объявляете безправнымъ русское представительство! Вамъ нужны русскіе офицеры — какъ вы ихъ получите безъ содѣйствія военной агентуры?» Разговоръ, принимавшій временами доволь-

но острую форму, длился около часа. Видя, что лордъ Хардингъ стоитъ на своемъ, и что продолженіе разговора грозитъ непоправимымъ разрывомъ, — я откланялся, заявивъ, что завтра будетъ объявлено о прекращеніи дѣятельности посольства и подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

Вернувшись въ посольство, я немедленно по телефону предупредилъ военное министерство и адмиралтейство, причемъ оба мои собесѣдника въ свою очередь «крайне удивились» и отвѣтили мнѣ, что недоразумѣніе слѣдуетъ во что бы то ни стало уладить. Одновременно мною вызваны были въ посольство военный и морской агенты и генеральный консулъ. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ было передано отъ имени лорда Хардинга, что онъ проситъ меня въ теченіе ближайшихъ 2-хъ дней его вынужденнаго отсутствія изъ Лондона ничего не предпринимать, впредь до новаго свиданія съ нимъ, или же немедленно вернуться въ министерство. Я тотчасъ согласился на второе предложеніе и поспѣшилъ въ министерство, оставивъ своихъ товарищей, разумѣется, въ сильномъ смущеніи. Лордъ Хардингъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Я только что переговорилъ съ г. Бальфуромъ, который поручилъ мнѣ задать вамъ вновь вопросъ: кого вы представляете? Считаете ли вы возможнымъ, чтобы мы смотрѣли на васъ, какъ на оффиціальнаго представителя Россіи, когда Временное правительство, которымъ вы были аккредитованы, больше не существуетъ»?

Тонъ лорда Хардинга въ этомъ второмъ разговорѣ былъ не менѣе высокомѣренъ, и раздраженіе его было также плохо скрыто подъ тонкою маскою вѣжливости и прежняго дружелюбія, какъ при первой нашей бесѣдѣ въ этотъ день; мнѣ, поэтому, чрезвычайно трудно было держаться въ рамкахъ «дипломатическаго этикета». «Не думайте», отвѣчалъ я, «что вопросъ г. Бальфура застаетъ меня врасплохъ. На другой день послѣ большевистскаго переворота я спросилъ г. Бальфура, считаетъ ли онъ возможнымъ мое дальнѣйшее пребываніе на посту представителя Россіи, и онъ отвѣтилъ утвердительно. 16-го января г. Бальфуръ заявилъ въ палатѣ общинъ, что Англійское правительство не признаетъ ни «de jure», ни «de facto» правительствомъ Россіи «администрацію Петрограда», и что «г. Набоковъ останется, надо думать, на своемъ посту, пока не будетъ утвержденъ или смѣненъ». Что же съ тѣхъ поръ перемѣнилось»? — «Наша ошибка», сказалъ лордъ Хардингъ, «что мы 8 мѣсяцевъ тому назадъ не дали вамъ понять съ достаточной ясностью, что не можемъ разговаривать съ вами иначе, какъ съ частнымъ лицомъ». — «Частныхъ разговоровъ я съ вами вести не могу. Я «представляю» то же самое, что представлялъ до переворота — ту Россію, которая не признаетъ измѣнниковъ, подписавшихъ брестъ-литовскій договоръ, ту Россію, съ которой вы возобновите формальныя сношенія, когда большевистскій режимъ будетъ изжитъ».

Разговоръ окончился предложеніемъ лорда Хардинга возстановить русское посольство въ дипломатическомъ спискѣ, съ помѣткою «представители бывшаго Временнаго правительства». Это предложеніе я принялъ, замѣтивъ, что по существу оно правильно, ибо указываетъ, что Англійское правительство не прекращаетъ сношеній съ представителями послѣдняго законнаго правительства въ Россіи, которымъ есть мѣсто среди представителей другихъ державъ, несмотря на большевистскій переворотъ, и въ то же время обозначаетъ, что представитель большевистской «власти» не имѣетъ дипломатическаго статуса.

Эта моя бесѣда съ лордомъ Хардингомъ была послѣднею. Въ теченіе полугода, прошедшаго послѣ нашихъ свиданій 15-го іюля, до отъѣзда лорда Хардинга въ Парижъ въ составѣ англійской делегаціи на мирной конференціи, я велъ переговоры съ ближайшими помощниками товарища министра, избѣгая встрѣчъ съ нимъ.

Весною 1918 года, послѣ отъѣзда дипломатическихъ представителей державъ согласія въ Архангельскъ, а затѣмъ выѣзда ихъ изъ Россіи, — въ Москву посланъ былъ особый представитель Англійскаго правительства, прежде управлявшій генеральнымъ консульствомъ въ Москвѣ, г. Локхартъ. Насколько мнѣ извѣстно, инструкціи, ему данныя, можно, пожалуй, сравнить только съ заданіемъ разрѣшить квадратуру круга. Нужно было, по соображеніямъ практическимъ, имѣть «око» въ Мо-

сквѣ, слѣдить за дѣятельностью большевиковъ и нѣмцевъ, и по мѣрѣ возможности ограждать интересы англичанъ въ Россіи. Не имѣя оффиціальнаго званія, тѣмъ не менѣе вести оффиціальные переговоры съ Троцкимъ. Ясно, что это было выполнимо только при условіи сохраненія «дружескихъ сношеній» съ совѣтской властью. Локхартъ, повидимому, добросовѣстно работалъ надъ этой неразрѣшимой задачей съ Чичеринымъ и К:о и въ то же время имѣлъ тѣсныя сношенія съ организаціями, работавшими для сверженія Ленина и Троцкаго. Какъ и слѣдовало ожидать, такая двойная игра не могла долго продолжаться, и Локхартъ въ концѣ концовъ попалъ подъ арестъ. Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ переполошилось, и путемъ долгихъ переговоровъ добилось освобожденія Локхарта. Въ этихъ попыткахъ «сохранить связь» съ большевиками многое для меня до сихъ поръ неясно. Какъ бы то ни было, практической пользы эта дипломатія «съ задняго крыльца» англичанамъ принесла мало, а моральнаго ущерба въ глазахъ сознательной Россіи, пожалуй, больше. Когда же окончательно выяснилось, что попытки оказать вліяніе на большевиковъ — безцѣльны, — вскорѣ послѣ возвращенія Локхарта въ Англію, — Литвиновъ былъ удаленъ изъ Лондона и черезъ Скандинавію вернулся въ Россію. Какіе-то темные большевистскіе агенты все же оставались, судя по нѣкоторымъ признакамъ, но держались въ глубокомъ подпольѣ. Наступилъ

моментъ примѣненія иныхъ методовъ — веденія сношеній съ большевиками черезъ симпатизирующихъ имъ добровольцевъ-дипломатовъ англичанъ изъ среды журналистовъ.

Политическіе разговоры — иначе говоря, обсужденіе положенія дѣлъ въ Россіи и указанія на желательное отношеніе союзниковъ и въ частности Англіи къ этому положенію — я велъ почти исключительно съ товарищемъ министра лордомъ Робертомъ Сесилемъ, спеціально интересовавшимся русскими дѣлами; къ нему же, во время отлучекъ Бальфура, были обращены мои письма. Отъ души надѣюсь, что всѣ эти письма когда-нибудь станутъ извѣстны русскому общественному мнѣнію, которое по нимъ сможетъ вынести приговоръ этой области моей работы въ Лондонѣ. Не имѣя подъ рукой всѣхъ документовъ, привожу одно изъ этихъ писемъ — отъ 18-го апрѣля 1918 г.

«При послѣдней нашей бесѣдѣ вы были такъ добры, что выразили готовность выслушать всѣ совѣты (suggestions), которые я сочту нужнымъ высказать, и мои сужденія о положеніи дѣлъ въ Россіи. Надѣюсь, что вы позволите мнѣ воспользоваться этою вашею готовностью, а также что вы простите меня, если я приму смѣлость писать вамъ съ полнѣйшей откровенностью.

«Вы помните, что въ началѣ послѣдняго фазиса русской революціи, то есть, при захватѣ власти большевиками въ Петроградѣ, я старался убѣдить правительство Его Величества, что пока продол-

жаются военныя дѣйствія, есть не только предлогъ, но и серьезныя причины къ тому, чтобы попытаться поддержать русскій фронтъ. Я тогда указывалъ, что даже небольшой контингентъ британскихъ и французскихъ войскъ могъ бы создать центръ, вокругъ котораго сплотились бы лояльные элементы русской арміи для противодѣйствія германскому вторженію. Мнѣ извѣстно, что какъ русскими, такъ и англичанами — людьми, не занимавшими оффиціальныхъ должностей, но несомнѣнно правильно оцѣнивавшими положеніе Россіи — поданы были безчисленные меморандумы въ различныя британскія министерства и въ военный кабинетъ. Различно, быть можетъ, оцѣнивая размѣры помощи, о которой говорили эти меморандумы, — въ одномъ они всѣ сходились, а именно въ томъ, что если не будетъ помощи со стороны Союзниковъ — большевистская власть достигнетъ своей цѣли, окончательно разрушитъ уже сильно расшатанную военную организацію въ Россіи, уничтожитъ армію, создастъ въ странѣ анархію и отдастъ Россію въ руки Германіи. Все это сбылось. Надеждамъ, которыя питали Союзники — и въ особенности Великобританское правительство, что анархія проникнетъ въ Германію, а позднѣе — что дипломатическіе таланты г. Троцкаго одолѣютъ суровую логику нѣмецкаго милитаризма, — надеждамъ этимъ, наоборотъ, не суждено было осуществиться. Этотъ исходъ былъ болѣзненно ясенъ всѣмъ честнымъ русскимъ людямъ въ Россіи, съ

которыми я лишенъ возможности имѣть личныя сношенія, такъ какъ они находятся подъ угрозою разстрѣла. Но я имѣю основаніе думать, что правильно истолковывалъ надежды и опасенія тѣхъ, чьимъ представителемъ въ Лондонѣ я себя считаю.

«За послѣдній мѣсяцъ я не считалъ возможнымъ обращаться къ вамъ съ какими бы то ни было заявленіями. Я понималъ, что въ моментъ кризиса, вызваннаго германскимъ натискомъ на западномъ фронтѣ, я врядъ ли могъ надѣяться отвлечь заботу и вниманіе правительства отъ этого фронта. Я зналъ, что просьба о помощи Россіи была бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ настоящій моментъ, однако, положеніе таково, что призывъ имѣетъ основаніе. Я замѣчаю, что нѣкоторая часть печати въ Лондонѣ начинаетъ понимать, что, ради предотвращенія полученія Германіей резервовъ съ русскаго фронта въ ближайшіе мѣсяцы, должны быть приняты практическія мѣры, дабы понудить Германію сохранить войска на этомъ фронтѣ, и что наилучшій для этого способъ — создать опорный пунктъ для лояльныхъ русскихъ. Мнѣ кажется, что этотъ взглядъ совпадаетъ съ тѣмъ, что думала все время Россія, остающаяся вѣрною Союзникамъ. Онъ подтверждается видными русскими, недавно прибывшими въ Лондонъ, и британскими офицерами, вернувшимися на родину послѣ трехлѣтняго пребыванія въ русской арміи. Позвольте мнѣ привести слова одного изъ этихъ офицеровъ, котораго можно считать авторитетнымъ истолкователемъ

истиннаго положенія, ибо въ отличіе отъ большинства своихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ Россіи оффиціально или полу-оффиціально, онъ говоритъ по русски, какъ русскій. «Я готовъ поручиться головой, что еслибы Великобританія послала небольшое войско — нѣсколько тысячъ — хорошо дисциплинированныхъ и вооруженныхъ — въ любой пунктъ Россіи; еслибы наше правительство поняло, что не кинематографами и брошюрами, а сапогами и платьемъ слѣдуетъ помочь и привлечь къ себѣ тѣмъ симпатіи русскаго народа — десятки тысячъ надежныхъ, здоровыхъ солдатъ и офицеровъ стеклись бы къ тому пункту, гдѣ высадилось бы это войско».

«Еще не поздно. Съ того момента, какъ Японія сознала необходимость остановить проникновеніе нѣмцевъ въ Сибирь, и до сего дня — японское вмѣшательство («интервенція») служитъ предметомъ обсужденія въ печати и въ парламентѣ. По моему мнѣнію, несвоевременные и основанные на неполномъ освѣдомленіи комментаріи печати по этому вопросу оказали самое пагубное вліяніе. Если, поэтому, мысль о дѣятельной помощи будетъ принята, необходимымъ условіемъ успѣха такого предпріятія должна, казалось бы, быть полная тайна.

«Правительству Его Величества, быть можетъ, нужно было продолжать сношенія съ большевиками, и я не считаю себя вправѣ обсуждать этотъ вопросъ. Позволю себѣ, однако, указать на тѣ по-

слѣдствія, которыя это положеніе вещей уже имѣло въ Россіи. Самаго факта допущенія правительствомъ Его Величества большевистскаго агента въ Лондонъ достаточно, чтобы вызвать угнетенное настроеніе въ средѣ интеллигентныхъ круговъ въ Россіи, находящихся подъ впечатлѣніемъ, что Россія въ Великобританіи представлена только большевистскимъ агентомъ. Я твердо и горячо убѣжденъ, что сношенія съ этою шайкою предателей никогда не приведутъ къ удовлетворительному результату; они предали Россію, ихъ публичныя рѣчи и частные разговоры — о которыхъ я освѣдомленъ черезъ вполнѣ надежныхъ лицъ, указываютъ, что даже тѣ изъ нихъ, кого можно ошибочно принять за честныхъ идеалистовъ, особенно желаютъ увидѣть въ Англіи революцію, подобную той, которая вызвала крушеніе Россіи. Сколько нибудь полагаться на ихъ попытку создать армію было бы близоруко, чтобы не сказать больше.

«Всякія разъ, когда я имѣлъ случай (и я часто упускалъ эти случаи изъ нежеланія затруднять васъ и отнимать ваше время) обсуждать положеніе въ Россіи и способы предотвратить, путемъ энергичныхъ дѣйствій, дальнѣйшую опасность для обще-союзническаго дѣла и для Великобританіи, — мнѣ неизмѣнно задавался вопросъ, убивавшій всю послѣдующую аргументацію: «Кто тѣ люди, которые выказываютъ активное сопротивленіе большевикамъ? Гдѣ та партія, на которую мы можемъ положиться? Кого намъ поддерживать?»

Теперь имѣются неопровержимые признаки, что та «партія», которая ожидаетъ помощи, есть не «партія», а «тонкій слой» нѣсколькихъ сотенъ тысячъ разумныхъ русскихъ патріотовъ, въ томъ числѣ десятки тысячъ офицеровъ; героизмъ, съ которымъ они терпятъ оскорбленія, нищету и смерть будетъ оцѣненъ лишь безпристрастнымъ историкомъ. Этотъ тонкій слой покрываетъ 180 милліоновъ безграмотнаго крестьянства, включая нѣсколько милліоновъ солдатъ, развращенныхъ и лишенныхъ чувства долга и патріотизма тѣми самыми людьми, которые теперь называютъ себя русскимъ правительствомъ. Кто же въ Россіи имѣетъ будущность? Настоящее ли правительство, или разбросанные патріоты? Быть можетъ, сподручно (expedient) не порывать съ существующимъ режимомъ; но дальновиднѣе — понимать, что если тѣ элементы, которые стремятся возсоздать Россію, будутъ приведены въ отчаяніе — тогда, послѣ неизбѣжнаго паденія большевистскаго режима — ничто не остановитъ германскаго проникновенія въ Россію, а черезъ Россію — въ Среднюю Азію.

«Такъ какъ помощь, за которую я ратую, главнымъ образомъ мѣра военная — я не считаю себя компетентнымъ для изложенія опредѣленнаго плана. Я знаю, что имѣются военные авторитеты, русскіе и англійскіе, способные разработать такой планъ. Вкратцѣ онъ сводился бы къ слѣдующему: 1) Создать изъ 2-хъ портовъ Сѣверной Россіи и Владивостока базу для привлеченія русскихъ силъ,

путемъ посылки отрядовъ, численность которыхъ была бы въ зависимости отъ практическихъ соображеній и возможностей даннаго момента, а также базу для снабженія не только боевымъ матеріаломъ, но и такими припасами, которые обезпечивали бы насущныя потребности хотя бы части населенія Россіи. Само собою разумѣется, что еслибы было признано возможнымъ послать эти отряды въ сѣверные порты Россіи, главною задачею такой экспедиціи было бы помѣшать нѣмцамъ отрѣзать Россію отъ всякихъ сообщеній съ Союзниками, и захватить эти важные стратегическіе пункты. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Германія жаждетъ нанести Россіи этотъ послѣдній ударъ. Если большевистскіе лидеры искренни въ своемъ стремленіи противостоять Германіи — они должны привѣтствовать такую помощь со стороны Союзниковъ. Если русскій народъ будетъ знать, что Великобританія и Соединенные Штаты принимаютъ мѣры къ удовлетворенію его насущныхъ потребностей — онъ пойметъ, что слѣдуетъ охранять склады, доставленные въ Россію, ибо при существующемъ хаосѣ иначе невозможно было бы разумное и справедливое распредѣленіе припасовъ. Грабежъ и разрушеніе теперь производятся въ Россіи тѣми солдатами, на которыхъ опирается большевистская власть.

«Я вполнѣ сознаю, какъ тяжела въ настоящій моментъ задача Великобританскаго правительства, которому приходится требовать все новыхъ жертвъ

отъ страны. Все же я не могу не чувствовать, что настоящій моментъ — критическій, и что если ничего не будетъ сдѣлано, чтобы теперь помочь Россіи — послѣдствія могутъ быть непоправимыми, и могутъ явиться противовѣсомъ самой полной побѣдѣ надъ Германіей на западномъ фронтѣ, побѣдѣ, которую я считаю несомнѣнной».

Отвѣтовъ по существу на такого рода письма я не получалъ. Приходили «увѣдомленія о полученіи», изрѣдка съ прибавкою, что высказанныя мною соображенія приняты въ самое серьезное вниманіе.

Вопросъ о военной помощи со стороны японцевъ въ крупныхъ размѣрахъ началъ обсуждаться между Союзниками въ январѣ 1918 года. Не безъинтересно упомянуть, что еще лѣтомъ 17-го года, по обсужденіи съ нѣкоторыми военными авторитетами въ Лондонѣ, стоявшими внѣ правительства, желательности болѣе серьезнаго участія Японіи въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ германской коалиціи, я выдвинулъ въ телеграммѣ, адресованной въ Петроградъ, идею о посылкѣ 200 000 японцевъ на нашъ фронтъ; но идея эта встрѣтила отпоръ со стороны нашего верховнаго командованія и движенія не получила. Переговоры же, начатые въ январѣ 1918-го, происходили уже безъ участія русскихъ представителей. Отъ англичанъ не было возможности освѣдомиться о ходѣ переговоровъ,

и только отъ французскаго посла я изрѣдка получалъ отрывочныя извѣстія, причемъ онъ представлялъ мнѣ дѣло такъ: Японцы сначала заявили, что двинутъ войска лишь при условіи невмѣшательства со стороны другихъ державъ въ Сибири. На это Америка наложила veto. Затѣмъ усиліями, повидимому, главнымъ образомъ, англичанъ удалось убѣдить президента Вильсона послать американскія войска — а японцевъ — согласиться на междусоюзническій характеръ экспедиціи. Недѣлями, если не мѣсяцами шли пререканія о сравнительной численности союзныхъ отрядовъ, о томъ, кому будетъ принадлежать верховное командованіе — и въ результатѣ всѣхъ этихъ проволочекъ и споровъ — союзническая помощь запоздала и оказалась недостаточной, то есть произошло буквально то же самое, что и на сѣверѣ (а позднѣе на югѣ) Россіи.

Эпопея архангельско-мурманской союзной экспедиціи настолько печальна, что при чтеніи вышеприведеннаго моего письма къ лорду Роберту Сесилю невольно напрашивается вопросъ: разумно ли было настаивать на этой экспедиціи, не слѣдовало ли предвидѣть ея фіаско. Мы говорили: пошлите войска, и русскіе десятками тысячъ примкнутъ къ вамъ. Этого-то и не случилось. И вотъ въ апатичности русскихъ, въ отсутствіи у нихъ настоящаго патріотизма насъ упрекаютъ сами же Союзники. Кто же правъ? На этотъ вопросъ можетъ исчерпывающе отвѣтить только тотъ, кто

всесторонне и на основанiи личнаго опыта или свидѣтельствъ *честныхъ* очевидцевъ знакомъ со всѣми фазисами союзническихъ выступленiй на сѣверѣ Россiи. Такая задача — внѣ рамокъ моихъ записокъ. На основанiи того, что мнѣ извѣстно, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Прежде всего — о посылкѣ войскъ я заговорилъ въ *январѣ* 1918 года, когда большевики еще не укрѣпились, когда не было *красной армiи*, и оставались еще крупныя части, не разложившiяся. Англичане высадились въ Архангельскѣ 2-го *августа*. Ясно, что за семь мѣсяцевъ обстановка и настроенiе въ Россiи измѣнились.

2) Очевидцы утверждаютъ, что когда въ Петроградѣ получено было извѣстiе о высадкѣ англичанъ въ Архангельскѣ, большевистскiе лидеры впали въ панику и уже складывали свои чемоданы. Они думали, что пришла серьезная сила, которая пойдетъ впередъ и будетъ серьезной угрозой Петрограду. Когда же они узнали, что высадилось менѣе 3000 человѣкъ — они сразу поняли, что ничего, кромѣ самой желанной пищи для растлѣвающей пропаганды на тему о «засилiи иностранцевъ», эти жалкiе осколки союзной армiи имъ не принесутъ.

3) Вслѣдствiе того, что въ сѣверной области населенiе разбросано по обширнымъ пространствамъ и союзныя войска никогда не доходили до мѣстностей, сколько-нибудь густо населенныхъ, — вполнѣ естественно, что никакiя «сотни тысячъ» подъ

знамена союзниковъ не пошли. Многія безобразія, творимыя отдѣльными лицами изъ числа союзныхъ командировъ, ихъ пререканія между собою и пренебрежительное отношеніе къ русскимъ властямъ и къ русскому населенію, спекуляція и бездѣлье создали атмосферу взаимной вражды и раздраженія, обрекавшую все предпріятіе на вѣрный неуспѣхъ.

4) Ошибка англійскаго командованія, составившаго боевую часть изъ плѣнныхъ большевиковъ, повела за собою печальный эпизодъ бунта на фронтѣ и убійства нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ. Это вызвало негодованіе всей лондонской печати и ускорило эвакуацію, которая, впрочемъ, сдѣлалась неизбѣжной подъ давленіемъ рабочей партіи.

Другая область, въ которой на территоріи русскаго государства оперировали англійскія войска — Закавказье. Вдаваться въ оцѣнку этихъ операцій и ихъ послѣдствій я не считаю себя вправѣ по той простой причинѣ, что не имѣю о нихъ точнаго освѣдомленія. Вслѣдствіе полной оторванности юга Россіи отъ сообщеній съ посольствомъ, я ни разу ни отъ одного отвѣтственнаго русскаго политическаго дѣятеля или генерала не получилъ ни одного ни письма, ни донесенія о томъ, что творилось въ Закавказьѣ. Эта область дружественнаго содѣйствія возсозданію Россіи со стороны англичанъ подлежитъ, поэтому, изслѣдованію людьми болѣе меня компетентными.

Въ приведенномъ выше письмѣ моемъ къ лорду Роберту Сесилю содержится указаніе на то, что въ первые мѣсяцы послѣ большевистскаго переворота одною изъ отговорокъ, которыми Англія оправдывала свое бездѣйствіе по отношенію къ Россіи, было то, что въ Россіи не было «партіи», съ которою можно было сговориться. За это время успѣли — о чемъ рѣчь впереди — появиться Омское сибирское правительство, Уфимская директорія, ставшая затѣмъ Омской директоріей, признанной Сибирью, и правительство, возглавляемое Колчакомъ. А англичане все еще днемъ съ огнемъ искали въ Россіи союзника!

Военный министръ Лордъ Мильнеръ обмолвился въ началѣ декабря 1918 года заявленіемъ, что считаетъ политику «умыванія рукъ» въ Россіи не только недальновидною, но несовмѣстимою съ честью Англіи и съ ея долгомъ по отношенію къ союзницѣ за прошлыя жертвы въ великой войнѣ. Послѣ того, какъ это заявленіе появилось въ газетахъ, я обратился къ лорду Мильнеру съ письмомъ, въ которомъ, такъ сказать, «росписался въ полученіи», отъ имени Россіи, его заявленія.

На отвѣтномъ письмѣ ко мнѣ лорда Мильнера сдѣлана была помѣтка: «Частное». Само собою разумѣется, это отнюдь не означало, что лордъ Мильнеръ отвѣчалъ мнѣ въ качествѣ частнаго лица. Въ то время былъ уже твердо установленъ Англійскимъ правительствомъ принципъ, что сношенія съ русскимъ посольствомъ должны носить не-

оффиціальный характеръ. Въ качествѣ военнаго министра, лордъ Мильнеръ, поэтому, не могъ преступить границъ «частныхъ сношеній». Помѣтка его, однако, лишаетъ меня возможности опубликовать письмо; объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо взгляды лорда Мильнера представляютъ значительный историческій интересъ.

Письмо его проникнуто не только искренней симпатіей къ Россіи, но и политической мудростью, какой не оказалось у растерянныхъ въ своемъ фотографическомъ величіи творцовъ «Принкипо» и ихъ оффиціальныхъ совѣтниковъ — Бальфура, Робертъ Сесиля и другихъ болѣе мелкихъ участниковъ въ измышленіи этой недостойной нелѣпости. Къ сожалѣнію, съ переходомъ лорда Мильнера изъ военнаго министерства въ министерство колоній вліяніе его на политику Ллойдъ Джорджа, повидимому, утратилось, ибо эта политика, какъ извѣстно, во всемъ противорѣчитъ высказаннымъ лордомъ Мильнеромъ принципамъ. Впрочемъ, уже въ моментъ, когда письмо было написано, въ Омскѣ существовало правительство Колчака; былъ, стало быть, тотъ «авторитетъ», объ отсутствіи котораго сокрушался лордъ Мильнеръ. Упрекъ его въ отсутствіи солидарности между антибольшевистскими элементами былъ справедливъ въ концѣ 18-го года. Черезъ годъ, въ концѣ 19-го, онъ еще справедливѣе, и еще болѣе суроваго осужденія заслуживаютъ русскіе quasi-государственные люди, забывшіе избитый девизъ: «L'union fait la force».

ГЛАВА XIII.

Послѣ исчезновенія изъ Петрограда Керенскаго, избѣжавшаго такимъ образомъ участи своихъ коллегъ, посаженныхъ большевиками въ тюрьму — изъ которой, впрочемъ, они впослѣдствіи благополучно выбрались — и неудачной его попытки снова «завоевать» Петроградъ, англійское общественное мнѣніе перестало интересоваться его судьбою. Изрѣдка въ телеграммахъ упоминалось его имя, — но успѣло укорениться впечатлѣніе, что его роль, какъ политическаго дѣятеля — кончена. Въ іюлѣ 1918 г. появилось извѣстіе, что Керенскій бѣжалъ въ Америку. По странной случайности, въ тотъ самый день, когда въ газетѣ «Daily Mail» напечатано было сообщеніе о пріѣздѣ его въ Нью-Іоркъ, — Керенскій прибылъ въ Лондонъ. Пріѣхалъ онъ инкогнито, съ паспортомъ сербскаго подданнаго. Позвонивъ по телефону въ посольство, Керенскій передалъ мнѣ черезъ своего друга (у котораго остановился) доктора Я. О. Гавронскаго, что хотѣлъ бы меня видѣть, но не рѣшается пріѣхать въ посольство, дабы не обнаружить своего пребыванія въ Лондонѣ, и потому проситъ

меня посѣтить его. Встрѣча съ человѣкомъ, сыгравшимъ столь видную роль, и о которомъ ходило столько разнорѣчивыхъ слуховъ и легендъ,меня интересовала и даже волновала. Первое наше свиданіе носило задушевный характеръ. Живой умъ и темпераментъ Керенскаго произвели на меня симпатичное впечатлѣніе. Онъ разсказалъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Лондонъ и собирается въ Парижъ съ «мандатомъ» отъ Союза Возрожденія Россіи, съ которымъ правительства Англіи и Франціи связаны формально (и французами будто бы даже письменно) данными обѣщаніями помощи и поддержки. Значеніе этого «договора» сводилось, по словамъ Керенскаго, главнымъ образомъ къ обѣщанію оффиціальнаго признанія законнымъ правительствомъ Россіи Уфимской директоріи, которая должна была быть образована изъ среды «Союза Возрожденія». Задача Керенскаго — настаивать на военной и финансовой помощи противъ большевиковъ. Тутъ же онъ попросилъ меня устроить ему свиданіе съ Ллойдъ Джорджемъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы я присутствовалъ при разговорѣ и служилъ ему въ то же время переводчикомъ. Я написалъ Ллойдъ Джорджу письмо, текстъ котораго показалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, прибавивъ, что въ случаѣ отказа продпочелъ бы, чтобы этотъ отказъ сообщенъ былъ Керенскому непосредственно, и что я желалъ бы также уклониться отъ участія въ этой встрѣчѣ. Ллойдъ Джорджъ принялъ Керенскаго. Разговоръ

произвелъ на премьера, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе, ибо онъ въ тотъ же день въ палатѣ далъ довольно рѣзкую отповѣдь противникамъ интервенціи, причемъ упомянулъ вскользь о томъ, что имѣетъ свѣдѣнія изъ Россіи отъ «авторитетнаго» лица.

Рабочіе лидеры и газетныя редакціи знали о пребываніи Керенскаго въ Лондонѣ, но добросовѣстно соблюдали mot d'ordre — не упоминать объ этомъ публично и въ печати. Дней черезъ десять послѣ пріѣзда Керенскаго въ Лондонѣ собралась рабочая конференція, и рѣшено было выпустить на ней Керенскаго въ качествѣ драматическаго hors d'oeuvre. Выступленіе бывшаго главы Временнаго правительства произвело на конференцію очень сильное впечатлѣніе, умаленное, къ сожалѣнію, тѣмъ, что онъ говорилъ по русски, причемъ рѣчь его переводилась «по кусочкамъ» и не русскимъ, вдобавокъ, переводчикомъ — а такой методъ — какъ я, впрочемъ, предупреждалъ друзей Керенскаго — всегда производитъ расхолаживающее впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, это выступленіе имѣло крупное и благопріятное значеніе, не столько благодаря тому, что Керенскій говорилъ, сколько вотъ почему: — Наканунѣ созыва конференціи въ печати появился отчетъ о рѣчи Кюльмана въ рейхстагѣ, содержавшей весьма прозрачныя указанія на готовность Германіи пойти на компромиссный миръ. Рѣчь, несомнѣнно, была произнесена съ такимъ расчетомъ, чтобы дать новое оружіе въ ру-

ки англійскихъ пацифистовъ, имѣвшихъ случай ратовать на конференціи за прекращеніе войны, воспользовавшись аргументами Кюльмана. Выступленіе Керенскаго настолько поглотило вниманіе конференціи, что о Кюльманѣ и его провокаціонныхъ искушеніяхъ было забыто.

На другой день послѣ конференціи Керенскій уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ оставался нѣсколько недѣль. О дѣятельности его въ Парижѣ я знаю лишь по наслышкѣ и потому не имѣю опредѣленнаго сужденія. Повидимому, онъ возбудилъ враждебное къ себѣ отношеніе какъ русскаго посольства, такъ и Французскаго правительства и большинства газетъ. Судя по тѣмъ французскимъ газетамъ, которыя мнѣ пришлось читать, онъ не сумѣлъ въ Парижѣ взять надлежащій тонъ.

Возвращеніе Керенскаго въ Лондонъ совпало съ моимъ «сообщеніемъ» на тему о международномъ положеніи и отношеніи къ Россіи Союзниковъ, въ частности — Англіи, въ русскомъ кружкѣ въ Лондонѣ.

Узнавъ о томъ, что имѣетъ мѣсто мое «сообщеніе», Керенскій часа за два до назначеннаго часа по телефону попросилъ разрѣшенія пріѣхать. Совѣтъ кружка выразилъ согласіе. Встрѣченъ былъ Керенскій болѣе чѣмъ сухо, благодаря тому, что въ числѣ членовъ кружка былъ контингентъ офицеровъ, — а въ офицерской средѣ онъ популярностью, какъ извѣстно, не пользуется. Послѣ моего сообщенія, Керенскій попросилъ слова и сталъ го-

ворить на ту же тему, отчасти соглашаясь со мною, отчасти опровергая мое заключеніе. Я говорилъ, что Италія относится къ Россіи безразлично, Франція — враждебно, Англія же не можетъ притти къ ясной политикѣ, такъ какъ ни государственные люди, ни политическія партіи не способны всесторонне освѣдомиться и вывести изъ многочисленныхъ, разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ о положеніи Россіи опредѣленной точки зрѣнія. Признаюсь, что, наслушавшись такъ много о необычайномъ ораторскомъ талантѣ Керенскаго, я былъ разочарованъ этимъ его выступленіемъ. Ни ясности мысли, ни планомѣрности, ни яркости выраженія въ его рѣчи не было. По всей вѣроятности, на него повліяло явно недружелюбное настроеніе аудиторіи.

Въ это время Уфимское совѣщаніе изъ представителей «Союза Возрожденія» и членовъ учредительнаго собранія, преимущественно с-р'овъ, образовали въ Омскѣ «директорію», претендовавшую на признаніе ея Всероссійскимъ правительствомъ. Керенскій считалъ себя не только облеченнымъ освѣдомительными полномочіями, но призваннымъ отстаивать передъ англичанами права и интересы директоріи. Первая открытая попытка его въ этомъ направленіи была неудачна. Англійское правительство снабдило англійскимъ паспортомъ на проѣздъ черезъ Англію (кажется, изъ Месопотаміи) въ Сибирь нѣкоего Завойко, которому покровительствовалъ бывшій корреспондентъ въ Пе-

троградѣ газеты «Times» — Вильтонъ, ярый ненавистникъ Керенскаго. Завойко, съ которымъ я въ Лондонѣ не встрѣчался, былъ, судя по отзывамъ освѣдомленныхъ лицъ, однимъ изъ приближенныхъ къ генералу Корнилову лицъ въ періодъ извѣстнаго выступленія Корнилова. Выдавать Завойко англійскій паспортъ, разумѣется, никакого основанія не было, и правительство поступило бы правильнѣе, еслибы заявило ему, что паспортъ на проѣздъ въ Сибирь слѣдуетъ получить въ русскомъ генеральномъ консульствѣ. Но въ это время въ вопросѣ о паспортахъ царилъ хаосъ. Военное министерство просило меня о выдачѣ дипломатическихъ паспортовъ русскимъ офицерамъ, отправлявшимся въ Сибирь, а министерство иностранныхъ дѣлъ этихъ паспортовъ не признавало и ставило свои визы на паспорта, выдаваемые Литвиновымъ. Были ли у правительства какіе-либо особые мотивы къ тому, чтобы способствовать поѣздкѣ Завойко въ Сибирь безъ вѣдома посольства — я не знаю. Но самъ по себѣ этотъ фактъ никакого значенія не имѣлъ. Керенскій, однако, поднялъ по этому поводу неистовый шумъ. Снова попросивъ свиданія со мною, сталъ метать громы по адресу Англійскаго правительства, доказывая, что «лордъ Мильнеръ при посредствѣ Завойко занимается организаціей монархическаго заговора въ Сибири»! На мои доводы о томъ, что все это — плодъ его фантазіи — Керенскій возражалъ, что я «слѣпъ», что англичане меня обманываютъ, и такъ

далѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ помѣстилъ во враждебной правительству газетѣ «Daily News» «обличительное» письмо, въ которомъ были рѣзкія выраженія по адресу правительства.

Англійское правительство склонялось къ оффиціальному признанію директоріи. Дабы облегчить мнѣ сношенія съ этою первою серьезною организаціей для борьбы съ большевиками, приблизительно въ серединѣ октября 1918 года мнѣ вновь было продоставлено право посылать шифрованныя телеграммы въ Омскъ и своимъ коллегамъ заграницею. Керенскій, имѣвшій нѣкоторыя связи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, узналъ объ этомъ и немедленно обратился ко мнѣ съ требованіемъ предоставить ему шифры для передачи его освѣдомительныхъ телеграммъ. Въ подкрѣпленіе своего требованія онъ предъявилъ мнѣ полученную отъ предсѣдателя директоріи Авксентьева телеграмму, гласившую, что его освѣдомленіе «ожидается». Такъ какъ въ письмѣ ко мнѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, извѣщавшемъ о разрѣшеніи посылать шифрованныя телеграммы, было опредѣленно указано, что разрѣшеніе это дается «какъ знакъ особаго личнаго довѣрія ко мнѣ», и что я буду пользоваться шифромъ только для передачи м о и х ъ политическихъ и дѣловыхъ телеграммъ, и въ виду того, что передача политическаго освѣдомленія отъ безотвѣтственныхъ лицъ правительству путемъ посольскаго шифра противна элементарной дипломатической этикѣ и при-

томъ практически вредна, порождая разногласія — я отказалъ Керенскому въ шифрѣ. Бесѣда наша была весьма тягостною. Керенскій, не вполнѣ, въ то время, понимая, что политическая роль его въ Россіи безвозвратно окончена, принялъ крайне рѣзкій тонъ, ссылался на свою «силу», упрекалъ меня въ «пособничествѣ кознямъ англичанъ» и тому подобное. Онъ выказалъ, при этомъ, мало самообладанія и много злобы.

Обо всемъ этомъ я тотчасъ же протелеграфировалъ Авксентьеву и вскорѣ получилъ отвѣтъ изъ Омска, что «Керенскій находится въ Лондонѣ въ качествѣ частнаго лица», что никакихъ полномочій отъ Союза Возрожденія ему не дано, и что мой отказъ ему въ шифрѣ признается правильнымъ. Копія этой телеграммы была мною передана Керенскому — около 25-го октября — и съ тѣхъ поръ я съ нимъ не встрѣчался.

Послѣ роспуска директоріи и провозглашенія Колчака верховнымъ правителемъ — Керенскій велъ въ Парижѣ и Лондонѣ агитацію противъ Омскаго правительства, чѣмъ вызвалъ отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны всѣхъ русскихъ прогрессивныхъ круговъ, ставшихъ выше партійныхъ кличекъ въ стремленіи поддержать человѣка, поднявшаго знамя объединенія Россіи на демократическихъ началахъ.

Будущее покажетъ — сумѣетъ ли Керенскій вернуться въ Россіи къ сколько-нибудь видной и значительной политической роли. Лично мнѣ это

представляется сомнительнымъ. Ненависть къ нему русскаго офицерства «отъ мала до велика» — непримирима и въ значительной степени имъ заслужена, если правдивы слышанные мною отъ вполнѣ просвѣщенныхъ офицеровъ разсказы о нарочитомъ высокомѣріи и подозрительности, проявленныхъ Керенскимъ въ его сношеніяхъ съ русскими генералами въ бытность его «штатскимъ главнокомандующимъ». Раздающееся столь часто обвиненіе, что Керенскій «разложилъ армію» — я считаю неправильнымъ. Возлагать отвѣтственность за это разложеніе на одного человѣка — ребячество. Ясно, что произошло стихійное явленіе, остановить которое ни Керенскій, ни кто-либо другой не былъ въ состояніи. Безспорно, что Керенскій, какъ глава Временнаго правительства, оказался не на высотѣ положенія. Безспорно, что онъ страдалъ маніей величія. Безспорно, и никогда опровергнуто имъ быть не можетъ, что въ дѣлѣ корниловскаго выступленія онъ дѣйствовалъ двулично, лгалъ и путалъ. Но хулителямъ и ненавистникамъ его не слѣдуетъ забывать, что нужно было обладать сверхъ-человѣческимъ геніемъ, энергіей и силой воли, чтобы совладать съ тою задачею, которая выпала на долю Керенскаго. А онъ, при всѣхъ своихъ качествахъ и недочетахъ — не сверхъ-человѣкъ.

Оставшись въ теченіе 1919 года въ сторонѣ отъ русскаго политическаго совѣщанія въ Парижѣ, включавшаго, кромѣ русскихъ дипломатовъ, так-

же и бывшихъ друзей и сотрудниковъ Керенскаго, — онъ сталъ все больше и больше нервничать, и повелъ систематическую атаку на тѣ государственныя образованія (въ Сибири и на югѣ Россіи) — поддерживать которыя было задачею совѣщанія. Керенскій, пріѣхавъ въ Лондонъ лѣтомъ 1918 г., усиленно ратовалъ за интервенцію. Годъ спустя, увидавъ, что интервенція эта, ограничивающаяся полу-мѣрами и сопровождающаяся со стороны Ллойдъ Джорджа нерѣшительной и двойственной политикой — онъ сталъ проповѣдывать прекращеніе всякаго вмѣшательства. Опять-таки, не слѣдуетъ ли нѣкоторымъ ненавистникамъ Керенскаго спросить себя: имѣютъ ли они за собою такія заслуги предъ родиной, чтобы быть вправѣ осуждать человѣка, видящаго спасеніе Россіи въ иной политикѣ, нежели та, которую ведутъ они?

ГЛАВА XIV.

Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, уволенный еще Сазоновымъ съ важнаго и труднаго посланническаго поста, разсказывалъ мнѣ недавно слѣдующее. Въ концѣ февраля 1918 г. онъ оказался въ Петроградѣ, гдѣ проживалъ на скромную пенсію. Прослышавъ о его пребываніи тамъ, большевики пригласили его въ министерство иностранныхъ дѣлъ для «бесѣды». Ему оказана была честь — онъ былъ допущенъ къ самому Чичерину. На предложеніе поступить вновь на службу «совѣтской власти» онъ отвѣтилъ отказомъ, причемъ съ присущею ему откровенностью сказалъ, что заключеніе брестъ-литовскаго мира считаетъ актомъ позорнымъ и безумнымъ. На это Чичеринъ (очевидно, не своимъ умомъ додумавшись) возразилъ: «Мы вынуждены были заключить миръ, потому что воевать съ нѣмцами больше не могли. Но брестъ-литовскій миръ — только на бумагѣ. Развѣ вы не понимаете, что Германія уже разбита. Активная помощь Америки — уже рѣшила войну въ пользу «Согласія». А когда Союзники побѣдятъ, брестъ-литовскій миръ уничтожатъ или они, или мы сами».

Итакъ, въ Совдепіи, гдѣ хорошо были освѣдомлены о внутреннемъ положеніи Германіи, уже въ февралѣ 18-го года, то есть при подписаніи мира, считали Германію побѣжденной. Въ странахъ же «Согласія» ничего подобнаго не думали. Въ апрѣлѣ или маѣ (не помню точно) — въ одной изъ лондонскихъ газетъ появился рядъ статей, авторъ коихъ, по профессіи коммерсантъ, былъ съ начала войны интернированъ въ Германіи, но благодаря особымъ условіямъ имѣлъ возможность многосторонне наблюдать то, что происходило въ странѣ. Выбравшись, наконецъ, на родину, онъ помѣстилъ рядъ статей, содержаніе которыхъ сводилось къ слѣдующему: Германія еще способна продержаться мѣсяцевъ шесть, и даже не исключена возможность крупныхъ успѣховъ на фронтѣ; но внутреннее положеніе таково, что внезапный и полный крахъ — неизбѣженъ; вопросъ лишь въ томъ, наступитъ ли онъ черезъ 3, 4 или 6 мѣсяцевъ. Но крахъ будетъ такой, что Германія капитулируетъ.

Статьи эти, какъ ни рекламировала ихъ газета, прошли сравнительно мало замѣченными. Поняты онѣ были какъ неудачная попытка поднять настроеніе въ Англіи, гдѣ начинало рождаться сомнѣніе въ возможности полной побѣды надъ Германіей. Настроеніе было молчаливо-подавленное. Съ марта по августъ 1918 года, можно сказать безъ преувеличенія, страна жила «стиснувъ зубы, затаивъ дыханіе». Парижъ! Слово это

было у всѣхъ въ мысляхъ и даже на устахъ. Когда началось послѣднее наступленіе нѣмцевъ на столицу Франціи, въ то время уже обстрѣливаемую изъ дальнобойной «Берты». . . казалось, что дѣло проиграно. И только въ августѣ, послѣ отраженія этого наступленія и при началѣ продвиженія впередъ по разоренной Франціи союзныхъ войскъ — Англія перевела дыханіе.

Но до этого момента, съ самаго подписанія брестъ-литовскаго мира — повторяю — исходъ войны, казавшійся висящимъ на волоскѣ, былъ исключительной и единственной заботой англійскихъ правительственныхъ сферъ и общественнаго мнѣнія. Какъ же могло русское посольство, оказавшееся совершенно изолированнымъ, оторваннымъ, не только отъ сообщенія съ Россіей, но и отъ остальныхъ русскихъ представительствъ, дѣятельно работать въ направленіи оказанія помощи Россіи? Министры, члены военнаго кабинета и самъ глава кабинета, съ все возростающимъ волненіемъ ожидавшіе, два раза въ день, «военнаго бюллетеня» съ западнаго фронта — могли ли они «загадывать о днѣ грядущемъ»,смотрѣть далеко впередъ и понимать тогда, что оставленіемъ Россіи на произволъ большевиковъ они, какъ я выразился въ приведенномъ выше письмѣ къ Сесилю, рискуютъ парализовать послѣдствія даже самой полной побѣды? Нѣтъ, не могли. Они «отмахивались» отъ Россіи, отъ вопроса о помощи Россіи; наши увѣренія, что въ Россіи всѣ сознательные ждутъ помо-

щи и не мирятся съ брестъ-литовскимъ миромъ — принимались скептически; разсуждалось такъ: пока нѣтъ активнаго противодѣйствія — какое намъ дѣло до того, что думаютъ и чувствуютъ люди, не умѣющіе съорганизоваться для низверженія большевиковъ.

Эта психологія господствовала. Побороть ее — не было силъ. А потому невольно дѣятельность посольства — подъ постоянною угрозою «прикрытія» въ результатѣ оффиціальнаго признанія большевиковъ — свелась въ эти мѣсяцы, то есть до начала сентября 18-го года, къ борьбѣ противъ нарушенія жизненныхъ интересовъ Россіи и русскихъ гражданъ. Борьбѣ, въ которой орудіемъ моимъ могло быть только слово горячаго убѣжденія и призывъ къ благородству англичанъ, подкрѣпляемый напоминаніями о понесенныхъ Россіей жертвахъ.

Первую подлинную вѣсть о нарожденіи въ Россіи правительственной организаціи, имѣвшей цѣлью созданіе анти-большевистской власти, я получилъ изъ Владивостока. За шесть или семь мѣсяцевъ — первое обращеніе къ представителю Россіи отъ русской «власти». Союзъ Возрожденія, возникшій въ Москвѣ гораздо ранѣе (кажется, въ мартѣ) — ни разу не обратился непосредственно къ представителю Россіи въ Англіи. Потому ли, что къ этому не представлялось фактической возможности, или же «не приходило въ голову» — не знаю. Думаю, что фактическая возможность

была, ибо Локхартъ, англійскій представитель въ Москвѣ, могъ посылать курьеровъ. Такъ или иначе — о существованіи «Союза Возрожденія» я получалъ отрывочныя свѣдѣнія отъ случайныхъ бѣженцевъ изъ Россіи, и ни разу, никогда не имѣлъ случая говорить съ англійскимъ министерствомъ отъ его имени. «Правительство», образовавшееся во Владивостокѣ, возглавлялось г. Дерберомъ. О составѣ правительства, о личности его главы — свѣдѣній не было. На телеграмму Дербера я отвѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ, заявляя готовность сноситься съ Англійскимъ правительствомъ отъ его имени, поскольку эти сношенія способны были повести къ поддержкѣ власти, поставившей себѣ задачею борьбу съ большевиками.

Почти одновременно получена была мною телеграмма отъ генерала Хорвата, сформировавшаго другое анти-большевисткое правительство въ Харбинѣ. Телеграммы ходили медленно, и по содержанію были таковы, что не было никакой возможности отдать себѣ ясный отчетъ о подлинныхъ событіяхъ. Приходилось дѣйствовать ощупью, руководствуясь случайными данными, телеграммами англійскихъ корреспондентовъ и свѣдѣніями изъ оффиціальныхъ англійскихъ источниковъ. Поскольку это было въ моей власти — я дѣлалъ все возможное, чтобы разъяснить сразу же поднявшимъ партійные споры и вступившимъ въ конфликтъ изъ за того, которое изъ нихъ имѣетъ право на признаніе — «правительствамъ» Дербера во

Владивостокѣ и Хорвата въ Харбинѣ, — а затѣмъ и правительству, появившемуся въ Омскѣ и назвавшему себя «сибирскимъ», — что споры между ними — при общей цѣли борьбы съ большевиками — губительны. Я писалъ, что имъ слѣдуетъ стремиться къ водворенію и сохраненію порядка и предотвращенію политической и экономической разрухи каждому въ своемъ районѣ, сговариваясь по всѣмъ вопросамъ, для успѣшнаго разрѣшенія которыхъ (какъ напримѣръ, желѣзнодорожнаго) необходима координація. Словомъ, моя идея была — образованіе, такъ сказать, автономныхъ административныхъ центровъ, на подобіе прежнихъ губернаторствъ, но, само собою разумѣется, . . . на иныхъ началахъ, нежели эти губернаторства прежняго режима.

Сибирскія газеты за лѣтніе и осенніе мѣсяцы 1918 года, матеріалы, изданные директоріей —даютъ полную картину событій въ Сибири, завершившихся объединеніемъ Сибири (увы, оказавшимся непрочнымъ и недолговѣчнымъ) и затѣмъ признаніемъ директоріи всероссійскою. Отсылаю читателя къ этимъ матеріаламъ.

Для русскаго представительства въ Лондонѣ полученіе первой телеграммы отъ Авксентьева обозначало конецъ періода «висѣнія въ воздухѣ». Наконецъ, появилась возможность сказать англичанамъ: На далекомъ востокѣ возрождается русская государственность. Она ищетъ поддержки державъ Согласія. Ради противодѣйствія нечести-

вому союзу германскаго самодержавія съ русскимъ большевизмомъ — окажите эту поддержку. Началась, такимъ образомъ, снова активная политическая работа.

Съ этимъ моментомъ — появленія въ Россіи власти, возобновившей сношенія съ представителями Россіи заграницею — совпала возможность для меня получать изъ Омска и Владивостока освѣдомленіе объ истинномъ положеніи дѣла отъ лицъ, сообщеніямъ которыхъ я могъ безусловно довѣрять. И вотъ изъ этихъ, вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ стали поступать извѣстія, указывавшія на непрочность директоріи, на неспособность ея создать необходимую для борьбы съ деспотизмомъ большевиковъ твердую власть, и въ частности — орудіе этой власти — армію. Свѣдѣнія эти подтверждались и изъ англійскихъ источниковъ. Не прошло и мѣсяца со дня провозглашенія директоріи всероссійскою властью, какъ стали получаться извѣстія о неминуемости переворота, причемъ указывалось, что переворотъ этотъ долженъ клониться къ созданію сильной власти.

Наступило 11-ое ноября — безсмертная дата въ исторіи Европы. Пушечная пальба возвѣстила жителямъ Лондона, что перемиріе подписано. Ликованіе населенія столицы не поддается описанію. Въ теченіе цѣлой недѣли продолжалось это ликованіе, принявшее форму блужданія веселыхъ полчищъ народа по улицамъ до поздней ночи, катанья на автомобиляхъ, пѣсенъ, костровъ, процессій.

Въ сознаніи толпы, насколько я могъ наблюсти, праздничное настроеніе порождено было не столько оцѣнкою капитуляціи Германіи, какъ международно-политическаго событія, и даже не столь чувствомъ торжествующаго національнаго подвига — сколько непосредственною животною, если можно такъ выразиться, радостью по поводу того, что прекратилась бойня, что не будутъ больше отцы и матери, жены и сестры съ трепетомъ открывать оффиціальныя телеграммы съ роковымъ извѣстіемъ объ убійствѣ сыновей, мужей и братьевъ. Атмосфера лондонскихъ ресторановъ, улицъ, театровъ, обычно такая спокойная, молчаливая и сдержанная, въ эти дни преобразилась. И въ этомъ разгулѣ — лишенномъ, однако, грубости и эксцессовъ — было что-то подлинное, непосредственное.

Трудно, разумѣется, описать тѣ нравственныя терзанія, которыя пришлось пережить намъ, русскимъ людямъ, въ теченіе этихъ дней и затѣмъ при всякомъ «празднествѣ», въ которомъ участвовали «союзные представители» . . . но изъ которыхъ мы были исключены.

Городъ разукрасился флагами — но среди этихъ флаговъ не было русскаго. Только на военномъ министерствѣ развѣвался нашъ флагъ, среди прочихъ, да немногіе англичане, друзья Россіи, вывѣсили нашъ флагъ на своихъ домахъ.

Въ эти дни немало имѣло мѣсто всяческихъ церемоній, сопровождавшихся ораторскими выступленіями членовъ кабинета. Ни одинъ изъ

нихъ ни разу не обмолвился ни однимъ словомъ о жертвахъ, принесенныхъ Россіей. Помню, какъ глубоко поразилъ меня фактъ, что даже Бальфуръ, этотъ просвѣщеннѣйшій и культурнѣйшій образецъ англійскаго джентельмэна, въ пространной рѣчи, въ теченіе которой онъ упомянулъ о всѣхъ Союзникахъ, включая даже доблестныхъ португальцевъ, умолчалъ о Россіи. На наивный вопросъ одного англійскаго чиновника, «что я думаю о рѣчи Бальфура», я отвѣтилъ: «Г. Бальфуръ позабылъ упомянуть о княжествѣ Монако. Въ качествѣ русскаго человѣка, не могу не соболѣзновать съ этимъ союзникомъ, подвиговъ котораго Бальфуръ не оцѣнилъ». О Россіи забыли. Помнили о ней, впрочемъ, тѣ англійскіе офицеры, которые пробыли нѣкоторое время въ рядахъ русской арміи. Еще сердечнѣе было отношеніе къ намъ тѣхъ офицеровъ, которые въ нѣмецкомъ плѣну дѣлили съ русскими всѣ невзгоды и лишенія этого плѣна. При первомъ же свиданіи, которое я имѣлъ съ лордомъ Робертомъ Сесилемъ послѣ заключенія перемирія, я передалъ ему меморандумъ и подкрѣпилъ этотъ документъ словами горячей просьбы о томъ, чтобы Союзники позаботились о судьбѣ русскихъ плѣнныхъ въ Германіи. «Если ихъ выпустятъ на всѣ четыре стороны — они естественно устремятся въ Россію, гдѣ попадутъ въ Совдепію, и гдѣ имъ грозитъ альтернатива или итти въ красную армію, или умереть отъ голода, холода или разстрѣла». Событія подтвердили мое опасеніе . . . но въ пунктахъ

перемирія о русскихъ плѣнныхъ не было упомянуто. Впослѣдствіи дѣлались попытки установить надзоръ за русскими лагерями и помѣшать тому, чтобы наши плѣнные en masse переходили въ Совдепію. Въ одномъ изъ отдѣловъ военнаго министерства, спеціально занимавшемся Россіей и русской арміей, работалъ одинъ (а впослѣдствіи трое) офицеръ, проведшій въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ въ русскомъ лагерѣ. Я могу удостовѣрить, что онъ проявлялъ гораздо больше сердца, состраданія и заботы по отношенію къ русскимъ плѣннымъ, чѣмъ всѣ наши военныя власти въ Лондонѣ, и въ особенности наша бездарная и безсильная военная агентура. Лично я испытываю чувства живѣйшей благодарности къ этимъ англійскимъ друзьямъ за всѣ заботы. Увы, ихъ усилія были единоличными. «Сверху», отъ Ллойдъ Джорджа, кромѣ повторяемой на всѣ лады фразы о томъ, что Россіи «нѣтъ», что Россія «развалилась» . . . мы ничего не слыхали.

Въ моментъ капитуляціи Германіи у Англійскаго правительства имѣлъ мѣсто, въ политикѣ его по отношенію къ Россіи, краткій моментъ прозрѣнія. Думаю, что не ошибаюсь, приписывая иниціативу этого lucidum intervallum лорду Роберту Сесилю. Англійское правительство въ этотъ моментъ поняло, что признаніе законной русской власти — необходимая предпосылка къ разрѣшенію всѣхъ сложнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ переустройствомъ Европы. Хотя мѣстные англійскіе

агенты въ Сибири доносили, что директорія не прочна, что между с-р'-ами и «военной партіей» идутъ разговоры — тѣмъ не менѣе было рѣшено признать директорію, и 17-го ноября была даже заготовлена въ этомъ смыслѣ телеграмма въ Омскъ.

Переворотъ 18-го ноября — роспускъ директоріи и провозглашеніе Колчака верховнымъ правителемъ — заставилъ правительство задержать телеграмму. Когда я 19-го числа пришелъ къ лорду Роберту Сесилю, онъ сказалъ мнѣ: «Мы были готовы признать директорію. Она насильственно смѣщена. Кто можетъ поручиться, что не произойдетъ черезъ три недѣли того же самаго съ Колчакомъ? При такихъ условіяхъ намъ очень трудно принять рѣшеніе. Подождемъ, посмотримъ».

И съ тѣхъ поръ все ждутъ. Съ тѣхъ поръ, правда, въ короткихъ умахъ укоренилась идея, что захватъ Москвы является рѣшающимъ моментомъ . . .

Русскіе либеральные круги въ Лондонѣ встрѣтили извѣстіе о сверженіи директоріи крайне враждебно. Пошли разговоры о «диктатурѣ», о реакціонности Колчака, о нарушеніи преемственности власти и такъ далѣе. И только по мѣрѣ того, какъ стало обнаруживаться, что Колчака поддерживаютъ не только группа офицеровъ, но и крупныя общественныя организаціи — удалось убѣдить

большинство нашихъ народниковъ въ Лондонѣ отказаться отъ активной агитаціи противъ Колчака и усмотрѣть въ немъ человѣка, пытающагося объединить всѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Тѣмъ временемъ Западная Европа, очнувшись отъ кошмара — опасности германской побѣды — начала готовиться къ мирной конференціи. На очередь сталъ вопросъ о томъ, будетъ ли допущена Россія къ участію въ мирныхъ переговорахъ. Незадолго до отъѣзда въ Парижъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, я имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду — послѣднюю, ибо онъ возвратился въ Лондонъ уже послѣ того, какъ я былъ смѣщенъ Сазоновымъ, въ концѣ сентября 1919 года. На мои доводы о томъ, что отсутствіе русскихъ представителей при обсужденіи вопросовъ міроваго значенія фактически приведетъ къ тому, что эти вопросы не получатъ разрѣшенія, что правительство, возглавляемое Колчакомъ, представляетъ собою возрожденіе Россіи, и что я не сомнѣваюсь въ силѣ національнаго подъема въ Россіи, Бальфуръ указалъ мнѣ, на картѣ Россіи, всѣ области, признающія большевиковъ; «пока большая часть Россіи въ ихъ рукахъ и пока Ленинъ сидитъ въ Москвѣ — я не могу повѣрить въ національное возрожденіе Россіи». Изъ заслуживающихъ полнаго довѣрія источниковъ мнѣ передавали, что Бальфуръ относился всегда скептически, если не отрицательно, ко всякимъ проектамъ оказанія помощи Россіи въ широкихъ размѣрахъ державами

Согласія и въ особенности Англіей. Онъ исходилъ, будто бы, изъ убѣжденія, что сближеніе Россіи съ Германіей въ близкомъ будущемъ — неотвратимо и неизбѣжно. Всякое усиленіе Россіи, поэтому, опасно для Англіи. Политика англичанъ за послѣдній годъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что такая идея въ умахъ англійскихъ государственныхъ людей существовала. Исходила ли она отъ самого Бальфура — сказать не берусь, но не подлежитъ сомнѣнію, что Бальфуръ оказывалъ весьма слабое сопротивленіе гибельнымъ экскурсіямъ Ллойдъ Джорджа и его любителей — совѣтниковъ (различныхъ національностей) — въ области сношеній съ Россіей.

Съ заключеніемъ перемирія открылись ворота, отдѣлявшія насъ отъ юга Россіи, и крупнымъ факторомъ въ дѣлѣ возсозданія нашей государственности въ сотрудничествѣ съ Союзниками стала добровольческая армія и политическое совѣщаніе при ея главнокомандующемъ — генералѣ Деникинѣ. Русскіе люди, бѣжавшіе изъ Совдепіи на югъ, получили доступъ въ Европу — и съ этого времени начался притокъ въ Лондонѣ русскихъ, дававшихъ авторитетныя и правдивыя свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи. Къ моменту созыва мирной конференціи выяснилось, что имѣется на лицо три государственныя единицы, — архангельское правительство, правительство Колчака и добровольческая армія — объединеніе которыхъ, при умѣломъ руководствѣ, должно пріобрѣсти поддержку Союз-

никовъ и восторжествовать надъ совѣтскимъ правительствомъ.

Наступилъ новый періодъ въ печальной исторіи сношеній Западной Европы съ Россіей.

ГЛАВА XV.

Открытіе Мирной Конференціи въ Парижѣ, послѣдовавшее вскорѣ за заключеніемъ перемирія, знаменуетъ собою начало послѣдняго фазиса моей дѣятельности въ качествѣ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ. Въ теченіе этого періода моя дипломатическая работа крайне затруднилась, по двумъ основнымъ причинамъ: Первая — отъѣздъ въ Парижъ отвѣтственныхъ начальниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ которыми я до тѣхъ поръ велъ переговоры, и перенесеніе центра Британской политики изъ Лондона въ столицу Франціи. Лордъ Керзонъ, замѣнившій г. Бальфура, ни разу не оказалъ мнѣ чести принять меня. Личные разговоры съ Сэромъ Рональдомъ Грэхамомъ (помощникомъ Лорда Хардинга) и его ближайшими подчиненными были, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ «академичными». Когда же, слѣдуя установившейся въ «нормальныя времена» традиціи, я подкрѣплялъ личныя объясненія представленіемъ нотъ, меморандумовъ и писемъ, я получалъ извѣщеніе, что эти документы передаются на обсужденіе въ Парижъ.

Второю причиною, парализовавшею мою рабо-

ту, было образованіе въ Парижѣ политическаго Совѣщанія и пріѣздъ въ Парижъ, въ Январѣ 1919 г. С. Д. Сазонова.

Вопросъ о представительствѣ Россіи на Мирной Конференціи занималъ вниманіе всѣхъ русскихъ людей, и по этому вопросу не было разногласія.

Памятуя заявленіе гг. Бальфура и Ллойдъ Джорджа, я лично ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что русскіе представители допущены не будутъ. Разрѣшеніе этого вопроса зависѣло, разумѣется, всецѣло отъ оффиціальнаго признанія Омскаго правительства. Я полагалъ, что если бы такое признаніе состоялось, наилучшимъ методомъ было бы назначеніе Омскимъ правительствомъ делегатами нашихъ пословъ въ Римѣ и Парижѣ и Н. В. Чайковскаго, стоявшаго тогда во главѣ Архангельскаго правительства, или С. Д. Сазонова. Эти делегаты получали бы инструкціи изъ Россіи, т. е. отъ правительствъ Колчака и Деникина.

Планы эти, однако, не осуществились, и событія приняли совершенно иной оборотъ. Въ Парижѣ образовано было политическое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Князя Г. Е. Львова. Членами его были послы въ Парижѣ, Римѣ, Вашингтонѣ и Мадридѣ, посланникъ въ Швеціи К. Н. Гулькевичъ, А. П. Извольскій, С. Д. Сазоновъ, А. И. Коноваловъ, Б. В. Савинковъ, Н. В. Чайковскій, А. А. Титовъ. Въ оффиціальномъ документѣ, оповѣщавшемъ о созданіи Совѣщанія и о его составѣ, упомянуто

было и мое имя. Я поспѣшилъ, однако, извѣстить Омское правительство, что не принимаю участія въ засѣданіяхъ, не согласенъ съ нѣкоторыми взглядами Совѣщанія и считаю болѣе цѣлесообразнымъ оставаться въ Лондонѣ.

Никто изъ членовъ Совѣщанія на Конференцію приглашенъ не былъ. Совѣщаніе, однако, засѣдало ежедневно и представляло Конференціи ноты и меморандумы, за подписями Львова, Маклакова, Чайковскаго и Сазонова.

Недѣли двѣ спустя послѣ пріѣзда Сазонова въ Парижъ, друзья посовѣтовали мнѣ съѣздить туда, чтобы установить личныя сношенія съ человѣкомъ «которому всецѣло довѣряютъ Колчакъ и Деникинъ и который снова сталъ моимъ «начальникомъ» въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Омскаго правительства».

По несчастному совпаденію, я пріѣхалъ въ Парижъ въ тотъ моментъ, когда въ парижскихъ вечернихъ газетахъ появилась знаменитая радіо-телеграмма, приглашавшая всѣ русскія «правительственныя образованія» на конференцію на Принкипо.

Капитуляція Германіи послужила мощнымъ стимуломъ Русскому національному движенію. Русскій народъ начиналъ понимать обманъ большевизма, обѣщавшаго миръ, свободу и благораствореніе воздуховъ, но на самомъ дѣлѣ принесшаго рабство, обнищаніе и смерть. Россія вѣрила, что державы Согласія, освободившись отъ кошмара

войны, придутъ къ ней на помощь. Вмѣсто помощи мы получили Принкипо. Въ исторіи человѣчества едва ли можно найти болѣе позорный актъ, чѣмъ это жалкое выраженіе коллективной мысли представителей великихъ западныхъ Демократій, торжествовавшихъ побѣду. Въ настоящее время распространено мнѣніе, что Принкипо только усилило большевиковъ. Оно, дѣйствительно, усилило ихъ политическій престижъ, но на ряду съ этимъ оно раскрыло глаза русскому обществу. Каждый честный русскій патріотъ долженъ былъ понять, что Россія можетъ спасти себя только сама, и что всякія надежды на помощь со стороны недавнихъ друзей несбыточны. «Pas de tête plutôt qu' une souillure au front» сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ подлинныхъ русскихъ патріотовъ. Таково мое мнѣніе о результатахъ Принкипо. Легко себѣ представить, сколь горячее негодованіе было вызвано этимъ зловѣщимъ проектомъ, выдуманнымъ анонимными совѣтчиками, въ пору, когда онъ явился для публики какъ громъ изъ яснаго неба. Въ тѣ дни были еще русскіе люди, полагавшіе, что Западная Европа не можетъ оставаться въ роли равнодушнаго свидѣтеля страданій русскаго народа. «Принкипо» разрушило всѣ подобныя иллюзіи.

Сазоновъ, немедленно извѣщенный г. Диллономъ объ опубликованіи пресловутой радіо-телеграммы (Французское правительство о ней ему не сообщило; въ эту пору его уже совершенно игнорировали) — въ этомъ случаѣ взялъ вѣрный тонъ. Корре-

спонденту газеты «Matin» онъ въ ближайшемъ интервью горячо заявилъ, что предложеніе непріемлемо и оскорбительно.

На слѣдующій день я участвовалъ въ засѣданіи русскаго политическаго Совѣщанія. Были высказаны мнѣнія, что намъ надлежитъ воздержаться отъ какихъ-либо скороспѣлыхъ рѣшеній, выжидать развитія событій и въ частности выяснить позицію Французскаго правительства, прежнее отношеніе котораго къ совѣтской власти позволяло предполагать, что сами французы не вѣрятъ въ возможность компромиссовъ съ большевиками. Въ противоположность такимъ мнѣніямъ, я высказался за то, чтобы безотлагательно и въ самой категорической формѣ отвергнуть предложеніе, заручившись одновременно, въ цѣляхъ поддержки, резолюціями протеста со стороны русскихъ общественныхъ организацій въ Парижѣ и Лондонѣ. Я замѣтилъ по этому поводу, что, поскольку дѣло касается Англіи, странно было бы намъ, русскимъ людямъ, предоставить газетѣ «Morning Post» изливать негодованіе, оставаясь самимъ безмолвными. Нѣкоторые мои коллеги въ этомъ случаѣ, считаясь съ установившимся мнѣніемъ, что иниціаторомъ Принкипо было Британское правительство, не преминули сдѣлать колкія замѣчанія относительно отсутствія съ моей стороны вліянія на политику названнаго правительства. Рѣшено было выжидать развитія событій. Въ тотъ же самый день въ посольствѣ состоялось многочисленное со-

браніе всѣхъ политическихъ группъ русской колоніи въ Парижѣ. Единодушнымъ рѣшеніемъ было постановлено не только отказаться отъ приглашенія на «Зеленый Островъ», но также выразить негодующій протестъ. Присутствуя на этомъ собраніи, я хотѣлъ было приложить и свою подпись къ вынесенной резолюціи, но былъ удержанъ отъ этого указаніемъ на мое положеніе русскаго представителя въ Лондонѣ. На другой день мои британскіе пріятели, въ частномъ разговорѣ, очевидно по внушенію свыше, аргументировали слѣдующими словами пріемлемость предложенія: «Вы должны бы принять это предложеніе. Большевики его не примутъ. Весь свѣтъ, британскіе общественные круги, не исключая и симпатизирующихъ Ленину, тогда поймутъ невозможность мира съ большевиками. Тогда Великобританія будетъ въ состояніи примѣнить силу для разрушенія большевизма. Если вы откажетесъ, васъ обвинятъ въ сознательномъ намѣреніи продолжать гражданскую войну, вамъ придется расплачиваться за послѣдствія». Я отвѣчалъ, что любой русскій представитель, принявъ ихъ доводы и согласившись, несмотря на позоръ брестъ-литовскаго мира, переговариваться съ большевиками, тѣмъ самымъ подорвалъ бы довѣріе къ себѣ тѣхъ, кого онъ представляетъ, страна отказалась бы отъ него и слѣдовательно цѣль не была бы достигнута.

Такъ какъ дальнѣйшее мое пребываніе въ Парижѣ было безполезно, причемъ была исключена

возможность личнаго общенія съ С. Д. Сазоновымъ, относившимся ко мнѣ съ предвзятой враждебностью, я возвратился вслѣдъ за тѣмъ въ Лондонъ. Впечатлѣніе отъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ, было весьма тягостно.

Какъ я уже ранѣе замѣтилъ, дипломатическая работа въ Лондонѣ была очень затруднительна. Въ своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ Колчака я всемѣрно старался выяснить послѣднему дѣйствительное положеніе дѣлъ. Сазоновъ пытался препятствовать этому. Въ февралѣ я получилъ отъ него указаніе всѣ телеграммы по политическимъ вопросамъ направлять не въ Омскъ, а въ Парижъ. Въ качествѣ представителя Омскаго правительства я естественно долженъ былъ считаться съ указаніемъ лица, назначеннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ этого правительства. Въ то же время я сознавалъ, что въ дѣлѣ освѣдомленія Омска о политическихъ теченіяхъ и событіяхъ въ Великобританіи я былъ болѣе компетентенъ, чѣмъ Сазоновъ. Въ виду этого я отправилъ въ Омскъ первому министру Вологодскому слѣдующую телеграмму: «Я не посылаю вамъ политическаго освѣдомленія, такъ какъ Сазоновъ этому противится. Если желаете получать освѣдомленіе, благоволите дать мнѣ соотвѣтствующія указанія». Послѣдовалъ отвѣтъ Вологодскаго: «Ваше освѣдомленіе весьма цѣнно. Благоволите продолжать».

Работа посольства въ это время была также осложнена и въ другихъ отношеніяхъ. Послѣ заклю-

ченія перемирія Британское правительство отмѣнило нѣкоторыя ограниченія, коими до того было обставлено прибытіе въ Великобританію русскихъ гражданъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пути слѣдованія изъ Россіи въ Великобританію черезъ Архангельскъ, Владивостокъ и порты Чернаго моря стали болѣе доступными.

Много русскихъ стало пріѣзжать въ Лондонъ. Наши соотечественники прибывали и изъ Скандинавскихъ государствъ и Финляндіи. Среди русскихъ были политическіе и общественные дѣятели. Посольство дѣлало все возможное для установленія общенія между образовавшимися въ Лондонѣ различными политическими группами. Оно также всемѣрно содѣйствовало тому, чтобы вновь прибывавшіе входили въ связь съ находившимися уже въ Лондонѣ. Поэтому въ посольствѣ періодически, съ небольшими промежутками, устраивались собранія (въ небольшомъ числѣ) представителей политическихъ группъ, на которыхъ вновь пріѣхавшіе сообщали свои впечатлѣнія о политическомъ и экономическомъ положеніи той части Россіи, изъ которой они прибыли. Различія въ мнѣніяхъ политическаго Совѣщанія, а особенно г. Сазонова, съ одной стороны, — и моихъ, съ другой, были настолько серьезны, что, какъ это вскорѣ обнаружилось, продолженіе мной дипломатической работы въ Лондонѣ въ данной обстановкѣ было бы безплоднымъ. Прежде всего мы въ корнѣ разошлись въ вопросѣ о признаніи Россіей —

немедленно и безъ оговорокъ — независимости Финляндіи. Я держался мнѣнія, и сообщилъ его Адмиралу Колчаку, что Россія должна бы притти къ соглашенію съ Финляндіей и соглашеніе это представить на санкцію Мирной Конференціи.

Свой взглядъ на отношенія русской власти, объединяющей широкіе политическіе и общественные круги интеллигентной Россіи, на независимость Финляндіи я изложилъ въ цѣломъ рядѣ телеграммъ въ Омскъ, изъ коихъ привожу здѣсь нѣкоторыя почти полностью.

Телеграмма Вологодскому отъ 14 февраля:

«Профессоръ Петръ Струве, прибывшій на дняхъ изъ Финляндіи по пути въ Парижъ, обратился ко мнѣ въ качествѣ оффиціальнаго уполномоченнаго существующихъ въ Гельсингфорсѣ организацій, возглавляемыхъ ген. Юденичемъ и А. В. Карташевымъ, съ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что, во-первыхъ, тамъ образовался подъ предсѣдательствомъ А. В. Карташева «Русскій Комитетъ», утвержденный Финляндскимъ правительствомъ. Включая различные по взглядамъ и соціальному положенію элементы, онъ имѣетъ цѣлью попеченіе о бѣжавшихъ отъ большевиковъ русскихъ. Комитетъ работаетъ въ полномъ согласіи съ Финляндскимъ правительствомъ и подъ его контролемъ. Весьма вліятельную роль въ немъ играютъ представители торговли и промышленности, преимущественно петроградской, которыхъ взоры, конечно, обращены на Петроградъ.

Рядомъ съ «Русскимъ Комитетомъ» въ Финляндіи образовался болѣе тѣсный политическій кружокъ, стремящійся, въ согласіи съ другими государственными силами Россіи — и прежде всего въ согласіи съ адм. Колчакомъ и ген. Деникинымъ, — содѣйствовать освобожденію Россіи, особенно Петрограда, отъ большевиковъ. Согласно своей основной военно-политической задачѣ кружокъ призналъ своимъ руководителемъ ген. Юденича, а затѣмъ наиболѣе вліятельной фигурой въ немъ является тотъ же Карташевъ. Обѣ эти организаціи, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собой, уполномочили его, Струве, черезъ Парижское совѣщаніе, а также черезъ законныхъ Россійскихъ дипломатическихъ представителей, просить Союзныя правительства: 1) оказать скорѣйшую продовольственную помощь русскому населенію, спасающемуся въ Финляндіи, и тѣмъ облегчить бремя, ложащееся на послѣднюю, и 2) оказать русскимъ организаціямъ въ Финляндіи подъ руководствомъ Юденича и Карташева содѣйстіе въ накопленіи продовольстія для Петрограда, безъ чего освобожденіе отъ большевиковъ не можетъ быть прочнымъ.

При этомъ Струве отмѣчаетъ, что 1) ген. Юденичъ въ качествѣ руководителя указанной организаціи формально сообщилъ адм. Колчаку, что признаетъ его какъ Верховнаго Правителя и ставитъ себя въ его распоряженіе; 2) что русскіе дѣятели, группирующіеся вокругъ Юденича и Карташева,

безоговорочно стали на почву лойяльнаго признанія независимости Финляндіи и 3) что онъ, Струве, состоитъ членомъ обѣихъ организацій въ Финляндіи.

Въ заключеніе Струве высказываетъ убѣжденіе, что вопросъ о продовольствованіи Потрограда долженъ и можетъ быть разрѣшенъ въ связи съ существованіемъ въ Финляндіи названныхъ русскихъ безпартійныхъ организацій.

Содержаніе письма сообщено мною Великобританскому правительству. Полагаю, что, по выслушаніи сообщеній Струве, Парижское Совѣщаніе согласится съ его основными положеніями. Въ виду того, что Мирная Конференція несомнѣнно будетъ настаивать на независимости Финляндіи, считаю, что насталъ моментъ Россіи принять иниціативу. Послѣ японской войны въ самый день заключенія мира я былъ свидѣтелемъ того, какъ японцы просили насъ о назначеніи посла. Императорское правительство отклонило этотъ шагъ, знаменовавшій признаніе Японіи Великой Державой, и намъ потомъ пришлось итти за другими державами. Не слѣдуетъ повторять эту ошибку и откладывать неизбѣжное. Струве утверждаетъ — а отзывъ его для меня достаточно убѣдителенъ — что теперешнее правительство Финляндіи для насъ наиболѣе благопріятно. Личныя мои отношенія со здѣшними финляндскими представителями показываютъ, что они крайне дорожатъ признаніемъ нами ихъ новорожденной независимости и что бы-

ло бы близоруко не использовать этого настроенія. Думаю, что слѣдовало бы адм. Колчаку и ген. Деникину войти черезъ Парижское Совѣщаніе въ непосредственный контактъ съ Юденичемъ и Карташевымъ и придать имъ характеръ оффиціальныхъ представителей Россіи въ Финляндіи».

Передавая 17 февраля телеграмму ко мнѣ Карташева изъ Гельсингфорса, я сдѣлалъ на ней нижеслѣдующій комментарій:

«Эта телеграмма, дополняющая предыдущія и ближайшимъ образомъ выясняющая широкія задачи русскихъ организацій въ Финляндіи, должна служить для васъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, насколько важно и настоятельно необходимо немедленно поставить эти русскія организаціи въ наивыгоднѣйшее положеніе. Необходимой предпосылкой является, по моему мнѣнію, урегулированіе отношеній съ Финляндскимъ правительствомъ. Убѣдительно прошу васъ проникнуться сознаніемъ, что независимость Финляндіи есть совершившійся фактъ. Державы Согласія рано или поздно признаютъ ее, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что онѣ будутъ серьезно считаться съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ этому того Русскаго правительства, которое онѣ сами не рѣшаются еще признать».

Наконецъ, 11 марта я высказалъ нижеслѣдующее:

«По финляндскому вопросу моя точка зрѣнія не вполнѣ согласна съ отзывомъ Сазонова. По пово-

ду вашей просьбы обращенной къ нему: — «содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ Финляндіей и дать понять, что наше признаніе независимости должно быть отложено до Національнаго Собранія», полагаю, что одно другое исключаетъ, ибо Финляндское правительство никогда не признаетъ никакого рѣшенія Русскаго Національнаго Собранія, не санкціонирующаго независимости, а нашъ отказъ поставить признаніе независимости въ основу нашихъ отношеній, породитъ и уже порождаетъ тренія. Намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что державы Согласія, Мирная Конференція, Лига Націй — всѣ эти рѣшающія инстанціи несомнѣнно станутъ на точку зрѣнія независимости, и что непринятіе нами иниціативы поколеблетъ наше положеніе. Поэтому мнѣ представлялось бы правильнымъ избрать другой путь, а именно вступить нынѣ отъ имени объединенныхъ правительствъ, — Омскаго, Екатеринодарскаго и Архангельскаго — въ переговоры съ Финляндіей на основѣ независимости ради огражденія нашихъ военно-морскихъ и экономическихъ интересовъ, и результатъ этихъ переговоровъ сообщить, какъ свободное соглашеніе между Россіей и Финляндіей, на санкцію Мирной Конференціи.

Это мое опредѣленное мнѣніе, основанное на показаніяхъ компетентныхъ свидѣтелей положенія въ Финляндіи. Но я, разумѣется, не считаю себя вправѣ итти далѣе выраженія вамъ этого своего убѣжденія».

Всѣ эти телеграммы остались безъ послѣдствій. Съ одной стороны, Колчакъ не считалъ возможнымъ брать на себя отвѣтственность за признаніе независимости Финляндіи, съ другой — за телеграммами слѣдовали телеграммы изъ Парижа, часто не сообщавшіяся мнѣ, въ которыхъ высказывались противоположные взгляды. Результатомъ было, что Колчакъ въ своихъ отвѣтахъ иностраннымъ представителямъ въ Омскѣ и политическое Совѣщаніе въ Парижѣ, въ нотахъ, адресуемыхъ Мирной Конференціи, настаивали на томъ, что признаніе Финляндіи должно зависѣть отъ санкціи будущаго Учредительнаго Собранія. Такая точка зрѣнія, хоть и правильная съ точки зрѣнія строгаго конституціонализма, равносильна была практическому «non possumus» и не способствовала выходу изъ тупика. Мое предсказаніе оправдалось. Въ настоящее время имѣются аккредитивные представители Финляндіи при правительствахъ державъ Согласія, а представители «лояльной» Россіи . . . незавидна ихъ участь!

Такъ потеряна была возможность получить дѣятельную поддержку Финляндіи въ первые мѣсяцы 1919 г. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Сазоновъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, рѣзко заявилъ мнѣ, что не уступитъ Финляндіи «ни шиша» !

Послѣдовалъ категорическій отказъ Финляндіи участвовать въ операціи для взятія Петрограда. Рѣшено было перевести «базу» въ Эстонію. Снова упрямый отказъ русскаго политическаго Совѣ-

щанія въ Парижѣ войти въ непосредственныя сношенія съ «малыми національностями» послужилъ главною причиною провала всего дѣла. Разумѣется, не единственною причиною — политическихъ причинъ было много.

Но основная причина заключалась въ томъ, что Россія, Русскія власти были отстранены Союзниками, взявшими дѣло въ свои руки и произведшими невѣроятную, постыдную и недостойную путаницу, загубившую десятки тысячъ жизней. Какъ только рѣшено было перенести базу Юденича въ Эстонію, я обратилъ вниманіе англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на слѣдующія основныя положенія, которыми слѣдовало бы руководствоваться при выполненіи задачи умиротворенія Балтики.

Есть основное различіе между строемъ Финляндіи и бывшихъ «Балтійскихъ провинцій» Россіи. Финляндія имѣла свою конституцію, свою культуру, свою классовую систему, словомъ, свое особое національное «я». Ничего подобнаго въ Эстоніи не было. Населеніе ея состояло изъ крестьянъ — эстовъ, землевладѣльцевъ — нѣмецкихъ или обрусѣвшихъ бароновъ и средняго класса — учителей, торговцевъ, лицъ свободныхъ профессій — наполовину русскихъ, наполовину нѣмцевъ. Послѣ большевистскаго переворота, помѣщики или были изгнаны, или бѣжали. Нѣмцы также выселились, и эстонцы напрягли всѣ усилія къ тому, что-

бы уничтожить русскихъ «буржуевъ». Но въ самой Эстоніи нѣтъ интеллигентнаго класса, способнаго править страною по принципу самоопредѣленія.

Лишить Россію доступа къ портамъ Балтійскаго моря значило бы повторить опытъ Карла XII. Я намекнулъ, что врядъ ли кому будетъ охота сознательно стать въ положеніе «шведа подъ Полтавою».

Поощрять преувеличенныя вожделѣнія Балтійскихъ народностей значитъ играть въ руку Германіи. Въ ближайшемъ будущемъ Россіи придется разрѣшать задачи несравненно болѣе сложныя, чѣмъ Германіи. Германія, понятно, будетъ стремиться проникнуть въ эти провинціи, лишенныя культурныхъ элементовъ, способныхъ противодѣйствовать такому проникновенію. Съ другой стороны, державы Согласія, поощряя созданіе независимыхъ государствъ на Балтійскомъ побережьѣ, принимали бы на себя нравственное обязательство оказать имъ политическую и финансовую поддержку. Финансовая поддержка зависѣла бы отъ степени ея прибыльности. Прибыль добывается путемъ концессій. Концессіи же толкуются какъ эксплоатація.

Единственнымъ правильнымъ методомъ поэтому кажется мнѣ, дать ясно понять этимъ «малымъ народностямъ», что судьба ихъ — быть свя-

занными съ Россіей на началахъ федераціи, при широкой внутренней автономіи.

Странно, что именно авторъ «14-ти пунктовъ» проявилъ наибольшую проницательность въ вопросѣ объ отношеніяхъ между Россіей и окраинными государствами.

Идея Балтійской федераціи зародилась въ британскихъ канцеляріяхъ. Спеціалисты по русскимъ дѣламъ сочиняли несмѣтные меморандумы по этому вопросу. Во всемъ мірѣ не хватило бы мусорныхъ корзинъ, чтобы вмѣстить всѣ эти доклады, ноты, статьи и записки . . . вызванные стремленіемъ оттѣснить Россію отъ балтійскаго побережья.

Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ выслушивало меня внимательно и соглашалось съ моими доводами. Но оно въ то же время ясно понимало, что моя точка зрѣнія не раздѣляется Парижскимъ синклитомъ, и потому старалось вынимать каштаны изъ огня для себя, а не для будущей Россіи. Въ разговорахъ со мною, отвѣтственные руководители англійской политики уговаривали меня воздѣйствовать на Омскъ и на Парижъ — а подъ шумокъ Бальфуръ съ Сазоновымъ сговаривались о томъ, чтобы «убрать» слишкомъ «рѣзкаго» представителя.

ГЛАВА XVI.

Убѣдившись, что русское политическое Совѣщаніе въ Парижѣ и правительство Колчака не способны принять разумную политику по отношенію къ Балтикѣ и Финляндіи, Союзники взяли дѣло въ свои руки, и началась трагедія.

Расходясь во взглядахъ на эти вопросы съ Омскомъ и Парижемъ, я не могъ «оффиціально» высказываться передъ Англійскимъ правительствомъ. Впрочемъ, наша «оффиціальная» точка зрѣнія перестала приниматься въ соображеніе. Между тѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ и военное принимали и выслушивали несмѣтное число безотвѣтственныхъ русскихъ людей. Сегодня г. Троцкій-Сенютовичъ, завтра Струве, потомъ Гучковъ, Шебеко, Нератовъ, Ю. Гессенъ, Князь С. К. Бѣлосельскій . . . «имя же имъ легіонъ». Каждый изъ нихъ высказывался по-своему. Какъ только выходили они изъ кабинета той или другой крупной или мелкой «особы», какъ черезъ ту же дверь входили всевозможные самозванные «представители» и «делегаты» Эстоніи, Латвіи, Литвы, Грузіи, Азербейджана и т. д. Получалась подлинная Вавилонская

башня . . . Нерѣдко, думается мнѣ, несчастный «начальникъ русскаго отдѣла» въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ возвращался домой съ жесточайшей головной болью. Разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ и найти выходъ изъ лабиринта взаимно другъ друга исключавшихъ показаній и совѣтовъ было, однако, задачею весьма трудною. Нить, которая могла бы помочь отысканію этого выхода изъ лабиринта, а именно основной принципъ неизбѣжнаго объединенія всѣхъ автономныхъ областей съ Россіей на федеративныхъ началахъ — была порвана самими русскими политическими дѣятелями. Они продолжали твердить объ Учредительномъ Собраніи (на что, разумѣется, слѣдовало возраженіе: «Улита ѣдетъ, когда то будетъ», а между тѣмъ надо что то строить сейчасъ) и по настоянію Сазонова отказывались дѣлать какія бы то ни было уступки Финляндіи. Этой порванной русскими нити Союзники не подобрали.

Тѣмъ временемъ всевозможные гг. Булиты, Стеффенсы и другіе имѣли свободный доступъ къ «Большой Четверкѣ» (Клемансо, Вильсонъ, Ллойдъ-Джорджъ и Орландо), всячески проводилась мысль о желательности сговориться съ большевиками. При такихъ условіяхъ русскіе оффиціальные представители лишены были послѣдняго шанса на авторитетность.

Когда въ печати появились первыя свѣдѣнія о сформированіи правительства Сѣверо-Западной Области, вслѣдъ затѣмъ подтвержденныя оффиці-

альными телеграммами посольству, — я обратился за разъясненіями въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ было категорически заявлено, что министерству ничего не было извѣстно о фантастическихъ продѣлкахъ полковника Марша (подъ руководствомъ Генерала Гофа). Подробная исторія этого эпизода уже появилась въ печати. Она представляетъ собою — поскольку дѣло идетъ о вмѣшательствѣ англичанъ — рядъ нелѣпыхъ и безпринципныхъ блужданій безотвѣтственныхъ подчиненныхъ офицеровъ въ области политики, которую имъ слѣдовало бы предоставить болѣе компетентнымъ изслѣдователямъ. Исторія траги-комическая и въ достаточной степени постыдная. Въ виду того, что русскіе читатели уже, конечно, вынесли въ этомъ дѣлѣ свой приговоръ, я не считаю нужнымъ на немъ останавливаться.

Генералъ Гофъ, бывшій въ то время британскимъ представителемъ въ Балтикѣ, имѣлъ съ тѣхъ поръ случай неоднократно высказываться по вопросу о національномъ русскомъ движеніи противъ большевиковъ. Honny soit qui mal y pense. Русское политическое Совѣщаніе въ Парижѣ не имѣло въ этомъ вопросѣ ни опредѣленнаго взгляда, ни яснаго представленія о фактахъ. Попытка посылки Н. Н. Шебеко въ Финляндію и въ Ревель «для ознакомленія съ обстановкою» ни къ чему не привела. Немощность русскаго синклита проявилась снова во всей несомнѣнности.

Я твердо убѣжденъ, что со времени созыва Мир-

ной Конференции въ Парижѣ вліяніе русскихъ политическихъ дѣятелей, дипломатовъ и случайныхъ совѣтчиковъ на политику державъ Согласія по отношенію къ Россіи свелось къ нулю. Въ особенности же въ Англіи. Почти тотчасъ послѣ заключенія перемирія проявилось рѣзкое разногласіе двухъ теченій общественнаго мнѣнія, отражавшихся въ печати и въ правительственныхъ кругахъ. Одно теченіе представлено было военнымъ министромъ Черчилемъ, небольшою группою членовъ палаты и 2—3 газетами. На другой сторонѣ стояли лидеры рабочихъ и соціалистовъ, вся либеральная и радикальная печать.

Будущій историкъ, который посвятитъ себя изученію событій, послѣдовавшихъ за заключеніемъ перемирія, и отношенія къ Россіи Англійскаго правительства, печати и общественнаго мнѣнія, неизбѣжно придетъ къ слѣдующему выводу: Съ 11-го ноября 1918 г. Великобританское правительство проводило политику, продиктованную крайне-лѣвымъ крыломъ рабочей и соціалистической партіи.

Настоящія записки не являются историческимъ изслѣдованіемъ, каждый тезисъ котораго подтвержденъ и доказанъ документами, приведенными «мелкимъ шрифтомъ». Почти три года я несъ на своихъ плечахъ отвѣтственность, сопряженную съ званіемъ представителя Россіи. Я подвергался критикѣ своихъ соотечественниковъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ и не снилось моимъ предшественникамъ на посту русскаго представителя

въ Англіи. За послѣдніе 8 мѣсяцевъ, вмѣсто поддержки, на которую я вправѣ былъ расчитывать, я получалъ удары въ спину изъ Парижа. Я поэтому не претендую на званіе историка. Я разсказываю лишь то, что я видѣлъ, слышалъ, выстрадалъ и, худо ли, хорошо ли, выполнилъ. Степень интереса, который способенъ вызвать мой разсказъ, зависитъ исключительно отъ степени довѣрія, имъ внушеннаго.

Будущій историкъ этого трагическаго періода, быть можетъ, наиболѣе знаменательнаго по своему вліянію на дальнѣйшую судьбу англо-русскихъ отношеній, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи не только дипломатическіе документы, но и англійскую печать и парламентскіе отчеты. Вотъ къ какому заключенію онъ придетъ и подтвердитъ оное параллельными цитатами изъ большевистской газеты «Daily Herald» и изъ парламентскихъ отчетовъ: «Встревоженные исключительно благопріятною обстановкою для помощи русскимъ національнымъ силамъ, создавшеюся въ декабрѣ 1918-го года, нѣкоторые органы англійской печати, а въ особенности «Herald» (бывшій въ то время еженедѣльникомъ), начали агитировать за прекращеніе дальнѣйшей военной помощи Россіи. «Теперь война кончилась, исчезъ предлогъ «общаго врага». «Надо прекратить посылку войскъ въ Россію». Съ этимъ правительство немедленно согласилось. «Всѣ союзныя вооруженныя силы должны покинуть Россію», заявилъ

«Herald». Сѣверная область была эвакуирована и англійскія войска были уведены изъ Закавказья въ той мѣрѣ, въ которой это соотвѣтствовало чисто британскимъ интересамъ. «Всякая помощь Колчаку, Деникину и Юденичу должна прекратиться», властнымъ голосомъ потребовали «Herald» и его приспѣшники. Заявленіе въ этомъ смыслѣ было вскорѣ сдѣлано правительствомъ въ палатѣ. «Миръ и торговля съ Россіей и признаніе правительства Ленина». Такова четвертая заповѣдь большевиствующихъ пророковъ въ Англіи. Мы вошли нынѣ въ этотъ четвертый фазисъ англійской политики по отношенію къ Россіи».

Вышеприведенныя строки — выдержка изъ моей статьи за подписью «Другъ Англіи» въ еженедѣльникѣ «Новая Россія», издававшимся русскимъ комитетомъ освобожденія въ Лондонѣ. Я не сомнѣваюсь, что историкъ подтвердитъ эти слова.

Я всецѣло отвергаю всѣ стереотипные аргументы о «коварствѣ Альбіона», всѣ подозрѣнія въ ненависти Англіи къ Россіи и въ стремленіи продлить муку Россіи съ тѣмъ, чтобы ее ослабить и расчленить. Я убѣжденъ и нынѣ, что англійскій народъ искренно расположенъ къ Россіи, понимаетъ всю огромность жертвъ, принесенныхъ ею на общее дѣло и всю глубину ея теперешнихъ страданій. «Томми Аткинсъ», жалѣвшій «Фритца» болѣе, чѣмъ ненавидѣвшій «человѣческое мясо для пушекъ» въ рукахъ Вильгельма II, не можетъ ненавидѣть Россію. Отъ Томми Аткинса до высшихъ

генераловъ, британская армія была другомъ Россіи, быть можетъ болѣе преданнымъ, чѣмъ другіе участники въ общемъ дѣлѣ.

Генералы Бриггзъ, Ноксъ, Хольманъ, Ханбери Вильямсъ . . . были и останутся друзьями Россіи. Никогда не забуду слѣдующаго инцидента:

Въ день торжественнаго шествія союзныхъ войскъ по улицамъ Лондона (тутъ были японцы, португальцы, но русскихъ не было) я встрѣтилъ генерала Ханбери Вильямса. Съ дрожью въ голосѣ и со слезами на глазахъ этотъ типичный представитель корректности и холодности, свойственныхъ англичанамъ, выразилъ мнѣ симпатію и сказалъ: «Мнѣ невыразимо больно видѣть эту процессію, въ которой нѣтъ русскихъ войскъ. Я всѣмъ нутромъ своимъ чувствую, какъ это несправедливо и дурно».

Тѣ, кто говорилъ, что имъ рѣшительно все равно, голодаетъ или нѣтъ Петроградъ (такое заявленіе было сдѣлано князю Львову въ ноябрѣ 1918 года однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, холодная сухость котораго произвела на князя потрясающее впечатлѣніе) — были въ меньшинствѣ. Я вѣрю, что въ тотъ день, когда на улицахъ Лондона будутъ выкрикивать «послѣднюю новость», сверженіе большевиковъ, ликованіе публики будетъ всеобщимъ. Тамъ, гдѣ разочарованные или предубѣжденные русскіе люди видятъ «коварные» замыслы, враждебную предусмотрительность или сухой расчетъ, я вижу лишь . . . пустое мѣсто.

Разгадка этой, на первый взглядъ непонятной, покорности правительства вліяніямъ, враждебнымъ Россіи, заключается на мой взглядъ въ томъ, что за послѣдніе 1½ года Английское правительство блуждало въ потемкахъ, не вѣдало, что творило, и потеряло всякую способность видѣть дальше «интересовъ сегодняшняго дня». Чѣмъ это объясняется?

Въ 1917 и 1918 годахъ постоянно раздавался призывъ: «Еще одно усиліе! Россія сдалась. Россіи больше нѣтъ. Но Америка съ ними. Америка насъ спасетъ. Нужны еще люди, еще деньги. Война стоитъ восемь милліоновъ фунтовъ въ день. Мало хлѣба, мало мяса, мало угля. Терпите, умирайте. Мы должны спасти Европу и самихъ себя отъ нѣмецкаго нашествія. Мы побѣдимъ, и будетъ миръ, свобода и благоденствіе. Эта война положитъ конецъ войнамъ».

Побѣдили. 11-го ноября зазвонили въ колокола . . . и немедленно стали разоружаться. Собрались въ Парижѣ и начали вершать судьбы міра. Вмѣсто того, чтобы заключать миръ съ Германіей, стали производить на свѣтъ одного за другимъ мертворожденныхъ «выкидышей» самоопредѣленія. Юлій Цезарь, Вашингтонъ, Сократъ, Наполеонъ не заслужили бы безсмертія, если бы въ дни ихъ земной жизни существовалъ кинематографъ. Никто не можетъ быть фотографированъ, кинематографированъ по 50-и разъ въ день, улыбаться, морщиться, поднимать шляпу, спускаться съ лѣст-

ницъ, влѣзать въ автомобили . . . подъ ударами дюжины фотографическихъ камеръ . . . и не возомнить себя безсмертнымъ. «Большая Четверка» въ самомъ дѣлѣ и вообразила, что если она, подобно Іисусу Навину, скажетъ солнцу: «Остановись», оно немедленно же и остановится.

Была побѣда. Но мира, свободы и благоденствія не послѣдовало. Растерянные побѣдители съ каждымъ днемъ съ изумленіемъ соображали, что «времена мирныя» еще за горами, и что плоды побѣды еще далеко не созрѣли. Запасы хлѣба, угля и мяса не увеличились по мановенію волшебнаго жезла — «четырнадцати пунктовъ». Жить было труднѣе, чѣмъ прежде. Народъ начиналъ сердиться. Нѣмецкаго милитаризма больше нѣтъ. Германскій императоръ, ненавистный символъ всѣхъ золъ своего времени, мишень для каррикатуристовъ и сатириковъ, — жалкій плѣнникъ въ голландскомъ замкѣ — окончательно забытъ. А жить трудно. Герои, спасители отечества, не находятъ заработка. Ихъ сестры и жены, зарабатывавшія по десяти фунтовъ въ недѣлю на заводахъ для изготовленія снарядовъ — уволены. А жизнь дорожаетъ. Все это вызвало крикъ: «Экономія». Правительство должно считать каждый грошъ. Армію надо сократить. Лишнихъ чиновниковъ надо уволить. Не надо могущественнаго флота. Мы думали, что сдеремъ съ нѣмцевъ послѣднюю шкуру — и вдругъ оказывается, что платить они не могутъ, потому что мирный договоръ лишилъ ихъ

возможности быстро «встать на ноги». Все это вызывало раздраженіе въ массахъ.

Такова была психологія, которою ловко воспользовалась большевистская пропаганда, кликнувшая кличъ, столь понятный рядовому обывателю: «Помощь Россіи связана съ расходомъ. А у насъ нѣтъ лишнихъ денегъ». Поэтому, какъ бы мы ни сочувствовали страданіямъ нашихъ русскихъ друзей, мы помочь имъ не можемъ. Это было лейтъ-мотивомъ пропаганды.

Мы находимъ этотъ лейтъ-мотивъ и въ иныхъ кругахъ. Только двѣ изъ державъ Согласія непосредственно заинтересованы въ судьбѣ Россіи: Англія и Франція. Другія или слишкомъ далеки, или слишкомъ незначительны (я исключаю Японію, которая «слушаетъ да ѣстъ»). Франція противится плану англичанъ мириться и торговать съ Совдепіей. Изъ Лондона раздается голосъ: «А вы готовы посылать войска и тратить деньги для спасенія Россіи? Когда доходитъ до дѣла, до «вынь да положь», — вы къ намъ. Извините, — мы больше не можемъ».

И не могутъ. Въ этомъ-то и горе. Общественное мнѣніе въ этомъ убѣждено длительной пропагандой. Оно теперь раздражено и разочаровано и не хочетъ думать о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо повлекло бы за собою торжество большевизма. Общественное мнѣніе не допуститъ новыхъ «жертвъ» для спасенія Россіи. Напротивъ, оно жаждетъ, чтобы Ан-

глія поживилась русскимъ сырьемъ. Настало время, когда не принципы или устарѣлыя политическія соображенія, а «сырье» является путеводною звѣздою, направляющею волхвовъ съ кинематографическимъ ореоломъ безсмертія. «Сырье» — это ultima ratio международныхъ отношеній, въ особенности же отношенія Англіи къ Россіи.

Въ іюнѣ 1919 года я старался объяснить Омскому правительству, которое продолжалъ освѣдомлять о событіяхъ и о теченіяхъ въ правительствѣ и общественномъ мнѣніи, что слѣдуетъ окончательно оставить надежду на помощь со стороны Англійскаго правительства въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ потребностямъ. Я поэтому заявлялъ, что надо перестать попрошайничать и постараться поставить весь вопросъ о матеріальной поддержкѣ на чисто дѣловую почву. Было ясно, что наши потребности будутъ расти по мѣрѣ продвиженія бѣлой арміи. Я считалъ, что слѣдуетъ войти въ непосредственныя сношенія съ англійскими и американскими фирмами. Мы могли бы платить «цѣнностями» за получаемыя цѣнности. Этого Омскъ никакъ понять не могъ. Мой совѣтъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, вызывалъ возраженія изъ Парижа. Правительство Колчака отвѣтило: «Мы получаемъ снабженіе отъ Англійскаго правительства». У меня опускались руки!

Въ серединѣ 1919 года ясно обнаружилась основная причина, долженствовавшая неминуемо при-

вести къ краху «бѣлаго» движенія. Обнаружилось, что ни одна изъ «бѣлыхъ» организацій не способна установить въ тылу арміи элементарныя условія экономическаго оздоровленія и политическаго мира, безъ которыхъ невозможно было надѣяться на поддержку арміи населеніемъ и на сопротивленіе большевистской пропагандѣ. Для достиженія этихъ условій требовалось также усиліе со стороны нашихъ бывшихъ союзниковъ, не военное, а чисто коммерческое, на которое и они уже были неспособны въ силу внутреннихъ обстоятельствъ, ясно сознаваемыхъ государственными людьми. То, что въ небольшомъ масштабѣ произошло на сѣверо-западѣ — переходъ отъ краснаго террора къ грабежамъ и разоренію бѣлыми — повторилось въ грандіозныхъ размѣрахъ въ Сибири, а позднѣе и на югѣ Россіи.

Съ середины 1919 года я потерялъ всякую надежду на побѣду Колчака.

Работа моя становилась невыносимо тягостна. Еженедѣльно пріѣзжали изъ Парижа друзья, предупреждавшіе меня, что со дня на день долженъ прибыть въ Лондонъ назначенный Сазоновымъ мой замѣститель.

Наконецъ, 9-го сентября Е. В. Саблинъ передалъ мнѣ слѣдующее письмо отъ С. Д. Сазонова:

«Уже во время моего послѣдняго пребыванія въ Лондонѣ (въ іюнѣ) я обратилъ ваше вниманіе на то, что отсутствіе почти всякаго общенія между вами и англійскими правящими кругами создаетъ

положеніе, весьма вредно отражающееся на русскихъ государственныхъ интересахъ. Въ настоящее тяжелое время личное вліяніе нашихъ представителей заграницей имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ имъ должно въ извѣстной мѣрѣ восполняться временное умаленіе авторитета Россіи въ международныхъ сношеніяхъ.

«Не считая возможнымъ долѣе нести отвѣтственность за создавшееся положеніе въ Лондонѣ, я принужденъ поручить совѣтнику посольства Е. В. Саблину принять отъ васъ управленіе посольствомъ».

Сазоновъ писалъ мнѣ «совершенно довѣрительно»!.. Такова сила старыхъ привычекъ. Человѣку, пробывшему въ Парижѣ 8 мѣсяцевъ (въ моментъ написанія письма) министромъ иностранныхъ дѣлъ Омскаго и Екатеринодарскаго правительствъ и ни разу не видавшему ни Клемансо, ни Вильсона, ни Ллойдъ Джорджа, которые принимали Чайковскаго и (кажется) князя Львова, казалось бы, надлежало съ опаскою касаться вопроса о восполненіи временнаго умаленія авторитета Россіи «личнымъ вліяніемъ представителей». Не мнѣ судить о томъ, насколько это удалось моему замѣстителю.

Я благодаренъ Сазонову. Пославъ меня въ Норвегію (откуда я подалъ въ отставку, когда убѣдился въ полной невозможности тамъ работать на пользу Россіи), онъ избавилъ меня отъ тяжелаго испытанія. Съ моимъ отъѣздомъ изъ Лондона по-

чти совпала смерть Колчака и прекращеніе всякой помощи Россіи со стороны англичанъ. Мнѣ, такимъ образомъ, не пришлось вторично, какъ въ 1917 году, представлять «бывшее правительство». Разница заключалась въ томъ, что въ 1917 году мы вѣрили въ будущее правительство. Въ 1919 мы это будущее правительство отпѣвали. Тогда Литвиновъ входилъ къ англичанамъ съ задняго крыльца. Теперь Красинъ подъѣзжаетъ къ «парадному» ходу дома, въ которомъ живетъ Ллойдъ Джорджъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

